

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Филологический факультет

На правах рукописи

Кулешова Мария Львовна

Специальность 10.02.03 – славянские языки

**ПЕЙОРАТИВНЫЕ НАЗВАНИЯ ЛИЦ КАК КОМПОНЕНТ ЛЕКСИКО-
СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В СЛОВЕНСКОМ И
СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ**

Диссертация на соискание

ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –

д.ф.н., профессор Ананьева Н.Е.

Москва

2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ.....	13
§1 ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЛИЦА КАК ЧАСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ И КАК ПОЛЕ	13
§2 ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ (ЭМОТИВНОСТЬ), ЭКСПРЕССИВНОСТЬ, ОЦЕНОЧНОСТЬ.....	18
§3 ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ (ЭМОТИВНОСТЬ).....	19
§4 ЭКСПРЕССИВНОСТЬ.....	21
§5 ОЦЕНОЧНОСТЬ	22
§6 ПЕЙОРАТИВНОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	24
§7 ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПЕЙОРАТИВОВ	28
Выводы	32
ГЛАВА II. КРИТЕРИИ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПЕЙОРАТИВНОСТИ В СЛОВЕНСКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ.....	34
§1 КРИТЕРИИ ПЕЙОРАТИВНОСТИ СЛОВЕНСКИХ И СЕРБСКИХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦ.....	34
Выводы	40
§2 СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПЕЙОРАТИВНОСТИ В СЛОВЕНСКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ЛИЦ)	41
Выводы	50
ГЛАВА III. ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ ПЕЙОРАТИВЫ.....	52
§1 ЧЕЛОВЕК.....	53
§2 ПОЛ И ВОЗРАСТ	54
§3 МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ СВЯЗИ (РЕЛЯЦИИ)	58
§4 КОНФЕССИЯ.....	60
§5 НАЦИОНАЛЬНОСТЬ/МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА/ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ/РАСА.....	62
§6 ПРОФЕССИЯ, РОД ЗАНЯТИЙ	71
§7 СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, ЗВАНИЕ.....	78
§8 МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА (ГОРОД/ДЕРЕВНЯ)	78
§9 ИДЕОЛОГИЯ, ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ОРГАНИЗАЦИИ, ПАРТИИ	79
§10 СЕКСУАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ	79
Выводы	82
ГЛАВА IV. ЧАСТНООЦЕНОЧНЫЕ ПЕЙОРАТИВЫ	84
§1 ФИЗИЧЕСКИЕ И ВНЕШНИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	85
§2 МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И (ИЛИ) СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС.....	94
§3 ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРА И ПОВЕДЕНИЯ	99
3.1 Отношение к работе, труду, профессии	99
3.2 Отношение к деньгам и прочим материальным благам.....	104
3.3 Поведение и отношение к третьим лицам.....	106
3.4. Речевые характеристики.....	114
3.5 Бесчестность	120
3.6 Вспыльчивость, драчливость	121
3.7 Высокомерие, тщеславие	122
3.8 Зависимость, пассивность.....	123
3.9 Искусственность поведения, подражательность.....	124
3.10 Легкомыслие, безрассудство	125

3.11 Лицемерие	125
3.12 Любопытство	126
3.13 Медлительность	126
3.14 Мелочность, придирчивость	127
3.15 Мещанство	128
3.16 Неопытность, молодость	129
3.17 Неотесанность, отсутствие культуры	130
3.18 Неряшливость, неопрятность	134
3.19 Отсутствие моральных принципов	135
3.20 Плаксивость	137
3.21 Подлость, коварство	138
3.22 Похотливость, развратное поведение	138
3.23 Разгульный образ жизни, хулиганство	141
3.24 Склонность к депрессиям, негативное мировосприятие	142
3.25 Склонность, конфликтность	142
3.26 Стервозность	143
3.27 Трусость, слабохарактерность	144
3.28 Упрямство	147
3.29 Хитрость	148
3.30 Чужачество, странная манера одеваться	148
3.31 Шутовство	149
3.32 Властность, властолюбие	150
3.33 Вульгарность	150
3.34 Завистливость	150
3.35 Кокетство	150
3.36 Лживость	151
3.37 Мстительность	151
3.38 Непостоянство, ненадежность	151
3.39 Нетерпимость, несдержанность	151
3.40 Расчетливость	151
3.41 Ревнивость	151
3.42 Самовлюбленность	152
3.43 Скучность	152
§4 УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ, НАЛИЧИЕ ТАЛАНТА	155
§5 Взгляды, мировоззрение	162
§6 Привычки, пристрастия	164
Выводы	168
ГЛАВА V. ОБЩЕОЦЕНОЧНЫЕ ПЕЙОРАТИВЫ	171
Выводы	181
ГЛАВА VI. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ЛИЦ, ОТЛИЧАЮЩИЕСЯ ПЕЙОРАТИВНОЙ КОННОТАЦИЕЙ	183
Выводы	193
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	195
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	201
ПРИЛОЖЕНИЕ	213

ВВЕДЕНИЕ

Лексическая семантика является одной из наиболее интересных и вместе с тем по-прежнему недостаточно изученных областей славянского языкознания. Исследование названий лиц, составляющих лексико-семантическую категорию личности, в частности их эмоционально-окрашенного сегмента, может выходить далеко за рамки лингвистики, что соответствует современным междисциплинарным научным тенденциям. С нашей точки зрения, пейоративные номинации (пейоративы) представляют собой наиболее яркий и культурно-маркированный фрагмент анализируемой категории, который может послужить основой для сопоставления языковых картин мира (представлений о действительности, отображенных в языке). Негативно-оценочные лексемы отличаются большей степенью семантической дифференциации, нежели единицы, характеризующиеся положительной коннотацией, что свидетельствует о лингвистической значимости их внутриязыкового описания, не говоря уже о сравнительном аспекте.

Выбор для сопоставления словенского и сербского языков не является случайным. Оба языка относятся к южнославянской подгруппе, однако их отличают собственные пути развития, обусловленные культурно-историческими факторами: контакты сербов с турками, а словенцев – с австрийцами и итальянцами, влияние *Slavia Orthodoxa* с одной стороны и *Slavia Latina* – с другой и т.д. Кроме того, и словенский, и сербский язык характеризуются чрезвычайной продуктивностью моделей образования эмоционально окрашенных, в частности пейоративных, номинаций лиц, причем каждый из них обнаруживает в данном аспекте свою специфику. По словам С. Ристич, в сербском языке, в отличие от русского, именно существительные, наряду с глаголами, являются важнейшим средством выражения экспрессивности [Ристич 2004: 72]. Данное утверждение, безусловно, справедливо и в отношении словенского языка.

Научная новизна и актуальность настоящей работы определяются тем, что она представляет собой первое комплексное описание словенских и сербских пейоративов в рамках лексико-семантической категории личности. Серьезные научные работы по данной конкретной проблематике отсутствуют, и тему диссертационного исследования можно считать **неразработанной**. Значимость исследования также связана с актуализацией рассматриваемого пласта лексики: в условиях свободы слова пейоративы активно используются в СМИ, блогах и социальных сетях с целью определенного воздействия на читательскую аудиторию.

Объектом исследования являются пейоративные наименования лиц в современном словенском и сербском языках, относящиеся к литературным языкам и сленгу. Трактовка терминов «пейоративность» и «пейоративный» содержится в **Главе 1**, освещающей теоретическую базу исследования.

В качестве **предмета исследования** были определены способы выражения пейоративности и образования конкретных уничижительных номинаций лиц, их семантика, в том числе динамика развития лексического значения, частотность употребления и особенности функционирования в современном словенском и сербском языках.

Основным **материалом исследования** являются лексикографические данные словенских словарей: SSKJ (Slovar slovenskega knjižnega jezika) и SNB (Slovar novejšega besedja slovenskega jezika) – и словарей сербохорватского языка: РМС (Речник српскохрватског књижевног језика) и РСАНУ (Речник српскохрватског књижевног и народног језика). Дополнительным материалом исследования стали данные сетевых словарей разговорной и (или) пейоративной лексики: *Razvezani jezik* (razvezanijezik.org, Словения), *Vukajlija* (vukajlija.com, Сербия), *Речник народних погрдних назива* (ndragan.com/langsr/pogrde.html, Сербия). Мы учли тот факт, что в последние десятилетия социолингвистическая ситуация на территории бывшей Югославии претерпела значительные изменения: имеется в виду разграничение сербского и хорватского литературных языков, а также обособление боснийского и черногорского языков. Несмотря на то что объект исследования определяется как сербский язык, использование словарей сербохорватского языка в качестве источников представляется естественным, поскольку большая часть лексического фонда для сербского и хорватского языков является общей. Критерии пейоративности словенских и сербских номинаций лиц перечислены в одноименной главе. Ряд *nomina personalia* представлен несколькими лексико-семантическими вариантами (ЛСВ, от двух до четырех), каждый из которых обозначен соответствующей цифрой. Словенские ЛСВ приводятся латиницей, сербские – кириллицей. Общее число рассмотренных ЛСВ составляет **1837** единиц (987 словенских и 850 сербских).

Кроме того, настоящее исследование основывается на обширной базе текстов: 1) материал новейшего корпуса словенского языка *Gigafida* (gigafida.net), включающего в себя приблизительно 1,2 миллиардов слов из публицистических, художественных и сетевых текстов; 2) данные корпуса сербского языка (*Корпус савременог српског језика на Математичком факултету Универзитета у Београду*, korpus.matf.bg.ac.rs), содержащего 123 миллиона слов, в первую очередь, из произведений художественной литературы, а также ряда публицистических изданий. Сербский корпус является единственным доступным

ресурсом подобного рода, в то время как словенский портал *Gigafida* был выбран из ряда других источников (*Fidaplus*, *Nova beseda*, *Gos*, *Kres*), поскольку он представляет собой наиболее полное и актуальное (1990-2011 гг.) собрание разноплановых текстов. В связи с тем, что словенский и сербский корпуса не сопоставимы ни по объему, ни по функционально-стилистическому наполнению, было принято решение использовать в качестве дополнительных источников данные сети Интернет: в обоих случаях использовалась поисковая система *Google*, ограниченная либо словенским, либо сербским языковым и географическим сегментом. При этом в случае с сербским материалом присутствует высокая вероятность погрешности, обусловленная трудностью дифференциации текстовых фрагментов, относящихся к сербскому и хорватскому языкам. Общее число просмотренных нами контекстов составляет не менее **500 тысяч**. В силу особенностей предмета и целей исследования большинство релевантных словенских контекстов было зафиксировано при анализе корпуса, большая часть сербских контекстов – при анализе данных Интернета. Примеры из словенских источников приводятся латиницей, из сербских – кириллицей.

Настоящая работа базируется на текстах, датируемых не ранее, чем 2000 г.; большая часть из них относится к временному отрезку 2008-2014 гг. Тем не менее мы позволили себе использовать в качестве иллюстрации отдельных тезисов работы примеры из более ранних текстов, в случае если рассматриваемый ЛСВ избежал существенной модификации значения.

Приводя контекст употребления той или иной лексики, мы указывали источник (название периодического издания или Интернет) и год упоминания. В некоторых случаях год или конкретный источник не отмечен в силу отсутствия сведений в корпусе или на Интернет-странице либо по техническим причинам (удаление соответствующей публикации).

Целью настоящего **исследования** является выявление общих и различительных словообразовательных, семантических и функциональных черт словенских и сербских пейоративных номинаций лиц, включая фразеологизмы. В рамках контрастивного анализа немаловажную роль играет и монологвальное описание, поэтому данная цель нами также преследовалась; при этом хотелось бы отметить, что основным объектом изучения выступает словенский язык. Кроме того, несмотря на синхронный характер настоящего исследования, одну из частных целей работы мы можем определить как фиксирование модификации значений лексем, т.е. различий между словарными дефинициями и фактическим словоупотреблением.

Для выполнения вышеупомянутых целей мы определили следующие конкретные **задачи**:

- описание лексико-семантической категории персональности и установление места пейоративных номинаций лиц в ее рамках;
- формулирование критериев пейоративности словенских и сербских номинаций лиц с учетом использованных лексикографических источников;
- определение способов и средств экспликации пейоративной коннотации в словенском и сербском языках;
- сбор языкового материала с помощью вышеперечисленных лексикографических источников в соответствии с выбранными критериями пейоративности и проверка его актуальности (фиксация частотности пейоративных ЛСВ) благодаря корпусам и сети Интернет;
- дифференциация однословных пейоративных номинаций и субстантивных фразеологических единиц;
- распределение однословных пейоративных названий лиц по базовым категориям: идентифицирующие, частнооценочные, общеоценочные; применение аналогичной классификации по отношению к фразеологизмам;
- выделение лексико-семантических групп (ЛСГ) и признаков подгрупп внутри каждой из категорий;
- контрастивное описание языкового материала с точки зрения различных критериев: способы и средства образования пейоративных номинаций лиц, частотность употребления, семантический и функциональный аспекты, степень негативной экспрессивности, гендерная маркированность;
- контекстуальный анализ пейоративов, определение специфики их употребления и характера коннотации, сопоставление словарных толкований и ЛСВ, актуальных для современных языков.

В настоящей работе применялся комплекс различных исследовательских **методов**, в том числе:

- структурно-семантический метод описания значения пейоративных номинаций лиц;
- метод словообразовательного анализа, предусматривающий выделение производной и непроизводной лексики и установление способов и средств деривации первой из них;

- системно-функциональный метод, заключающийся в исследовании функционирования данного фрагмента языковой системы словенского и сербского языков в корпусах и Интернете и использовании контекста как одного из основных способов семантизации;
- сравнительный (контрастивный) метод, примененный при сопоставлении лексики словенского и сербского языков.

Использовались также более **частные методы**:

- метод сплошной выборки (при изучении лексикографического материала и данных корпусов и сети Интернет);
- метод статистического подсчета (при фиксировании количества упоминаний пейоративного лексико-семантического варианта в корпусе и Интернете).

Структурно-семантический метод исследования требует отдельного комментария. В настоящей работе мы руководствовались принципами семного (компонентного) метода анализа значения слова, понимая **сему** как «минимальную, предельную единицу плана содержания» [ЛЭС: 437], а лексическое значение слова – как многоаспектную полевую структуру. Понятия «сема» и «семантический компонент» в работе используются как синонимы. При классификации сем мы пользовались терминологией И.А. Стернина: **ядерная** сема «обозначает обязательный, неустранимый признак предмета» [Стернин: э.р.], **периферийные** семы «дополняют ядро и в значительной степени обуславливают семантическое развитие слова и его коммуникативное варьирование» [там же], **дифференциальные** семы «различают значения сравниваемых слов» [там же], **интегральные** семы, являются «общими для значений группы слов» [там же]. Для обозначения периферийных сем, актуализируемых только в отдельных контекстах (дальняя периферия), мы использовали термин «**факультативная сема**».

Необходимо уточнить также специфику сравнительного (контрастивного) метода, примененного в настоящей работе. Мы использовали метод синхронного системно-функционального сравнения двух языков, цель которого заключается «в углубленном познании системно-функциональных закономерностей сопоставляемых языковых феноменов и выявлении на этой основе сходств и различий между ними, а также некоторых общеязыковых универсалий» [Нещименко 1983: 31]. Согласно Вл. Барнету, в ходе конфронтационного исследования логико-содержательных и функционально-семантических категорий устанавливаются случаи эквивалентности языков на базе экстерных функций, т.е. «непосредственного удовлетворения коммуникативных потребностей» [Барнет 1983: 19].

Методологической базой исследования являлись работы, посвященные: а) наименованиям лиц (Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева, А.Д. Шмелев, Р. Токарский и др.); б) теории эмотивности, экспрессивности, языковой оценки (В. И. Шаховский, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, С. Ристић и др.); в) пейоративности (Н.П. Шибаева, А.В. Ковалевская); г) компонентному анализу семантики слова (И.А. Стернин).

Теоретическая значимость работы состоит в рассмотрении лексико-семантической категории персональности и ее составляющих как полевой структуры; разработке классификации пейоративных номинаций лиц, распределенных по трем основным категориям (идентифицирующие, частнооценочные, общеоценочные), а также дифференциации ЛСГ и подгрупп внутри данных категорий; установлении конкретных критериев пейоративности, использованных при анализе словенского и сербского словарного материала; описании способов и средств выражения пейоративности в обоих языках.

Практическая ценность работы заключается в возможности широкого применения результатов диссертационного исследования в сфере лексикографии и лингводидактики. Сам материал и результаты его анализа могут послужить основой для составления современных толковых и переводных словарей литературного языка и сленга, а также имеют существенное прагматическое значение для кросскультурной коммуникации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Лексико-семантическая категория персональности, репрезентантами которой являются номинации лиц, может быть представлена в виде полевой структуры (ЛСП персональности). Пейоративные *nomina personalia* неравномерно распределяются в рамках данного поля, занимая близкую к центру или отдаленную от него позицию.

2) По семантическому и функциональному критериям в рамках пейоративных номинаций лиц выделяются три категории: идентифицирующие, частнооценочные и общеоценочные. Границы между ними имеют зыбкий, нечеткий характер: один и тот же пейоратив может включать в себя ЛСВ, относящиеся к различным категориям, и факт семантического перехода далеко не всегда возможно диагностировать при контекстуальном анализе. Идентифицирующие пейоративы расположены ближе всего к центру ЛСП персональности, общеоценочные – максимально отдалены от центра.

3) Лексикографические пометы пейоративности, приводимые в словенских и сербских словарях, не являются единственным релевантным показателем при отборе уничижительных номинаций лиц. Необходим тщательный корпусный анализ материала, а также введение дополнительных критериев пейоративности. Для словенских пейоративов

одним из такого рода критериев мы считаем наличие суффикса **-ež** при негативном оценочном компоненте в основе.

4) Словообразовательные особенности словенских и сербских пейоративов связаны с их категориальной принадлежностью. Идентифицирующим пейоративам свойственно образование путем суффиксации: в словенском языке с использованием формантов **-ar**, **-uh** и др., в сербском языке – **-(ч)ина**, **-етина** (аугментативные суффиксы) и др. Частнооценочные и общеоценочные пейоративы в данном аспекте обнаруживают сходства: обеим категориям свойственны такие деривационные способы, как суффиксация и метафоризация. Следует отметить также аналогичные тенденции в использовании конкретных формантов: в словенском языке в рамках обеих категорий превалирует суффикс **-ež**, для сербского языка как в том, так и в другом случае характерно отсутствие общей доминанты и использование формантов со специализированным значением (**-ло**, **-оња**, **-овић** и др.).

5) Наибольшее своеобразие каждого из языков проявляется в рамках пейоративных названий лиц по конфессии и по национальности/месту жительства/этническому происхождению/расе, причем для сербского языка характерна тесная взаимосвязь этих двух групп. Культурная маркированность отличает, в частности, уничижительные номинации соседних народов (серб. *Balija1*, слов. *jodlar*) и иммигрантов (слов. *čefur*, *bosanec*).

6) Различия между словенской и сербской языковыми картинками мира выявляются в первую очередь благодаря анализу метафор, встречающихся главным образом среди частнооценочных пейоративов. Отдельные из них обнаруживают «лакуны» в одном из языков (слов. *bunka* ‘шишка’ → ‘толстуха’, серб. *мазгов* ‘мул’ → ‘дурак’), другие – различия образа, стоящего за метафорой (слов. *puran* ‘индюк’ → ‘гордец, задавака’, серб. *ћурак* ‘индюк’ → ‘дурак’).

7) Гендерная маркированность, под которой мы понимаем наличие в рамках ЛСГ или подгруппы существенного количества пейоративов, обозначающих исключительно лиц женского пола (как правило, не имеющих родовых коррелятов), и в сербском, и в словенском языках отличает признаковые подгруппы «Похотливость, развратное поведение», «Глупость», «Болтливость» (в сербском более ярко, нежели в словенском), «Уродство, внешняя непривлекательность», «Полнота» (особенно в словенском), «Легкомыслие, безрассудство». В сербском языке к такого рода подгруппам мы относим также «Неряшливость, неопрятность» и «Кокетство».

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования нашли отражение в публикациях журналов из списка ВАК: «Славяноведение» (2013, №6), «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» (2014, №2), «Научное

мнение» (2014, № 10) – а также были обсуждены на конференциях: «XX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов”» (Москва, 2013), «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках» (Днепропетровск, 2013), «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии» (Москва, 2013), «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, 2014).

Объем и структура работы. Работа состоит из **Введения**, шести глав, **Заключения**, **Списка литературы**, а также **Приложения**.

В **Главе I** излагаются теоретические основы работы, рассмотренные по принципу от общего к частному: сначала описывается лексико-семантическая категория персональности и предлагается полевой принцип ее структурирования, затем обозначается место объекта исследования (пейоративных номинаций лиц) в рамках данного поля. Далее пейоративные *nomina personalia* анализируются не только как носители семы ‘лицо’, но и как представители особой категории пейоративности, тесно взаимосвязанной с понятиями эмотивности, экспрессивности и оценочности. Приводится вышеупомянутая классификация пейоративов; предлагаются критерии, на основании которых пейоративные номинации лиц можно рассматривать в виде поля.

В **Главе II** анализируются теоретические аспекты, непосредственно связанные с исследованием словенского и сербского материала. В первом разделе «Критерии пейоративности для словенских и сербских номинаций лиц» рассматриваются принципы обработки лексикографического материала и, как итог, перечисляются словарные пометы и иные признаки, являющиеся маркерами пейоративов в каждом из языков. Второй раздел «Способы выражения пейоративности в словенском и сербском языках (на материале названий лиц)» посвящен словообразовательным способам, которые могут служить экспликаторами пейоративной коннотации. Наиболее подробно описывается суффиксация, предполагающая использование различных конкретных средств выражения пейоративности (формантов), различающихся в двух языках.

В **Главе III** рассматриваются идентифицирующие пейоративы, подразделенные нами на ряд лексико-семантических групп («Человек», «Пол и возраст», «Межличностные связи (реляции)» и т. д.). Большинство данных групп включает в себя подгруппы, выделяемые на основе семного конкретизатора (по терминологии И.А. Стернина [Стернин: э.р.], например, ЛСГ «Пол и возраст» — подгруппы «Женщина», «Мужчина», «Пожилая женщина», «Девушка» и т. д.). Характер анализа каждой из лексико-семантических групп (порядок описания подгрупп, детальность анализа и т. д.) зависит от каждого конкретного случая, но в каждом из них словообразовательный разбор (способы образования пейоративов)

предшествует семантическому (или переплетается с ним), а последний отличается многоаспектностью (значение лексемы и его взаимосвязь с культурным контекстом, функционирование, степень негативной экспрессивности, гендерная маркированность).

Глава IV посвящена частнооценочным пейоративам – самой лексически нагруженной из рассматриваемых категорий, внутри которой выделяется 6 ЛСГ: «Физические и внешние характеристики», «Материальное положение и (или) социальный статус», «Особенности характера и поведения», «Умственные способности, отсутствие таланта», «Взгляды, мировоззрение», «Привычки, пристрастия». В целях удобства группа «Особенности характера и поведения» была подразделена на несколько менее крупных ЛСГ: «Отношение к работе, труду, профессии», «Отношение к деньгам и прочим материальным благам», «Поведение и отношение к третьим лицам», «Речевые характеристики». Признаковые подгруппы, не вписавшиеся в рамки данных ЛСГ, были описаны отдельно. Принцип анализа лексем предполагает рассмотрение тех же аспектов, что и в предыдущей главе.

В **Главе V** описываются общеоценочные пейоративы, представляющие собой наиболее семантически гомогенную категорию, которая включает в себя лишь две группы, разграниченные на базе дифференциальных сем ‘лицо’ – ‘группа лиц’. Первая из групп, в свою очередь, подразделяется на две подгруппы («Плохой человек» и «Никчемный человек»).

Глава VI содержит анализ иного типа номинаций лиц – субстантивных фразеологизмов, отличающихся пейоративной коннотацией. Принцип их рассмотрения, таким образом, отличается от схемы, примененной при описании однословных единиц, и подразумевает структурный анализ фразеологизмов, классификацию с точки зрения спаянности лексических компонентов по В.В. Виноградову, соотношение с однословными пейоративами, способ выражения негативной коннотации и др.

В **Заключении** подводятся основные итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего изучения пейоративности и смежных с ней категорий. **Список литературы** включает в себя научные работы, посвященные исследуемому вопросу, а также список использованных корпусов и сетевых словарей. В **Приложении** в алфавитном порядке приводятся словенские и сербские пейоративные номинации лиц, представляющие собой основной материал диссертационного исследования.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

§1 Лексико-семантическая категория лица как часть семантической категории личности и как поле

Семантика, связанная с понятием «лицо», реализуется на различных языковых уровнях. Лексический уровень (представленный *nomina personalia*) традиционно не рассматривается в рамках функционально-семантического поля личности (см., например, [ТФГ 1991]) или лексико-грамматической категории лица (см. [Щепин 1973]). Тем не менее это не мешает нам выделить **семантическую** категорию личности (лица), которая включала бы в себя наименования лиц. Семантические категории мы здесь, вслед за А.В. Бондарко, понимаем как «универсальные («надязыковые») константы смысла, получающие различную системно-языковую и речевую интерпретацию в разных языках» [Бондарко 2004: 23]). Таким образом, значение лица может получать воплощение в следующих формах:

- 1) грамматической категории лица, выражающейся в трехчленной оппозиции «первое – второе – третье лицо»;
- 2) грамматической категории личности-неличности, реализующейся в противопоставлении лица объекту, не являющемуся лицом;
- 3) семантико-синтаксической категории, представленной привативной оппозицией личности-безличности (т.е. отсутствием лица), маркированным членом которой являются безличные предложения;
- 4) лексико-грамматической категории мужского лица, выражающейся в противопоставлении мужского лица всем остальным и представленной, например, в польском, верхнелужицком, частично словацком языках;
- 5) лексико-семантической категории личности, экспликаторами которой являются наименования лиц по полу, возрасту, роду деятельности и т.п.

В настоящей работе мы рассматриваем лексико-семантическую категорию личности, к которой относятся имена существительные, объединенные наличием семы «лицо». В рамках нашего исследования данная категория анализируется в более узком смысле: изначально выносятся за скобки антропонимы, за исключением прецедентных имен, используемых в качестве характеристики. Следовательно, объектом настоящего исследования являются нарицательные названия лиц, а также имена собственные, реализующие функцию нарицательных.

Лексемы, входящие в состав категории, относятся к семиологическому классу предметных имен [Уфимцева 1986: 107]. В качестве их основных признаков, наряду с компонентом «лицо», можно назвать предметность, конкретность [Белоусова 1981: 74], одушевленность (как элемент семантики) [Уфимцева 1986: 114], близость частных номинаций лиц «не к идентифицирующему, а к предикатному типу» [Арутюнова 1999: 209]. Последняя особенность подразумевает под собой зависимость выбора номинации от ситуации речи, направленность на передачу характеризующих черт, реляционных связей, что подтверждается наличием нескольких наименований для одного и того же референта (в данном случае лица).

Термин «лексико-семантическая категория персональности (лица)» не встречается в работах лингвистов, заменяющих его понятиями «названия/наименования/имена/номинации лиц», «*nomina personalia*», «антрополоксемы» [Дуличенко 2000], «лексико-семантическое поле лица». Последний термин не может считаться абсолютным синонимом всех остальных, поскольку подразумевает под собой определенное структурирование элементов, правомерность которого в контексте исследуемого материала уместно обсудить далее.

В языкознании сфера применения понятия «поле» и метода построения полевой структуры достаточно широка. Впервые термин «семантическое поле» встречается у Й. Трира, в дальнейшем же теория поля разрабатывалась многими учеными ([Балли 1955], [Уфимцева 1961], [Адмони 1964], [Щур 1974], [Караулов 1976], [ТФГ 1991], и др.). В качестве основных признаков данного типа поля называются наличие «общего лингвистического интегрального признака и способность притягивать к себе элементы, обладающие таким признаком» [Щур 1974: 219], «связь его элементов, системный характер данной связи, самостоятельность поля, его специфичность в разных языках» [Караулов 1976: 32-33], «непрерывность обозначения его смыслового пространства» [Кобозева 2008: 99]. В рамках структуры поля выделяются центр (ядро) и периферия. Центральной для лексико-семантического поля – более узкого понятия, покрывающего исключительно область лексического значения – обычно является так называемая архисема – «родовая интегрирующая сема, свойственная всем единицам определённого класса и отражающая их общие категориальные свойства и признаки» [ЛЭС: 437]. Остальные лексемы располагаются в разной степени отдаленности от ядра в зависимости от их гипонимического/гиперонимического характера, стилистических особенностей, дистрибутивных ограничений и т.д. Внутри лексико-семантического поля (далее ЛСП) сосуществуют также различные виды иных связей: синонимия, антонимия, ассоциация, деривация, партитивность и т.п. Менее крупные объединения лексем, принадлежащие к

одной части речи и объединенные интегральным семантическим признаком, называются лексико-семантическими группами.

Можно ли считать полем лексико-семантическую категорию личности? Данный вопрос уже поднимался, в частности, в работе польского лингвиста Ришарда Токарского [Tokarski 1984], рассматривавшего семантическое поле (*pole znaczeniowe*) «человек». Лексема *человек* в его трактовке является доминантой поля (находится в центре), а компонент значения «человеческое существо» (*istota ludzka*) – архисемой. В качестве основных дифференциальных признаков называются семы «ребенок», «младенец», «мужчина», каждая из которых может выступать как со знаком «минус», так и со знаком «плюс», а также «старый» и «молодой». Таким образом, данное микрополе представляет собой лишь часть категории личности, так как для последней архисемой является компонент «лицо», а дифференциальные признаки, безусловно, не ограничиваются вышеперечисленными. Тем не менее, результаты исследования Токарского позволяют утверждать, что:

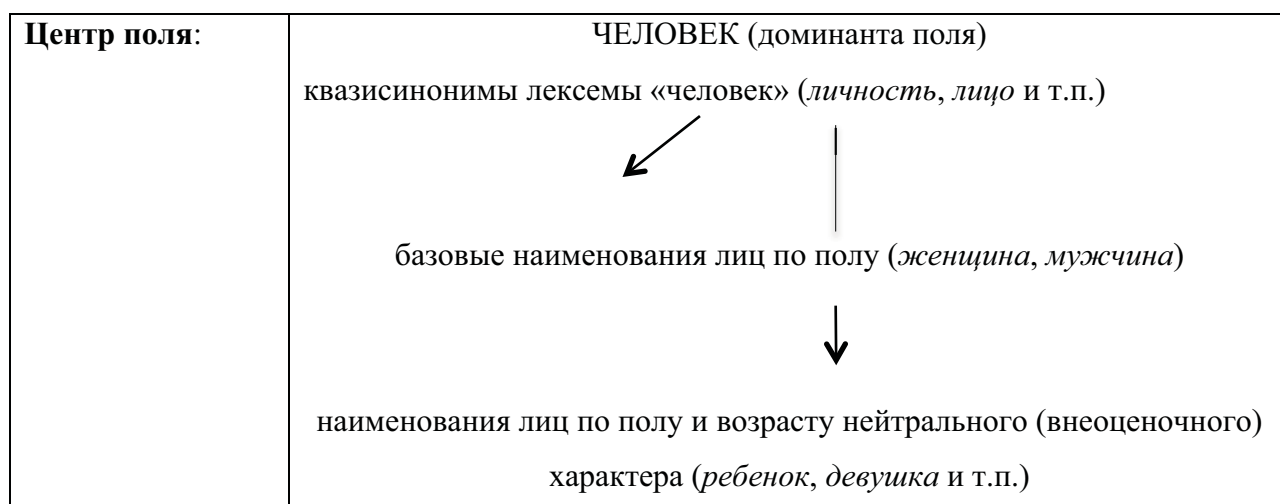
а) наименования лиц могут быть представлены в виде поля, так как они обнаруживают общую архисему, доминанту и дифференциальные признаки, создающие иерархичность микрополя «человек» и позволяющие расширить его до лексико-семантического поля лица (личности). Данное ЛСП обладает также всеми вышеперечисленными второстепенными признаками поля, в том числе: взаимосвязью элементов, присутствием парадигматических отношений (гиперонимии, гипонимии, антонимии, синонимии и т.д.), открытостью для пополнения новыми лексемами, континуальностью пространства и отсутствием четких границ в его рамках и т.д.;

б) микрополе «человек» с архисемой «человеческое существо» составляет центр лексико-семантического поля лица (личности). Данный тезис подтверждается тем, что признаки «пол» и «возраст» играют роль дифференциальных сем в рамках вышеупомянутого микрополя и отходят на второй план в семантике периферийных единиц ЛСП лица.

Следующая проблема заключается в распределении лексем, относящихся к периферийной области ЛСП личности, а также в установлении семантических компонентов и иных критериев, в соответствии с которыми следует строить структуру поля. Для решения данного вопроса необходимо рассмотреть основные классификации *pojęcia personalia*, базирующиеся на семантике данных единиц. Так, например, Н.Д. Арутюнова выделяет названия лиц, являющиеся носителями различных типов значений 1) идентифицирующего (*человек, ребенок*); 2) функционального (*чистильщик, слесарь*); 3) признакового и оценочного (*недотепа, хвостун*); 4) реляционного (*собеседник, мама*) [Арутюнова 1999: 63]. В работе А.С. Белоусовой предлагается изначально разграничить

обобщающе-классифицирующие (указывающие, обращения, общие наименования и т.п.) и индивидуализирующие наименования лиц, которые, в свою очередь, распределяются в зависимости от: 1) активных действий, деятельности, рода занятий; 2) состояний, свойств, связей, – и далее разветвляются с опорой на более частные признаки [Белоусова 1981: 76-77]. Н.Е. Ананьева включает в состав лексико-семантических классов *nomina personalia*: 1) наименования, связанные с физиологическими и биологическими характеристиками лиц; 2) названия, отражающие психологические (внутренние) особенности и поведение лиц; 3) наименования различных профессий, должностей, функций; 4) термины родства; 5) реляционные имена; 6) номинации лиц по происхождению (представители каких-либо национальностей, жители населенных пунктов и т.п.) [Ananiewa 2010]. Особое место среди классификаций занимает концепция А.Д. Шмелева [Шмелев 1984], выделяющего семантические группы в зависимости от референциального потенциала имен, что предполагает конкретную контекстуальную обусловленность причисления лексемы к той или иной категории: 1) качественные имена (*бездарь, красавица*); 2) наименования по функции (*певец, генерал*); 3) каузаторы (*убийца, автор*); 4) носители актуального признака (*пассажир, всадник*); 5) реляционные наименования (*мама, друг*); 6) прономинальные имена (*товарищ, тип*).

В настоящей работе классификация названий лиц строится с точки зрения иерархии ЛСП персональности, т.е. с опорой на критерий близости и отдаленности тех или иных семантических групп от центра. В целях удобства представим ЛСП персональности в виде таблицы, отдавая себе отчет в том, что данный вид структуры может считаться лишь условным, поскольку не отражает специфику строения поля и взаимосвязь всех его элементов. Таким образом, на наш взгляд, ЛСП персональности выглядит следующим образом:

Периферия:	Ближняя периферия:
	1) реляционные названия лиц: термины родства, наименования по профессиональным, личным, бытовым отношениям и др. (<i>папа, начальник, подруга, сосед</i>).
	2) названия лиц по национальности, конфессии, расе, месту жительства, мировоззрению, состоянию здоровья и др. (<i>англичанин, католик, азиат, петербуржец, радикал, аллергик</i>).
	3) названия лиц по функции, профессии, роду деятельности, званию (<i>волонтер, медсестра, футболист, полковник</i>).
	Дальняя периферия:
	4) наименования, характеризующие лица по особым качественным признакам: внешности, поведению, умственным способностям, чертам характера, общеоценочные наименования и др. (<i>красавец, вертихвостка, дуреха, фарисей, гадина</i>).

Итак, как уже было отмечено выше, центр ЛСП личности составляют наименования, в семантике которых превалируют компоненты: 1) только «лицо», т.е. квазисинонимы лексемы *человек* (располагаются с одной стороны от доминанты поля); 2) «лицо», «мужчина» или «женщина», «старый» или «молодой» (находятся с другой стороны по отношению к доминанте поля). Такое расположение ЛСП внутри центра обусловлено различным типом их связей с лексемой *человек*. Поясним, что приведенная схема не подразумевает проведение каких-либо четких границ, и многие лексемы будут находиться в переходных зонах между центром и периферией. Например, эмоционально окрашенные наименования по полу и возрасту (*девка, бабулька*) располагаются между центром поля и характеризующими номинациями лиц, так как содержат оценочную сему и эмоциональную коннотацию.

Классы наименований лиц, составляющие периферию ЛСП личности, были выделены нами в зависимости от семантических компонентов, в той или иной формулировке присутствующих во всех перечисленных нами классификациях: реляции (связи), объективный (идентифицирующий в узком смысле) признак (национальность, место жительства и т.п.), функция, характеристика (оценка). Отметим, что, например, названия лиц, актуализирующие какие-либо внешние черты, встречаются как в рамках второй, так и четвертой групп, однако в первом случае речь идет об объективном признаке (что встречается реже: *блондин, левша*), во втором же наделение объекта каким-либо признаком

носит субъективный и оценивающий характер (*толстяк, каланча*). Характеризующие номинации лиц образуют дальнюю периферию, поскольку функция объекта или субъекта, являющаяся ключевой для *nomina personalia*, в случае данного класса вытесняется предикативной функцией.

В наши задачи не входит детальное перечисление всех ЛСГ, относящихся к тому или иному классу, так как в настоящей работе мы ограничимся определением места пейоративных наименований лиц в рамках ЛСП личности. Большая часть лексического пласта, являющегося объектом нашего исследования, входит в класс характеризующих *nomina personalia*: имеются в виду наименования лиц, использующиеся для осуждения каких-либо человеческих качеств и внешних черт, в дальнейшем называемые нами **частнооценочными** пейоративами, или пейоративами со значением признака, а также пейоративы со значением общей отрицательной оценки (**общеоценочные**). Нам представляется, что последняя категория в наибольшей степени отдалена от центра в силу размытого характера значения относящихся к ней единиц и максимальной близости к предикативному, а не к номинативному типу. Прочие группы уничижительных названий лиц, как мы уже отмечали выше, располагаются в переходной зоне между центром и периферией (*бабища*) или между различными классами (*америкос*). Пейоративы, относящиеся к данной категории, мы впоследствии будем называть **идентифицирующими**.

§ 2 Эмоциональность (эмотивность), экспрессивность, оценочность

В лингвистической практике вышеперечисленные понятия нередко используются без четкого разграничения: экспрессивность и эмоциональность рассматриваются как смежные и, если не тождественные, то схожие по значению термины. Однако в теоретических работах, посвященных данному аспекту, встречаются различные подходы: присутствует как тенденция к максимальному сближению данных понятий, так и стремление к их объективному разделению. Например, в работе Н.А. Лукьяновой [Лукьянова 1976] была предпринята попытка установить четкие границы между вышеупомянутыми категориями и охарактеризовать пласты лексики с точки зрения наличия или отсутствия эмоции, оценки или экспрессивности, при этом подчеркивается, что каждое из данных явлений может реализоваться отдельно от двух других. В то же время определенная взаимообусловленность эмоциональности, экспрессивности и оценочности отмечается многими исследователями, каждый из которых рассматривает ее в различном ключе. Например, в классической статье Е.М. Галкиной-Федорук утверждается, что «выражение эмоции в языке всегда экспрессивно,

но экспрессивность в языке не всегда эмоциональна» [Галкина-Федорук 1958: 141]. С другой стороны, В.Н. Телия, рассматривавшая экспрессивность в более узком понимании, считала, что особенностью экспрессивно-окрашенного значения, отличающей его от собственно оценочного, является присутствие эмоционального начала, хотя оно не всегда выражено явно [Телия 1986: 43-44]. Неразрывная связь объединяет и иные корреляции категорий: так, по мнению В.И. Шаховского, эмотивность невозможна без оценочности, поскольку «эмотивный компонент всегда имеет оценочный знак» [Шаховский 2008: 96].

С нашей точки зрения, эмоциональность, экспрессивность и оценочность, безусловно, необходимо онтологически дифференцировать, однако в рамках конкретных языковых единиц, в особенности наименований лиц, они редко воплощаются опосредованно друг от друга, сосуществуя в постоянной взаимосвязи. Вопрос, как правило, заключается лишь в имплицитной или эксплицитной, речевой или языковой реализации данных категорий, что также далеко не всегда доказуемо. Но вернемся к сущности вышеперечисленных категорий и рассмотрим каждую из них в отдельности.

§3 Эмоциональность (эмотивность)

По всей видимости, в современном языкознании уже не существует сомнений в необходимости и актуальности изучения эмоций в лингвистическом аспекте. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования, посвященные различным формам языкового воплощения эмоций (см. хотя бы [Бабенко 1990], [Вежбицкая 1996], [Шаховский 2008, 2009], [Жельвис 1990], [Красавский 2001], [Harkins, Wierzbicka 2001], [Będkowska-Korczyk: 2004] и многие другие). В прошлом остались и точки зрения на эмоциональность как на свойство, присущее исключительно речи, а не языку, что проявляется, в частности, в формировании собственного метаязыка лингвистики эмоций. В настоящей работе мы различаем понятия «эмоциональность» и «эмотивность», вслед за В.И. Шаховским рассматривая «эмоциональность» как «чувствительность человека к эмоциональным ситуациям и его эмоциональные (чувственные) реакции на них» [Шаховский 2009: 24], а «эмотивность» – как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, <...> [она] имеет два плана: план содержания и план выражения, через которые манифестируются эмоциональные отношения/состояния говорящих» [там же].

Отдавая себе отчет в необходимости дифференциации эмоциональной составляющей на долингвистическом и собственно языковом уровне, в данной работе мы, тем не менее, оперируем терминами «эмотивный» и «эмоциональный» как синонимами в контексте

экспликации эмоций. Это связано, во-первых, с более специализированным предметом нашего исследования, во-вторых, с большей частотностью и узнаваемостью терминологических словосочетаний с использованием понятия «эмоциональный», таких, как, например, «эмоциональная коннотация», на котором следует остановиться подробнее.

Коннотация – аспект лексического значения, вызывающий в лингвистическом мире огромное количество разногласий. Как отмечает Т.А. Трипольская, подход к трактовке коннотации варьируется от узкого («предполагает отнесение к коннотативному макрокомпоненту двух-трех элементов, связанных с эмотивными и оценочными смыслами» [Трипольская 1999: 12-13]) до широкого («включает весь спектр элементов, отражающих коммуникативную ситуацию» [там же: 13]). Нередко данный термин отождествляется с понятием «ассоциация», что, на наш взгляд, не является вполне правомерным. Например, с точки зрения Ю.Д. Апресяна, коннотации (термин, как правило, употребляется автором во множественном числе) – это «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ей [лексемой] понятия», которые «не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [Апресян 1995: 159]. Таким образом, коннотации в понимании ученого приравниваются к устойчивым ассоциациям. Мы считаем, что данные признаки действительно принадлежат скорее экстралингвистической действительности и связаны в большей степени с характеристиками объекта номинации (например, «упрямство», «глупость» как типичные качества, приписываемые ослу). Однако в том случае, когда такого рода ассоциации способствуют формированию нового лексико-семантического варианта, мы можем утверждать, что данный ЛСВ (*осел* как *упрямец*, *дурак*) обладает определенным эмоционально окрашенным оттенком значения. Именно этот оттенок значения, с нашей точки зрения, целесообразно называть эмоциональной коннотацией или просто коннотацией.

Таким образом, мы можем согласиться с дефиницией В.И. Шаховского, определяющего эмоциональную (в терминологии автора «эмотивную») коннотацию как «эмоциональную окраску логико-предметного ядра» [Шаховский 2009: 82] (подробнее об иных возможных типах коннотаций см. [Шаховский 2008: 112-116]). Нам близко также понимание коннотации В.Н. Телия, рассматривающей данное понятие как макрокомпонент значения, определенную сущность, «узуально или окказионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически-маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия 1986: 5]. Однако здесь также необходимо уточнить, что под коннотацией мы в настоящей работе подразумеваем

исключительно эмоциональную составляющую, при этом непосредственно связанную и с оценкой, и со стилистической характеристикой.

§4 Экспрессивность

Еще в 1909 г. Ш. Балли писал о различии понятий «эмоциональная доминанта» - подразумевавшем, что данный речевой факт «действует на чувства сильнее, чем на рассудок» [Балли 2009: 204] – и «эмоциональная интенсивность» (данный факт «действует на чувства сильнее или слабее, чем какой-либо другой синонимичный ему речевой факт» [там же]). Именно интенсивность большинство лингвистов признают ключевым признаком экспрессивности. В статье Е.М. Галкиной-Федорук эмоциональность и экспрессивность разграничиваются следующим образом: «Эмоциональное стоит в одном ряду с интеллектуальным и волевым, и каждое находит свои способы выражения в языке. Экспрессия, экспрессивность может пронизывать как эмоции, так и интеллектуальное и волевое в их проявлении. <...> Экспрессия – это усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного» [Галкина-Федорук 1958: 107]. В рамках данного определения экспрессивность понимается прежде всего как определенный стилистический прием, находящий свое воплощение на речевом уровне, но, как отмечает сам автор, реализация данной категории имеет место также на уровне языка, что подтверждается возможностью противопоставления экспрессивных и нейтральных единиц.

Однако, как отмечают Н.А. Лукьянова и, вслед за ней, Э.В. Кузнецова, для экспрессивной лексики характерно не просто определенное усиление, «отклонение от “нормальной” меры» [Лукьянова 1986: 56], а «выражение субъективного представления об этой мере как сильно отклоняющейся от нормы» [Кузнецова 1989: 184]. Таким образом, мы сталкиваемся с неизбежным переплетением и взаимопроникновением понятий «экспрессивность» и «оценочность», «модальность». В таком случае можно в какой-то степени согласиться с определением ЛЭС, в котором фокусируется внимание на свойстве экспрессивных единиц выражать «отношение говорящего к содержанию или адресату речи» [ЛЭС: 591].

В качестве одного из критериев категории экспрессивности называют также «образность» (см., например, [Присяжнюк, Захарова 2009]), однако факультативность данного компонента очевидна, поскольку способы выражения экспрессивности далеко не ограничиваются метафорой и метонимией и включают в себя суффиксы субъективной оценки и иные средства. Тем не менее нельзя не признать доминирование образности над

прочими способами, что отражается, например, в дефиниции И.В. Арнольд: «Слово обладает экспрессивным компонентом значения, если своей образностью или каким-нибудь другим способом подчеркивает, т.е. усиливает то, что называется в этом слове или же в других синтаксически связанных с ним словах» [Арнольд 1973: 110].

§5 Оценочность

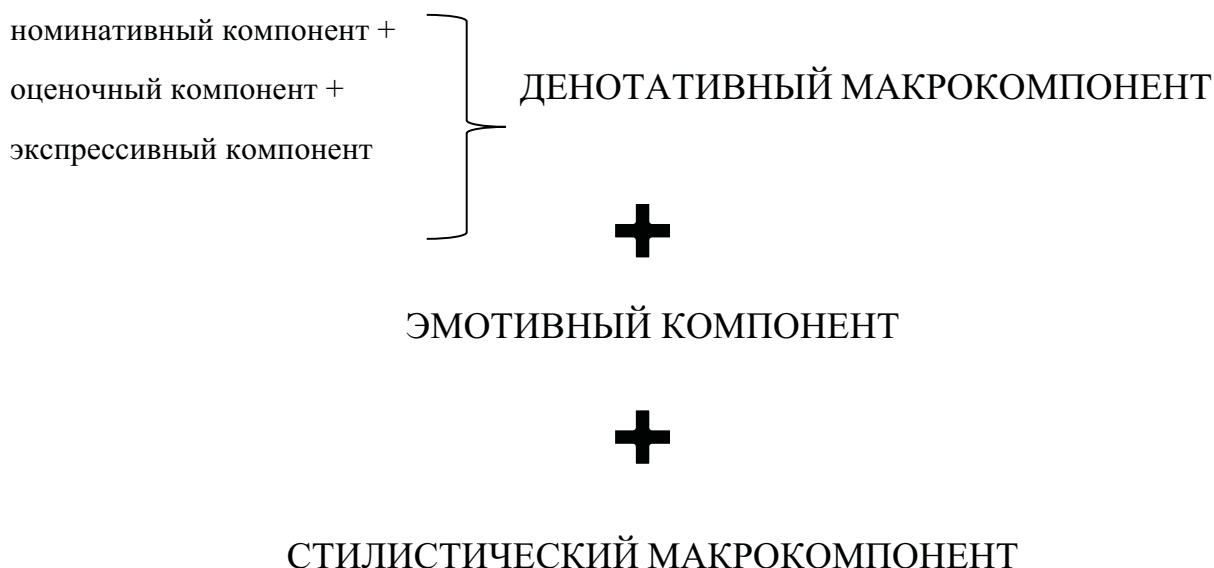
Среди эмоционально окрашенных единиц не существует нейтральных с точки зрения оценки, хотя одни и те же знаки нередко используются для обозначения как положительного, так и отрицательного отношения. Эмоция невозможна без оценки, однако, по мнению большинства лингвистов ([Вольф 2002: 39-42], [Телия 1996], [Кошель 1980], [Стернин 1979]), оценочный компонент значения способен существовать без эмоциональной составляющей. В соответствии с данным критерием выделяются два типа оценки: рациональная и эмоциональная. В настоящей работе мы придерживаемся определения В.Н. Телия, проводившей границу между двумя видами оценки следующим образом: рациональная оценка «тяготеет к дескриптивному аспекту значения и является суждением о ценности того, что вычленено и обозначено как объективная данность» [Телия 1996: 32], в то время как эмоциональная (эмотивная) оценка «ориентирована на некоторый стимул в той или иной “внутренней форме” (или форме “внешней”), включенной в языковую сущность (слово, фразеологизм, текст)» [там же] и «является в конечном счете реализацией определенного иллокутивного намерения, вызывая в случае коммуникативной удачи соответствующий перлокутивный эффект» [там же: 34].

В то же время встречается и иная точка зрения: например, по мнению Н.А. Лукьяновой, «класс оценочных слов, характеризующийся только оценочностью вне связи ее с эмоциональностью или экспрессивностью, реально не существует» [Лукьянова 1976: 18]. Данное утверждение, на наш взгляд, справедливо лишь в случае рассмотрения текста в экстралингвистической плоскости, так как эмоции вполне могут не получать языкового выражения при условии лингвистической реализации оценки. Как пишет И.А. Стернин, эмоциональный компонент содержат только «слова, обозначающие крайнюю степень положительной или отрицательной оценки» [Стернин 1979: 95].

Оценочные лексемы способны не только характеризовать объект исключительно с позиции «хорошо» или «плохо» (*прекрасный, ужасный* и т.п.), но и включать в себя элемент дескрипции, конкретный признак, свойство (*талантливый, усердный, добрый* и т.п.). Первый тип носит название общеоценочных единиц, второй – частнооценочных [Вольф 2002: 28],

[Арутюнова 1988: 75]. Среди последних выделяются также различные подвиды: сенсорно-вкусовые, психологические, эстетические, этические, утилитарные, нормативные, телеологические [Арутюнова 1999: 198-199].

Итак, мы рассмотрели три ключевых компонента, являющихся облигаторными для семантики эмоционально окрашенных лексем (**эмотивов**). Каково их распределение в структуре значения слова? В.И. Шаховский выделяет каждую из вышеперечисленных категорий как отдельную составляющую семантики лексической единицы в рамках схемы, вводя также обязательный стилистический макрокомпонент [Шаховский 2008: 80]. Для лексем, характеризующихся наличием эмоциональной коннотации (так называемых **коннотативов**), схема выглядит следующим образом:

Приведенная структура подчеркивает обособленность эмоциональной коннотации и ее периферийность по отношению к оценочности и экспрессивности, являющихся частью денотата. Данный аспект отличает модель В.И. Шаховского, в частности, от аналогичной модели С. Ристич, выносящей все вышеперечисленные составляющие за рамки денотата [Ристич 2004: 246]). Уточним также, что схема не относится к лексемам, для которых эмотивный компонент фактически несет функцию денотативного (так называемых **аффективов**, например, междометий *фу*, *вау* и т.п.).

Распределение элементов внутри денотативного макрокомпонента, бесспорно, не является однородным. Так, у ряда эмотивов, образованных путем суффиксации, оценочная составляющая локализуется в форманте, который таким образом становится непосредственно связанным с коннотацией (*сестричка*, *ворюга*). В то же время у отдельных

номинаций, содержащих эмоционально окрашенные суффиксы, рациональная оценка содержится в корне (*толстуха, дурнушка*), и формант лишь дополняет аксиологический характер единицы, привнося эмотивную составляющую. У единиц, образованных метафорическим способом, экспликатором коннотации становится образ, на котором основан перенос по сходству (*осел, Аполлон*), хотя оценка в данном случае также заложена в ядерной семе.

Вышеприведенная модель является актуальной, в частности, для семантической структуры пейоративных наименований лиц, как одного из видов коннотативных эмотивов. Пейоративы, использующиеся в качестве бранных слов, максимально близки к аффективам, однако наличие собственного номинативного компонента отличает их от последнего типа единиц. Между тем, эмотивы негативного характера обладают собственными особенностями, требующими отдельного комментария.

§6 Пейоративность как лингвистическая категория

Термин «пейоративный» (от латинского *pējōrāre* — «ухудшать») получил распространение достаточно давно, в связи с необходимостью выделения особого класса единиц, служащих для выражения отрицательных эмоций, негативного отношения (презрения, пренебрежения, осуждения и т.п.). В первую очередь, такая необходимость возникла с целью решения конкретных лексикографических задач, а именно создания особых словарных помет, определяющих эмоциональную окраску слова и его стилистические характеристики. Примечательно, что употребление пометы «пейоративный(ое)» нетипично для русской лексикографии, тогда как зарубежные составители словарей чаще используют данный термин, являющийся, впрочем, не единственным обозначением для лексем, относящихся к вышеупомянутому классу: см., например, систему сокращений РМС *pej.* (пейоративно ‘пейоративное’), *погрд.* (погрдно ‘бранное’), *подр.* (подругливо ‘насмешливое, издевательское’).

Русские лексикографы, как правило, прибегают к введению таких сокращений, как *пренебр.*, *презр.*, *неодобр.*, *бран.* и т.п., включаемых в одних случаях в ряд стилистических помет ([СРЯ 1989], [РСС 1998]) в других – семантико-стилистических ([БАС 2004]), в третьих – эмотивных или эмоционально-оценочных ([НСиЗ 2009], [БТСРС 2005]). Тем не менее в реальной лексикографической практике данные сокращения часто употребляются непоследовательно, их значение далеко не всегда толкуется в предисловии, а даже если

такого рода толкования присутствуют, сохраняется определенная условность, так как граница, например, между презрением и неодобрением всегда остается весьма тонкой.

Абстрагировавшись от прикладных аспектов изучения понятия «пейоративный», перейдем к вопросу определения дифференциальных признаков пейоративности как особой лингвистической категории. Сама по себе сфера негативных эмоций уже не раз становилась специальным объектом исследований, связанных с антропологической областью знания. Одной из основных трудностей изучения данной сферы является амбивалентность эмоций, нечеткость границ между двумя противоположными полюсами. Поскольку профанная и сакральная оценка одного и того же явления сосуществуют в непосредственной близости друг от друга, как пишет В.И. Жельвис, «для эмоциональной лексики возможно и характерно аксиологически противоречивое смешение в одном словоупотреблении, скажем, отрицательно заряженного качества и положительного свойства, и наоборот» [Жельвис 1990: 57].

В то же время общеизвестно, что негативно окрашенная лексика во многих языках количественно преобладает над положительно-коннотированной (см., например, [Стернин 1979: 95], [Шаховский 2008: 103]). Слова, служащие для обличения каких-либо отрицательных качеств или явлений, обнаруживают в каждом из языков собственные специфические средства реализации коннотации и семантические особенности, не говоря уже о многообразии речевых и окказиональных способов выражения негативной оценки. Эти факторы служат обоснованием для выделения пейоративности как особой лингвистической категории, отличающие ее от эмоциональности, оценочности и экспрессивности, а также от занимающей противоположное на аксиологической шкале место по отношению к категории мелиоративности.

Рассматриваемая в настоящей работе категория находится в процессе разработки и комплексного описания. Специальные исследования, посвященные пейоративности, остаются немногочисленными. Наиболее полно и подробно данная категория изучена на материале немецкого языка как в России, так и за рубежом (см. [Müller 1953], [Сафонова 1985], [Кремх 1987], [Шибаета 1988], [Ковалевская 2008], [Турецкова 2011], [Крупенченко 2013]). В отдельных работах уделяется внимание также пейоративному лексическому фонду английского языка ([Лескина 2010]), при этом «пейоративность» иногда заменяется на близкое ему по значению понятие «дерогативность» (от англ. *derogative* ‘уничижительный, пренебрежительный’) (см., например, [Кошель 1980]). На материале словенского и сербского языков пейоративность как таковая до сих не рассматривалась, хотя некоторые ценные сведения мы несомненно можем подчерпнуть из исследований, посвященных более широкой

проблематике: негативные эмоции в лингвистическом аспекте [Będkowska-Korczyk 2004], обценная лексика [Nežmah 1997], экспрессивность [Ристић 2004] и т.д.

Взяв за основу оценочность как один из базовых компонентов категории пейоративности, рассмотрим две главные точки зрения на аксиологический характер данной категории. Первая из концепций приравнивает пейоративность к негативной оценочности, оставляя за скобками эмоциональную коннотацию либо как второстепенный для онтологической сущности категории элемент, либо как ее факультативную составляющую. Данной позиции придерживаются Л.В. Сафонова [Сафонова 1985], С.В. Лескина («пейоративность – свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику пренебрежения, неодобрения, презрения, уничижения, критики и порицания в адрес представителей социума, чье поведение, поступки или личностные качества выражают явное отклонение от моральных и социальных норм общества» [Лескина 2010: 6]). Г.Г. Кошель относит к дерогативным предикатным номинациям лиц как лексемы с эмоциональным или эмоционально-интеллектуальным компонентом, так и единицы, содержащие исключительно интеллектуально-логическую оценку [Кошель 1980: 8], что также свидетельствует о более широкой трактовке дерогативности (отождествление которой с пейоративностью, впрочем, не кажется абсолютно допустимым).

В настоящее время большинство лингвистов склоняются к узкой трактовке пейоративности, рассматривая эмоциональную коннотацию и ее лингвистическое воплощение как один из ключевых показателей данной категории, сопровождающий оценочность. Такая точка зрения встречается, например, в статье Н.П. Шибоевой и вслед за ней в диссертационном исследовании А.В. Ковалевской [Ковалевская 2008], определяющих пейорацию (механизм пейоративности) как «выражение отрицательной эмоциональной оценки путем создания образов, воспринимаемых данным языковым коллективом негативно в большей или меньшей степени (интенсивность) с учетом морально-этических норм языкового употребления» [Шибоева 1988: 151]. Схожего мнения придерживаются также О.С. Ахманова, определяющая понятие пейоративный как «обладающий отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией» [Ахманова 1969: 315] и В.И. Карасик, называвший пейоративное значение негативно-оценочным или экспрессивно-эмоциональным [Карасик: э.р.]. В настоящей работе мы берем за основу узкую трактовку, рассматривая категорию пейоративности в качестве инклюзивной по отношению к общей категории эмотивности.

На наш взгляд, наличие эмоциональной коннотации является главным критерием отнесения той или иной единицы к числу пейоративов. В связи с этим мы не разделяем

позицию исследователей, включающих в пейоративный лексический фонд обценную лексику в ее классическом понимании [Левин 1998], для которой номинативный компонент оказывается размытым и вследствие этого эмоциональная составляющая фактически замещает собой денотат. Для определения понятия «пейоратив», с нашей точки зрения, также не является релевантным разграничение негативно-оценочных лексем в зависимости от признака, лежащего в основе их значения, будь то моральное, этическое качество или внешняя черта, национальность, пол и т.п. (см., например, [Лескина 2010]).

Еще один вопрос, нуждающийся в рассмотрении, касается связи пейоративности со стилистической характеристикой слова. Суждение о том, что далеко не все стилистически сниженные единицы относятся к числу пейоративов, следует признать аксиоматичным. Как пишет В.Д. Девкин, трактовавший пейорацию в очень широком смысле, градация по ценностной и стилистической шкале независимы друг от друга и могут сочетаться в различных комбинациях [Девкин 1979: 179-184]. С точки зрения ученого, пейорация имеет место при наличии сниженности как минимум по одной из вышеупомянутых шкал, в том числе у лексем, реализующих положительную оценку. На наш взгляд, в число пейоративов могут входить 1-й и 7-й тип по В.Д. Девкину, т.е. лексем, характеризующиеся сниженностью в ценностном и стилистическом или только в ценностном аспекте. Число уничижительных наименований лиц, относящихся к 7-му типу, ограничено. В то же время предлагаемые автором критерии (что очевидно из вышесказанного) не являются для нас основополагающими при определении понятия пейоративности, хотя подавляющее большинство анализируемых нами единиц несомненно отличаются стилистической маркированностью.

Таким образом, под пейоративностью в настоящей работе понимается отрицательная эмоциональная оценочность, под пейорацией – механизм выражения пейоративности. Под пейоративными языковыми единицами (пейоративами), в свою очередь, подразумеваются единицы, служащие для выражения отрицательной **эмоциональной** оценки и характеризующиеся низкой, средней или высокой степенью негативной экспрессивности. Термины «пейоративная коннотация» и «негативная коннотация» в рамках данного исследования фактически отождествляются, поскольку с учетом вышеприведенного определения коннотации, понятия «пейоративный» и «коннотация» пересекаются в эмотивном аспекте, являющемся для них основным.

§7 Дифференциация пейоративов

Наименования лиц, безусловно, являются не единственной лексико-семантической группой (в широком смысле этого слова), входящей в число пейоративных единиц, однако они составляют основу пейоративности как лингвистической категории. Отрицательная оценка и негативные эмоции носят антропоцентрический характер, причем в данном случае человек, как правило, играет роль и субъекта, и объекта. Поэтому пейоративные глаголы, номинации неодушевленных объектов и иные типы единиц представляют собой не только количественное меньшинство, но и периферию с точки зрения семантики и прагматики.

Немаловажной особенностью является и субстантивный характер *nomina personalia*. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «существительное ставит клеймо, запечатлевает человека. Это приговор. Назвать значит обозвать. Прилагательное же – характеристика, и она может отрицаться» [Арутюнова 1999: 62].

Отмеченная выше неоднородность эмотивов проявляется и в разнообразном характере пейоративов (в данной работе мы для краткости подразумеваем под данным термином именно названия лиц). В первую очередь, анализируемые единицы различаются по своему аксиологическому характеру и подразделяются на:

- **частнооценочные пейоративы** – номинации, в основе семантики которых лежит определенный качественный признак, являющийся мотивацией для выражения отрицательной оценки (*лизоблюды*, *тупица* и т.п.);
- **общеоценочные пейоративы** – номинации, содержащие общую негативную оценку и не конкретизирующие причину, по которой осуждается то или иное лицо (*гад*, *дрянь* и т.п.);
- **идентифицирующие пейоративы** (*мусор* ‘полицейский’, *баба* ‘пренебр. женщина’ и т.п.), занимающие промежуточное положение между общеоценочными и частнооценочными пейоративами, поскольку ядерной семой данных единиц не является ни общая отрицательная оценка, ни осуждаемое качество. В основе их семантики лежит нейтральный идентифицирующий признак, не подразумевающий какую-либо оценку (пол, возраст, национальность, род занятий и т.д.).

Общеоценочные пейоративы, как правило, немногочисленны, однако многие из них отличаются высокой частотностью, что связано с широким использованием данных единиц в качестве бранных слов. Общая оценка редко изначально приобретает статус ядерной семы

в значении слова, поэтому, как правило, она является результатом постепенного преобразования семантики вследствие распространенности лексемы, высокой степени ее экспрессивности и иных причин.

Под пейоративами со значением признака в настоящей работе понимаются частнооценочные пейоративы. Наличие признака как мотивации для выражения осуждения, порицания и т.п. является их основным отличием от идентифицирующих пейоративов. Еще одна особенность проявляется в своеобразии их синтаксической функции: частнооценочным пейоративам свойственна роль предиката, для идентифицирующих единиц она оказывается нехарактерной.

Мы уже упоминали тесную взаимосвязь категории пейоративности со стилистическими особенностями языковых единиц и сферой их распространения. Принадлежность пейоративов к разговорному стилю и сниженный характер большинства из них не вызывают сомнений, однако мнение о том, что лексемы, входящие в данный класс, не могут относиться к литературному языку, представляется неверным. По словам И.А. Стернина, в рамках разговорного стилистического пласта «выделяется литературно-разговорный слой лексики, включающий универсально допустимые сниженные слова», в том числе уничижительные наименования лиц, например, *дурнушка*, *дрянь*, *дылда* и т.д. [Стернин 1979: 114]. Тем не менее, даже при условии широкой распространенности лексем пейоративного характера, граница между литературно-разговорным слоем языка и сленгом будет оставаться довольно зыбкой. Сленг – понятие, получившее в научной литературе огромное количество дефиниций (см. [Орлова: э.р.]), однако большинство исследователей сходятся в наборе его наиболее существенных черт: использование в устной речи, экспрессивность (преимущественно негативного характера), ненормированность. В настоящей работе мы понимаем сленг (в данном случае сленговую лексику) как определенную форму существования языка на разговорном уровне, не ограниченную территориальным или социальным признаком. Основным отличием единиц, маркированных как сленговые, от жаргона и говора является их распространенность и узнаваемость.

В то же время сленг, как правило, пополняется лексикой, относящейся к различным социолектам, противопоставленным литературному языку, в том числе к жаргонам и диалектам. Поскольку такого рода языковые сферы существуют главным образом на разговорном уровне, они также оказываются богатыми пейоративами. Таким образом, лексемы уничижительного характера присутствуют на всех языковых уровнях, отражающих живую устную речь.

Пейоративные языковые единицы различаются также по характеру негативной эмоции, которую они эксплицируют. Как уже было отмечено ранее, существует несколько вариаций такого рода эмоционального отношения:

- гнев (ярость, злость... - в данном случае не дифференцируются) – ярко выраженное возмущение поведением или конкретным поступком объекта;
- презрение – осуждение субъектом поведения или качества объекта, нарушающего моральные и социальные нормы;
- пренебрежение – выражение личного превосходства субъекта над объектом, отсутствия к нему уважения;
- неодобрение – осуждение субъектом поведения или качества объекта, нарушающего определенные нормы, однако в более мягкой форме, нежели презрение;
- ирония – насмешка над объектом или ситуацией, как правило, носящая завуалированный характер.

Насколько лингвистически релевантной оказывается подобная классификация? Действительно, можно выделить языковые средства, являющиеся типичными выразителями определенных видов эмоций. Так, например, гневу свойственна экспликация с помощью обценной, ненормативной лексики и пейоративов высокой степени негативной экспрессивности. В ситуации сдерживания гнева, связанного с соблюдением социальных и этических норм, обычно прибегают к эвфемизмам либо к использованию общеоценочных единиц высокой степени экспрессивности, как правило, немногочисленных и граничащих с областью мата.

Презрение обычно выражается с помощью общеоценочных и частнооценочных пейоративов. Среди данных единиц встречаются как единицы высокой, так низкой степени негативной экспрессивности. Использование последнего типа пейоративов менее типично для экспликации презрительного отношения и более характерно для выражения неодобрения, как менее резкой формы осуждения.

Пренебрежение, как правило, передается с помощью словообразовательных средств или с помощью особых уничижительных наименований в рамках идентифицирующих названий лиц со значением таких признаков, как пол, возраст, национальность, вероисповедание, профессия и т.п. Таким образом, отрицательная оценка мотивируется личной неприязнью, а не объективными причинами.

Одним из характерных средств выражения иронии со злобным, неодобрительным оттенком является энантиосемия (присвоение объекту противоположного ему имени), относящаяся к речевым способам выражения пейоративности.

Данная корреляция эмоций и языковых средств приводится как наиболее типичная; в то же время на практике перечисленные эмоциональные отношения нередко существуют бок о бок. Кроме того, по словам В.Н. Телия, «при замене лица (Я-ТЫ-ОН) рациональная оценка может не менять своего знака, а эмоциональная варьирует. Ср.: Я (Ты, Он) – глупец, но Я – осел (скорее, ирония, чем презрение), Ты – осел (оскорбление), Он – осел (презрение) и т.п.» [Телия 1996: 121-122]. Четкое разграничение эмоций и иллокутивных намерений говорящего – если таковое вообще возможно – является предметом уже иного типа исследования. Мы также не принимали во внимание такой глубинный вид переживаний, как ненависть, находящий свое воплощение на различных эмотивных уровнях.

На основе всего вышесказанного, мы пришли к выводу, что категория пейоративности может быть иерархически представлена в виде полевой структуры. Об этом свидетельствует, во-первых, наличие интегрального семантического признака (негативная эмоциональная оценочность), во-вторых, открытость пейоративного фонда для пополнения новыми единицами, не нуждающаяся в дополнительных доказательствах, в-третьих, градуальность структуры категории, неоднородность входящих в его состав элементов. Пейоративность можно представить как **функционально-семантическое поле (ФСП)**, базирующееся на семантической категории («пейоративность») и включающее в себя ряд разноуровневых средств (лексемы, негативно окрашенные форманты, основы сниженного характера в составе сложных слов и т.д.), объединенных общностью функции (выражение отрицательной эмоциональной оценки). Основной особенностью данного поля является отсутствие морфологического ядра ([Турецкова 2011:5]).

В рамках настоящей работы мы не стремились к комплексному построению поля пейоративности, поскольку, как уже было отмечено выше, уничижительные номинации лиц представляют собой лишь часть вышеупомянутого ФСП. Однако определение места пейоративов в рамках структуры поля входит в наши задачи. С нашей точки зрения, в основе функционально-семантического поля пейоративности лежит **степень негативной экспрессивности** его элементов. На базе данного критерия выделяются центр и периферия поля: единицы высокой степени негативной экспрессивности относятся к центру, средней степени – к ближней периферии, низкой степени – к дальней периферии.

Поле пейоративности характеризуется лабильностью элементов, входящих в его состав, и диффузностью внутренних и внешних границ. Данное утверждение в особенности

относится к лексическим средствам, семантика которых варьируется под влиянием разнообразных факторов. Степень негативной экспрессивности тесно связана с бытованием слова в языке и далеко не всегда эксплицитно выражена какими-либо логически выводимыми средствами (лексические компоненты сниженного характера, форманты яркой отрицательной оценки и т.п.). Определение ядерных и дальних периферийных элементов поля среди негативно-оценочных *nomina personalia* представляется нам наиболее важной задачей, решение которой носит максимально объективный и научно обоснованный характер. Принципы ее решения содержатся в параграфе, посвященном критериям пейоративности словенских и сербских номинаций лиц (**Глава 2, §2**).

К не менее значимыми параметрами, обуславливающим гетерогенность составляющих поля пейоративности, относятся следующие:

- тип выражаемой лексемой оценки (общая и частная);
- отношение единицы к языковому узусу (литературный язык, сленг, жаргон, диалект);
- распространенность лексики (частотные и редкие или устаревшие пейоративы);
- грамматический род пейоратива и наличие родовых коррелятов (установление гендерно-маркированных единиц, в первую очередь, по женскому полу).
- общие и индивидуальные семантические и функциональные особенности лексем.

Каждая из категорий и лексико-семантических групп пейоративов описана нами с учетом данных критериев на конкретном языковом материале.

Выводы

1. Лексико-семантическая категория персональности, репрезентантами которой являются наименования лиц, может быть представлена в виде полевой структуры.
2. Пейоративные названия лиц, рассматриваемые в данной работе, относятся к различным зонам лексико-семантического поля персональности: большинство из них входят в число характеризующих *nomina personalia*, однако пейоративы со значением идентифицирующего признака располагаются в периферийной области между классами.

3. Эмотивность, экспрессивность, оценочность представляют собой отдельные лингвистические категории, но на уровне эмоционально окрашенных названий лиц все они лингвистически воплощаются в тесной взаимосвязи между собой.
4. Под коннотацией мы в настоящей работе подразумеваем эмоциональную коннотацию, т.е. «эмоциональную окраску логико-предметного ядра» [Шаховский 2009: 82]. Она не входит в денотативный макрокомпонент значения слова, но, безусловно, реализуется на семантическом уровне. Наряду с собственно номинативной составляющей, в состав денотативного макрокомпонента структуры коннотативных эмотивов (коннотативов) включаются также оценочный и экспрессивный компоненты.
5. Пейоративность мы понимаем как отрицательную эмоциональную оценочность, пейорацию – как механизм ее экспликации. Пейоративы, в частности наименования лиц, таким образом, представляют собой один из подвидов коннотативов.
6. Пейоративы (здесь мы подразумеваем под данным термином именно уничижительные названия лиц) подразделяются на общеоценочные и частнооценочные (со значением признака) номинации. Выделяются также идентифицирующие пейоративы, занимающие промежуточное положение между двумя вышеобозначенными типами. У общеоценочных единиц эмоциональная коннотация близка к статусу эмоционального значения.
7. Функционально-семантическое поле пейоративности, частью которого являются уничижительные наименования лиц, может быть построено на базе критерия степени негативной экспрессивности: от наиболее высокой (центр) до низкой или вариативной, целиком зависящей от контекста (дальняя периферия).

ГЛАВА II. КРИТЕРИИ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПЕЙОРАТИВНОСТИ В СЛОВЕНСКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

§1 Критерии пейоративности словенских и сербских номинаций лиц

В предыдущей главе была описана категория (поле) пейоративности, получающая в научной литературе разнообразную трактовку и в рамках настоящего исследования понимаемая как отрицательная эмоциональная оценочность. Однако сама по себе дефиниция данной категории не может служить универсальным средством выделения пейоративных единиц в рамках конкретного естественного языка, которое базируется, в первую очередь, на анализе материала словарей.

Основным источником сведений о наличии отрицательной эмоциональной коннотации являются лексикографические пометы. Обращает на себя внимание отсутствие системности и четко прописанных критериев использования данных помет как в словенских, так и в сербских источниках. Учитывая всю тонкость данной проблемы и огромное количество спорных ситуаций, однозначное разрешение которых не всегда возможно, мы попытались сформулировать принципы, являвшиеся ключевыми при сборе материала для настоящего исследования.

Лексикографические маркеры эмоциональной окраски и пейоративности как ее частного проявления уже становились предметом анализа словенских лингвистов ([Žele 1993], [Logar Berginc 2001], [Kržišnik 2013], [Stramljič Breznik 2013]). Так, в статье Э. Кржишник [Kržišnik 2013] приводятся критерии применения помет отрицательной оценки в SSKJ (Slovar slovenskega knjižnega jezika) и SNB (Slovar novejšega besedja slovenskega jezika). К такого рода пометам автор относит следующие словарные сокращения: *vulg.* (vulgarno) ‘вульгарно’, *nizko* ‘сниженно, просторечно’ и *slabš.* (slabšalno) ‘пейоративно’, перечисленные в порядке уменьшения градуса негативной экспрессивности. Последнее из обозначений характеризуется наиболее высокой частотностью применения (2040 словарных единиц по сравнению с 211 упоминаниями *nizko* и 123 *vulg.*) [там же: 13].

Приведенное выше определение пейоративности как лингвистической категории и цели данного исследования предполагают рассмотрение названных помет в несколько ином ключе. В частности, сокращение *vulg.*, по словам Кржишник, используется для маркирования единиц наиболее высокой степени негативной экспрессивности [там же: 15]. Определение

SSKJ напрямую указывает на принадлежность данных единиц к зоне обценной лексики: “nespodobna, prostaška beseda, pomen ali zveza” (“непристойное, вульгарное слово, ЛСВ или словосочетание”) [SSKJ 1970: XXI]. Как уже отмечалось ранее, данный слой лексики мы не включаем в число пейоративов в связи с размытостью номинативного компонента единиц, входящих в его состав, и максимальной приближенностью к междоменной функции, и таким образом помета *vulg.* не может служить для нас в качестве ориентира. Однако небольшая часть обценной лексики, обозначающей лица, все же балансирует на грани между аффективами и коннотативами. Например, такие лексемы, как *kurba* ‘шлюха’, *osrane* ‘трус’ и т. п. не утратили полностью свой денотативный компонент, и поэтому могут быть рассмотрены в рамках материала настоящей работы как пейоративы высокой степени негативной экспрессивности.

Критерии использования пометы *nizko*, присутствующей только в SSKJ (в SNB от нее отказались), в работе Кржишник не получают однозначной формулировки. Дефиниция данного обозначения в самом словаре также не предоставляет четкого критерия его применения: “pomen besede ali zveze, ki grobo izraža občutek odpora, zoprnosti” («значение слова или словосочетания, с помощью которого грубо, резко выражается ощущение отторжения, неприятия») [SSKJ 1970: XXI]. К тому же, стилистическая природа пометы (как и пометы *vulg.*) ставит под сомнение возможность ее включения в ряд маркеров эмоциональной окраски. Тем не менее довольно расплывчатое определение лексем, обозначенных пометой *nizko*, как единиц средней степени негативной экспрессивности [Kržišnik 2013: 16], свидетельствует о наличии у них эмоциональной коннотации. Следовательно, мы имеем право отнести наименования лиц, маркированные данным сокращением, к числу пейоративов.

Дефиниция семантико-стилистических особенностей лексем, обозначенных пометой *nizko*, с нашей точки зрения, не позволяет нам однозначно включить их в число единиц средней степени негативной экспрессивности, как предлагает Кржишник. Во-первых, отсутствуют какие-либо формальные критерии разграничения области применения маркеров *vulg.* и *nizko*, во-вторых, весьма сомнительно, что средней степенью негативной экспрессивности отличается столь небольшое число лексем (всего 211). На наш взгляд, следует квалифицировать пейоративы, маркированные пометой *nizko*, как единицы высокой (например, *drekač*, *pezde*) или средней (*cucek*, *prasec*) степени негативной экспрессивности в зависимости от каждого конкретного случая.

Основным ориентиром при сборе материала для нас являлась помета *slabš.*, представляющая собой наиболее очевидный и частотный показатель пейоративности

(zaničljiva, prezirljiva beseda, pomen ali zveza “слово, ЛСВ или словосочетание, выражающие уничижение, презрение”) [SSKJ 1970: XXI]. Принципиальное отличие данного маркера от *vulg.* и *nizko* заключается в непосредственной отсылке к негативной эмоциональной коннотации, а не стилистической характеристике единицы. С нашей точки зрения, лексемы, отмеченные данным сокращением, характеризуются средней или низкой степенью негативной экспрессивности. Например, пейоративы *klepetulja* и *gobezdač*, использующиеся для номинации словоохотливого человека и обозначенные пометой *slabš.*, различаются характером выражения признака «болтливость». *Klepetulja* представляет собой дериват от глагола *klepetati*, отличающегося легким экспрессивным оттенком, и содержит пейоративный формант женского рода **-ulja**. *Gobezdač* мотивационно связано с лексемой сниженного характера *gobec* ‘морда, пасть (рот)’ (помета *nizko* в SSKJ) и таким образом, как нам кажется, представляет собой пейоратив более высокой степени негативной экспрессивности, нежели *klepetulja*.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что пейоративный фонд лексем словенского языка не ограничивается единицами, обозначенными с помощью трех вышеприведенных помет. Так, например, в работе Кржишник лишь вскользь упоминается помета *ekspr.* (*ekpresivno*) ‘экспрессивно’, охарактеризованная как нейтральная в плане положительной или отрицательной оценки и свидетельствующая о невозможности более точно определить характер эмоциональной окраски. В самом словаре единица, отмеченная данным сокращением, определяется как «močno čustveno obarvana beseda, pomen ali zveza» («сильно эмоционально окрашенное слово, ЛСВ или словосочетание» [Žele 1993: 530]). Как показал анализ материала, оценочная нейтральность лексем, обозначенных пометой *ekspr.*, довольно относительна, поскольку среди них немало единиц ярко выраженного негативного характера (*polčlovek*, *barabež* и др.), удовлетворяющих определению пейоративности, которым мы руководствуемся в настоящей работе. Очевидно, однако, что большинство из них находятся в периферийной зоне поля пейоративности как с точки зрения более низкой степени экспрессивности, так и с точки зрения возможности варьирования оценочного знака.

В частности, в случае ограничения критериев исследования исключительно тремя пометами неохваченным остается целый ряд дериватов, образованных с помощью высокопродуктивного суффикса **-ež**. Данный эмоционально окрашенный формант со значением лица не находит себе аналогов ни в русском, ни в сербском языках. Й. Топоришич включает суффикс **-ež** в несколько семантических категорий формантов: производитель действия (*vršilec dejanja*), носитель признака (*nosilec lastnosti*), наименования лица по функции, роду деятельности и т. п. (*človek, ki ima s čim opraviti*), носитель характерной черты

(nosilec značilnosti), интенсификация (stopnjevanost), пейоративность (slabšalno) [Toporišič 2000: 124-145] – при этом следует учесть, что наличие или отсутствие экспрессивности у суффиксов в данной классификации отдельно не уточняется. А. Видович-Муха относит **-ež** к числу негативных эмоционально окрашенных формантов с оговоркой, что пейоративность — под которой, видимо, подразумевается отрицательный оценочный знак — в данном случае базируется на негативном характере производящей основы [Vidovič Muha 2011: 57]. Словообразовательная основа, безусловно, в большинстве случаев служит базой для выражения рациональной или эмоциональной отрицательной оценки, однако на данном этапе важно отметить другое, а именно ингерентный экспрессивный характер суффикса **-ež**. Практически все производные номинации лиц, содержащие данный формант, имеют помету *ekspr.*, за исключением единиц, утративших эмоциональную окраску в результате высокой частности употребления, модификации значения или иных причин. Таким образом, у нас есть основания полагать, что *nomina personalia*, образованные с помощью суффикса **-ež** и содержащие в основе негативный оценочный компонент, могут быть включены в состав пейоративов (например, *strahopetnež* ‘бояка’, *podlež* ‘подлец’, *brezdušnež* ‘бездущный, жестокий человек’ и т. д.). Под **негативным оценочным компонентом** подразумевается наличие в лексикографическом толковании слов: а) описывающих качества или действия, осуждаемые с точки зрения этических и социальных норм (например, *lenobnež* ‘лоботряс’ — дефиниция указывает на лень, универсальную отрицательную черту характера: «lenoben, len človek» («ленивый человек»); б) содержащих общую отрицательную оценку (например, *nagnusnež* ‘гнус’ — толкование описывает оценку со знаком «минус»: «človek, ki vzbuja gnus» («человек, вызывающий отвращение, неприязнь»)).

Определенное число наименований лиц, образованных путем метафоризации и содержащих негативный оценочный компонент, также не всегда обозначается пометами *vulg.*, *nizko* или *slabš.*: *glumač* ‘актер’ — ‘лицедей’ (помета *ekspr.*), *lisica* ‘лиса’ — ‘хитрый человек, как правило, женщина’ (помета *ekspr.*). Образность неразрывно связана с экспрессивностью, поэтому наличие эмоциональной коннотации в семантике данных единиц не вызывает сомнения. Безусловно, тот или иной образ несет большую или меньшую отрицательную нагрузку, что ощущается носителями языка на интуитивном уровне, поэтому к метафорам мы относились максимально осторожно, дополнив список лишь ограниченным числом эквивалентных единиц, распространенных в большинстве славянских языков, включая русский.

Пометой *ekspr.* в SSKJ обозначено также несколько коннотативов, содержащих словообразовательные средства, служащие исключительно для пейорации: например,

лексема *skopuh*, образованная с помощью суффикса *-uh*, но маркированная как *ekspr.* Под такими средствами подразумеваются пейоративные форманты, не используемые для образования мелиоративов, такие, как *-uh*, *-un*, *-ura* и т. п. Полный список такого рода формантов приводится в разделе, посвященном способам выражения пейоративности.

Таким образом, необходимость введения дополнительных критериев пейоративности для материала, полученного из словенских лексикографических источников, на наш взгляд, очевидна. Аналогичные проблемы наблюдаются также при анализе сербских номинаций лиц. Негативная оценочность в словарях РМС и РСАНУ обозначается с помощью четырех различных помет: *вулг.* (вулгарно), *pej.* (пејоративно), *погрд.* (погрдно ‘бранное’), *презр.* (презриво ‘презрительно’) – дифференциация которых в словарях не производится. Более того, неоднократно встречается двойное маркирование, например, *дебелгуза* ‘толстозадая баба’ *вулг. pej.* К вышеперечисленным сокращениям следует добавить также помету *подр.* (подругљиво ‘издевательски, насмешливо’), противопоставленную на аксиологической шкале сокращению *шаль.* (шальиво ‘шутливо’), служащему для обозначения доброй, безобидной насмешки.

Как и в случае со словенским языком, необходимо дополнить список пейоративов единицами, содержащими образную составляющую и негативный оценочный компонент, но не отмеченными каким-либо из вышеприведенных сокращений. Как правило, метафоры в РМС и РСАНУ обозначаются пометой *фиг.* (фигуративно ‘переносное, образное’), например, *циган* ‘цыган’ — ‘хитрец, мошенник’, *зец* ‘заяц’ — ‘трус, бояка’ и т. п. Встречаются также случаи, когда одна из эквивалентных единиц (словенская или сербская) в первом случае обозначена пометой эмоциональной окраски, а во втором нет: *kameleon* (*slabš.* [SSKJ] и *камелеон* (*фиг.* [РМС], [РСАНУ])). Такого рода факты в очередной раз подтверждают необходимость дополнительной обработки лексикографического материала.

Необходимо отметить, что в сербских словарях, выбранных нами в качестве основных источников, отсутствует помета «*експресивно*», появившаяся лишь в словаре РСЈ. Следовательно, ряд лексем, характеризующихся менее ярко выраженным оценочным знаком и (или) более низкой степенью экспрессивности, остаются вне нашего рассмотрения и не вписываются в какие-либо критерии, поддающиеся четкой формулировке. С другой стороны, отсутствие данной пометы, на наш взгляд, также показательно и, возможно, свидетельствует о меньшей прагматической релевантности низкой и средней степени экспрессивности для сербского языка в целом по сравнению со словенским.

Таким образом, обобщим критерии пейоративности, являющиеся актуальными для анализа лексикографического материала словенского и сербского языков. Показателем

пейоративности для номинаций лиц мы будем считать наличие хотя бы одного из нижеприведенных признаков:

- 1) словарной пометы *vulg.*, *nizko* и *slabš.* для словенского языка, *nej.*, *вulg.*, *погрд.*, *подр.*, *презр.* для сербского языка;
- 2) словообразовательных средств, служащих исключительно для пейорации; их список определен отдельно для каждого из языков;
- 3) образной составляющей и негативного оценочного компонента в значении основы лексемы (выборочно);
- 4) для словенского языка: суффикса *-ež* и пометы *ekspr.* при наличии негативного оценочного компонента в семантике основы лексемы.

Каждый из данных критериев является также одним из важнейших показателей места расположения единицы в рамках функционально-семантического поля пейоративности. Как уже было отмечено выше, сами по себе пометы, как правило, не могут однозначно свидетельствовать о степени негативной экспрессивности, поскольку параметры их применения не определены достаточно четко. Более того, даже при наличии более прозрачных критериев, границы степеней экспрессивности априори носят диффузный характер. Тем не менее мы можем утверждать, что:

- 1) пейоративные номинации лиц, маркированные пометой *vulg.* в словенских лексикографических источниках и *вulg.* в сербских относятся к высокой степени негативной экспрессивности;
- 2) лексемы, отобранные на основе третьего и четвертого критериев пейоративности, отличаются низкой степенью негативной экспрессивности.

Подводя итог, подчеркнем, что вышеприведенные параметры служат в первую очередь в качестве базового ориентира для настоящего исследования. Динамика развития живых языков настолько высока, что словарные толкования, не говоря уже о лексикографических пометах, далеко не всегда отражают реальную языковую ситуацию. Случаи несоответствий словарных дефиниций и маркеров фактическому употреблению лексемы в корпусе и Интернете оговорены отдельно. Кроме того, как уже было отмечено, материал литературного языка был дополнен сленгом из Интернет-словарей (razvezanijezik.org, vukajlija.com, ndragan.com/langsr/pogrde.html), далеких от стандартизации. В такого рода случаях мы опирались на сленговый (а значит, экспрессивный) характер лексемы, ее дефиницию и, безусловно, на контексты ее использования.

Выводы

1. Наличие словарных помет негативной оценки не является единственным показателем пейоративной коннотации лексемы, в связи с чем необходимо введение дополнительных критериев пейоративности как для словенского, так и для сербского языков. Данные критерии связаны главным образом с образной составляющей лексем и наличием особых пейоративных формантов.
2. Суффикс **-ež** является одним из ключевых показателей экспрессивности и эмоциональной, в том числе негативной, окраски для словенского языка. Мы полагаем, что наименования лиц с данным формантом, семантика основы которых содержит негативный оценочный компонент, могут считаться пейоративами, относящимися, как правило, к дальней периферии функционально-семантического поля пейоративности (низкая степень экспрессивности).
3. Границы между степенями негативной экспрессивности являются расплывчатыми. Наиболее четко могут быть определены лишь верхний и нижний предел внутри ФСП пейоративности, хотя разграничение периферии поля и нейтральной области также относится к одной из основных проблем исследования.
4. Установленные критерии пейоративности имеют регулирующий, но не обязательный характер. При анализе материала (в особенности из ненормированных источников) мы в значительной мере опирались на языковую интуицию и контексты употребления единиц.

§2 Способы выражения пейоративности в словенском и сербском языках (на материале названий лиц)

В данном параграфе проанализированы и сопоставлены основные способы выражения пейоративности в словенском и сербском языках на материале названий лиц. Определенные аспекты названной темы уже рассматривались в различных работах, в частности, наиболее освещенной является словообразовательная сторона вопроса: см., например, [Toporišič 2000], [Vidovič Muha 2011]; [Babić 1986], [Клајн 2003], [Ајџановић 2008], [Кнежевић 2010], [Штасни 2013] и др. Анализ способов выражения экспрессивности в сербском языке, в том числе негативной, содержится в работах С. Ристич (см., в первую очередь, [Ристић 2004]), в словенском — в статье Страмлич-Брезник [Stramljič Breznik 2013]. Однако ни одна из известных нам работ ни в словенском, ни в сербском языкознании не была посвящена специальному подробному анализу всех способов выражения пейоративности. Прежде чем описать каждую из категорий пейоративных номинаций лиц в словообразовательном аспекте, необходимо выяснить какие из способов их деривации могут служить выразителями негативной эмоциональной оценочности. В настоящем разделе мы позволим себе выйти за рамки нашего материала и привести в качестве примеров отдельные лексемы, относящиеся к числу жаргонизмов или окказионализмов, чтобы создать наиболее полное представление о рассматриваемых способах.

Самым продуктивным способом выражения пейоративности является **суффиксация**. Уничижительные наименования лиц могут образовываться от субстантивных, глагольных, адъективных или местоименных основ, имеющих нейтральный или экспрессивный характер. При образовании пейоративов от нейтральных основ формант обычно служит для выражения как отрицательной оценки, так и эмотивного компонента. Данное утверждение верно в отношении большинства субстантивных и глагольных основ, например: слов. *govorun* ‘болтун’ (*govoriti* + **-un**, суффикс подчеркивает интенсивность действия) или серб. *селячина* ‘деревенщина’ (*селяк* + **-ина**, суффикс выражает презрение). Что касается адъективных основ, то они, как правило, уже содержат определенную рациональную оценку, и при образовании пейоратива формант отражает эмоциональное отношение субъекта номинации к ее объекту: слов. *ljubosumnež* ‘ревнивец’ (*ljubosumen* + **-ež**); серб. *глупак* ‘глупец’ (*глуп* + **-ак**). Мы полагаем, что и в таких случаях суффикс является главным средством выражения пейоративности (ее эмотивного компонента).

Негативная эмоциональная оценочность может выражаться с помощью:

1. особого пейоративного форманта, например: **-un** (*besedun* ‘трепло’), **-оња** (*главоња* ‘большоголовый человек’);

2. нейтрального или уменьшительно-ласкательного суффикса в пейоративном употреблении, например: **-ar** (*rodoljubar* ‘ура-патриот’), **-ић** (*кнежућ* ‘князек’).
3. основы и суффикса (формант лишь усиливает пейоративность), например: *priskutnež* (слов. ‘противный, неприятный человек’ – образовано от прилагательного с отрицательной эмоциональной окраской *priskuten* ‘неприятный, противный’ и экспрессивного суффикса **-ež** ; *мазало* (серб. ‘мазила’ – от глагола *мазати* ‘малевать’ и эмоционально-окрашенного суффикса **-ло**).

Необходимо уточнить используемое в работе понятие «пейоративного форманта», отличающееся от общепринятого. Под **пейоративным формантом** здесь понимается *эмоционально окрашенный суффикс, использующийся для образования *nomina personalia* и реализующий при этом исключительно (либо преимущественно) негативную оценочность*. Например, суффикс **-ло** в сербском языке употребляется главным образом в значении «предмет, инструмент», не относящемся к сфере персональности, однако при использовании данного форманта для образования номинаций лица дериват приобретает эмоциональную окраску. Словенский суффикс **-ež** может служить средством выражения как отрицательной, так и положительной оценки, однако количество образованных с его помощью пейоративов значительно превышает число мелиоративов.

В то же время среди пейоративных формантов следует выделить суффиксы, служащие исключительно для пейорации, т. е. в данном конкретном случае для образования только пейоративных наименований лиц. Для словенского языка это суффиксы **-un** (*grdun*, **-uh** (*črnuh*), **-ulja** (*gobezdulja*), **-uša** (*debeluša*), **-ura** (*babura*), **-on** (*lahon*), **-avs** (*bahavs*), **-ela** (*devetkela*), для сербского языка — **-уља** (*шеврдуља*), **-(ч)ура** (*Циганчура*), **-урина** (*бабурина*), **-екања** (*Србекања*), **-ескара/ускара** (*попускара*). Список формантов данного типа мы максимально сузили, исключив из него даже многие аугментативные форманты, для которых пейоративность является характерным, но не обязательным атрибутом. Вышеперечисленные суффиксы могут служить в качестве одного из критериев пейоративности, более детально рассмотренных в предыдущем параграфе.

Таким образом, в нижеследующей таблице приведены пейоративные форманты, представленные в обоих языках. В первой части сопоставляются аналоги в обоих языках, во второй перечисляются специфичные для каждого языка суффиксы. Форманты приводятся в алфавитном порядке; отдельные из них обозначены дополнительными пометами: (ж) — суффикс, использующийся для образования наименований лиц женского рода, (м) —

мужского рода, (ср) — среднего рода, (соб.) — маркирует форманты с собирательным значением.

Таблица 1. Пейоративные форманты в словенском и сербском языках

1а) Суффиксы, являющиеся общими для словенского и сербского языков			
Словенский язык		Сербский язык	
-an (м)	субстантивная/адъективная основа: <i>nosan</i> ('носатый человек'), <i>dolgan</i> ('долговязый человек')	-ан (м)	субстантивная/адъективная основа: <i>слуган</i> 'прислужник', <i>глупан</i> 'дурак'
-ina (ж)	субстантивная основа: <i>deklina</i> 'девка', <i>ženščina</i> 'баба'	-(ч)ина (м) или (ж)	субстантивная основа: <i>глумчина</i> 'актёришка', <i>лоповчина</i> 'ворюга'
-lo (ср)	глагольная основа: <i>sepetalo</i> 'тот, кто громко топает', <i>dremalo</i> 'соня'	-ло (ср) или (м)	глагольная основа: <i>кричало</i> 'крикун', <i>замерало</i> 'критикан'
-uh (м)	глагольная/адъективная основа: <i>smrčuh</i> 'храпун', <i>črnuh</i> 'негритос (презр.)'	-ух (м)	глагольная основа: <i>домепух</i> 'приезжий (пренебр.)'
-ulja (ж)	глагольная/адъективная основа: <i>klepetulja</i> 'болтунья', <i>črnulja</i> 'негритянка (презр.)'	-уља (ж)	адъективная основа: <i>празнуља</i> 'пустоголовая женщина', <i>мртвуља</i> 'дохлячка'
-un (м)	глагольная/адъективная основа: <i>pisun</i> 'писака', <i>plahun</i> 'бояка'	-ун (м)	адъективная основа: <i>богатун</i> 'богатеи'
-ura (ж)	субстантивная основа: <i>ženščura</i> 'баба'	-(ч)ура (ж) или (м)	субстантивная основа: <i>девојчура</i> 'девка', <i>Циганчура</i> 'цыган (пренебр.)'
-uša (ж)	адъективная основа: <i>debeluša</i> 'толстуха'	-уша (ж)	субстантивная, адъективная основа: <i>спонзуруша</i> 'содержанка', <i>алкавуша</i> 'грязнуля'
1б) Суффиксы, различающиеся в двух языках			
Словенский язык			
-ača (ж)	субстантивная основа: <i>deklača</i> 'девка'		

-avz (м)	субстантивная основа: <i>kmetavz</i> ‘деревенщина’
-e (ср)	субстантивная или глагольная основа: <i>fante</i> ‘мальчишка (презр.)’, <i>počasne</i> ‘«тормоз», медлительный человек’
-ela (ж)	адъективная основа: <i>počasnela</i> ‘медлительная женщина’
-elj (м)	субстантивная основа: <i>slovenelj</i> ‘словенец (презр.)’
-ež (м)	адъективная основа: <i>izbirčnež</i> ‘привереда’, реже субстантивная основа: <i>ustež</i> ‘хвастун’
-icelj (м)	субстантивная основа: <i>možicelj</i> ‘мужичонка’
-ijan (м)	адъективная основа: <i>hudobijan</i> ‘злодей’
-in (м)	адъективная/глагольная основа: <i>kosmatin</i> ‘небритый человек’, <i>potepin</i> ‘бродяга’
-on (м)	субстантивная основа: <i>beračon</i> ‘попрошайка’
-uha (ж)	адъективная основа: <i>staruha</i> ‘старуха’, <i>debeluha</i> ‘толстуха’
-uzelj (м)	субстантивная основа: <i>hipuzelj</i> ‘хиппарь’ (жарг.)
Сербский язык	
-адија (соб.)	адъективная основа: <i>балавадија</i> ‘сопляки’
-ара (ж) или (м)	субстантивная/глагольная основа: <i>девојкара</i> ‘девка’, <i>комуњаара</i> ‘комуняка’
-екања (ж) или (м)	субстантивная основа: <i>Србекања</i> ‘серб (презр.)’, <i>попекања</i> ‘поп’
-енда (м)	субстантивная основа: <i>Србенда</i> ‘серб’, <i>попенда</i> ‘поп’
-ескара/ ускара (м) или (ж)	субстантивная основа: <i>попескара</i> ‘поп’, <i>бабускара</i> ‘баба, бабушка’
-етина (ж) или (м)	субстантивная основа: <i>сестретина</i> ‘сеструха’, <i>момчетина</i> ‘парень (презр.)’
-ешина (ж)	субстантивная основа: <i>матерешина</i> ‘мамка’, <i>сестрешина</i> ‘сеструха’
-ија (соб.)	субстантивная основа: <i>Циганија</i> ‘цыганщина’
-иште (ср)	субстантивная основа: <i>човечиште</i> ‘человечишко’
-ов (м)	адъективная или субстантивная основа: <i>лудов</i> ‘болван’, <i>грдов</i> ‘урод’

-оња (м)	субстантивная, реже адъективная основа: <i>ћелоња</i> ‘плешивый’, <i>млакоња</i> ‘мямля’
-урина (ж) и (м)	субстантивная основа: <i>газдурина</i> ‘толстосум’, <i>девојчурина</i> ‘девка’
-урлија (соб.)	субстантивная основа: <i>дечурлија</i> ‘ребятня (презр.)’ ¹

Таблица 2. Нейтральные форманты в пейоративном употреблении

Суффиксы, являющиеся общими для словенского и сербского языков			
Словенский язык		Сербский язык	
-аџ (м)	глагольная, реже субстантивная основа: <i>kričaџ</i> ‘крикун’, <i>glavaџ</i> ‘большеголовый человек’	-ач (м)	глагольная основа: <i>викач</i> ‘крикун’, <i>правдач</i> ‘склочник’
-ак/јак (м)	адъективная основа: <i>modrak</i> ‘умник’, <i>mlečnjak</i> ‘молокосос’	-ак/јак (м)	адъективная основа: <i>глувак</i> ‘глухой (презр.)’
-ар (м)	глагольная или субстантивная основа: <i>očitār</i> ‘критикан’, <i>rodoljubār</i> ‘ура-патриот’	-ар (м)	субстантивная основа: <i>панучар</i> ‘подкаблучник’
-аш (м)	субстантивная основа: <i>italijanaš</i> ‘любитель всего итальянского, сторонник итальянизации’	-аш (м)	субстантивная основа: <i>фотельаш</i> ‘буржуй’
-ес (м)	глагольная/адъективная основа: <i>prodanec</i> ‘продажный человек’, <i>mladikavec</i> ‘сопьяк’	-ац (м)	адъективная основа: <i>икиљавац</i> ‘косоглазый человек’
Суффиксы, различающиеся в двух языках			
Словенский язык			
-џе (ср)	субстантивная или адъективная основа: <i>ciganџе</i> ‘цыганчик’, <i>starџе</i> ‘старикан’		
-(џ)ек (м)	субстантивная основа: <i>Slovenџek</i> ‘словенчик’, <i>učiteljџek</i> ‘учителишка’		

¹ Следует упомянуть также единичные примеры пейоративов с суффиксами **-урија**, **-урдија** (собирательное значение) образованные от эмоционально окрашенных основ: *Швабурија* ‘швабы’, *балавурдија* ‘сопьяки’.

Сербский язык	
-(е)џија (м)	субстантивная основа: <i>макаронџија</i> ‘итальянишка, макаронник’
-ица (м) и (ж)	субстантивная основа: <i>слугица</i> ‘прислужник’, <i>усташица</i> (<i>презр</i>) ‘усташ, хорват’
-ко (м)	адъективная основа: <i>мриавко</i> ‘тощий человек’, <i>дебелько</i> ‘толстопуз’
-овић (м)	субстантивная или местоименная основа: <i>песниковић</i> ‘поэтишка’, <i>никоговић</i> ‘ничтожный человек, ничтожество’
-(ч)ић (м)	субстантивная основа: <i>кнежић</i> ‘князек’, <i>писарчић</i> ‘писака’

Сопоставление Таблиц 1 и 2 показало, что, например, суффикс **-in** в словенском языке имеет пейоративный характер, в то время как его аналог **-ин** в сербском является нейтральным формантом и широко используется для обозначения лиц по национальному, религиозному признаку (*Србин*, *муслиманин*) и т.п.; формант **-ача** в сербском языке служит для образования названий лиц по роду деятельности (*нарикача* ‘плакальщица’), в словенском же языке это аугментативно-пейоративный суффикс, использование которого в области номинаций лиц ограничено. Суффикс **-ац/вац (-ec/vec)** при образовании пейоративов в обоих языках чаще является нейтральным (ср. наличие эмоционально-окрашенной основы в сербском: *лајав* ‘злословный, злобный’ → *лајаваци* ‘крикун, злословный человек’ — или сложение основ в словенском: *peta* ‘пятка’ + **-o-** + *lizati* ‘лизать’ + **-ec** → *petolizec* ‘подхалим’).

В обоих языках уменьшительно-ласкательные суффиксы (слов. **-(џ)ек, -џе**; серб. **-(ч)ић, -ица, -ко**) способны приобретать негативную эмоциональную окраску. Словенский суффикс **-е** относится к числу исконно деминутивных суффиксов, однако положительный оттенок экспрессивности проявляется при реализации модели образования существительных мужского рода, которые нередко обнаруживают параллели среди пейоративов среднего рода (ср.: *fante* (м) — помета *ekspr.*, *fante* (ср) — помета *slabš.* [SSKJ]). Не фиксируемой в лексикографических источниках, однако гипотетически возможной является пейоративная коннотация форманта **-че** в сербском языке (*Црногорче* ‘«черногорчик»’, *келнерче* ‘официант»). Интересно, что деминутивный суффикс **-ица** в словенском языке так же, как и сербский **-ица**, может использоваться в уменьшительно-уничижительном значении, но примеры такого рода не относятся к сфере персональности (*knjižica* ‘книжонка’, *službica* ‘работка’ и т.п.).

В то время как вопрос родовой принадлежности для словенских суффиксальных дериватов, как правило, получает однозначное решение, в сербском языке данная проблема

является более актуальной. Это проявляется: а) в возможности образования существительных мужского и женского рода с помощью одного и того же форманта, например, **-етина** (*сестр**етина**, момч**етина***); б) в колебаниях рода в рамках парадигмы склонения зависимых от пейоративов слов: например, производные от субстантивных основ мужского рода с помощью суффикса **-ица** в единственном числе присоединяют к себе прилагательные и местоимения-прилагательные как мужского, так и женского рода (*овај слугица, ова слугица*), а во множественном – женского рода (*ове слугице*). Дериваты от суффикса **-ло** и глагольных основ обнаруживают колебания между средним (стандартным) и мужским родом: *ово кричало* и *овај кричало*.

Как для словенского, так и для сербского языка нехарактерно пейоративное употребление локативных суффиксов в названиях лиц, свойственное иным славянским языкам (см. единичные примеры использования такого рода формантов: слов. **-išče** (слов. *babišče* ‘баба’), серб. **-иште** (*човеч**иште**, дер**иште***)).

В отличие от суффиксов, словенские и сербские **префиксы** крайне редко служат выразителями пейоративности. В сербском языке единственным примером такого рода является модель с приставкой **надри-** (‘псевдо-, как бы’): *надриучењак* ‘псевдоученый’, *надрифилозоф* ‘псевдофилософ’ и т.п. В словенском же удалось обнаружить лишь заимствованный аналог данного префикса **kvazi-**.

Среди других словообразовательных способов выражения отрицательной оценки следует отметить **сложение** (как правило, в сочетании с суффиксацией). Механизм образования композитов в словенском и сербском построен по одинаковым принципам: с использованием как свободных (*zoboder* ‘зубодер’, *маминара* ‘вымогатель’), так и связанных (*kleščepłazec* ‘подхалим’, *крвотија* ‘кровопийца’) словосочетаний. Отрицательная оценка, как правило, содержится уже в самом выражении или идиоме, в то время как эмоциональная окраска может усиливаться с помощью пейоративного характера одной из производящих основ: *skoporitnež* (*rit* – ‘зад’) ‘скупердяй’, *мрчикњнга* (*мрчити* – ‘марать’) ‘бумагомаратель’ и т.д.

Еще одним важным способом выражения пейоративности является **метафоризация**, причем особенно активно используются в качестве источников названия животных. Не углубляясь в особенности коннотаций, связанных с названиями животных, которые рассмотрены отдельно, отметим, что, например, слово *бик* в сербском языке ассоциативно не связано с какими-либо отрицательными качествами, в то время как в словенском *bik* может употребляться в значении ‘глупый, ограниченный, упрямый человек’. Переносное значение слова *konj* в словенском языке главным образом характеризует физические данные

(‘большой, неуклюжий человек’), в сербском же – констатирует недостаток ума. Некоторые названия животных могут употребляться и в качестве пейоратива, и в качестве деминутива, например, *žaba*, *žabka* в словенском языке может означать как человека невысокого роста, так и маленького ребенка, обычно девочку.

Пейоративами являются также номинации, возникшие в результате переноса на человека качеств неодушевленных предметов, в первую очередь, предметов, метафорически отсылающих к тупости, непробиваемости, глупости (*brus* ‘брусок, шлифовальный камень’, *drvo* ‘полено’, *каменица* ‘камешек, каменный сосуд’, *клада* ‘колода’) или предметов ненужных, никчемных, мусора, которые наиболее ярко выражают презрение (*smet*, *отпадак* ‘мусор’). Из других групп такой лексики назовем *машина* ‘машина, станок’; *lutka* ‘кукла’ (сама сема неодушевленности при номинации лица служит для выражения пейоративности); названия болезней: *zgaga* ‘изжога’, *гринта* ‘парша’; названия мифических существ: *pošast* ‘чудовище’, *вампир* ‘вампир’ (которые уже в прямом значении обладают негативными коннотативными смыслами и благодаря метафорическому переносу приобретают эмоционально-оценочный компонент), наименования лиц по месту жительства с отрицательной коннотацией: *Gorenjec* – ‘жадина’, *Балканац* – ‘примитивный, недалекий человек’.

Близким к метафоризации приемом является использование пейоративных **прецедентных имен**. Многие из них относятся к числу интернациональных, например, *Иуда* (серб. *Јуда*, слов. *Judež*), *Гадкий утенок* (серб. *ружно паче* и слов. *grdi raček*), другие характеризуются национально-культурной спецификой: *jara gospoda* (герои одноименного произведения Янко Керсника, обогатившиеся провинциалы, копирующие привычки и образ жизни столичных жителей), *Вук Бранковић* (сербский правитель, предатель князя Лазаря на Косовом поле). Пейоративная коннотация отличает также отдельные фразеологизмы, использующиеся для номинации лиц, среди которых при сопоставлении также обнаруживаются как эквиваленты и аналоги (*mala/sitna riba* и *ситна риба* ‘мелкая сошка’, *књишки мољац* и *knjižni molj* ‘книжный червь’), так и специфические для отдельных языков единицы, например, *mila jera* ‘нюня, размазня’ и *шака јада* ‘хиляк’.

В качестве способа выражения пейоративности также используется **метонимия**, в частности, следующие ее виды: слов *gobec*, серб. *њушка* ‘морда’ (перенос части на целое), слов. *suhota* ‘худоба’, серб. *брука* ‘срам, стыд’ (перенос качества на его носителя). Однако метонимический перенос нередко заменяется словообразовательной мутацией: при актуализации смежного по отношению к объекту номинации понятия пейоратив

образовывается суффиксальным способом, например, *trebuhar* ‘толстопуз’, *зубан* ‘большезубый человек’.

Отдельного комментария заслуживают пейоративы-заимствования. В словенском литературном языке число заимствований достаточно ограничено, чего нельзя сказать о его многочисленных диалектах. Язык-источник заимствований определяется расположением говора, например, для приморской диалектной группы характерны пейоративы из итальянского языка (*štupido* ‘дурак’), для прекмурской группы – из венгерского (*dusgazda* ‘богачей’). Сербский язык, в особенности штокавский говор, отличается наличием значительного количества коннотативов (в том числе и пейоративных наименований лиц) турецкого происхождения: *мурдар* ‘неряха, грязнуля’, *баксуз* ‘неудачник’, *циција* ‘жадина, скряга’. Турцизмы (за исключением ряда бытовых лексем, укоренившихся в литературном языке) как правило, обладают национальным колоритом, способствующим усилению их экспрессивности.

Как для словенского, так и для сербского языка характерна **ономатопея**, под которой в данном случае подразумевается присвоение лицу звукоподражательного, странно звучащего имени, вызывающего негативное восприятие. Такого рода номинации нередко обнаруживают сходства в обоих языках, как, например, пейоративы со звуками [f] и [u]: *frfulja* ‘фифа’, *frkolin* ‘сопляк’; *фуфа*, *фафалица* – оба со значением ‘шалава’. Также одним из способов передачи (в том числе) негативной оценки является редупликация слогов: слов. *bebes* ‘идиот’, *фафа* (жарг.) ‘девушка с большими губами’.

Усечение основы является исконно жаргонным способом пейорации; оно может применяться изолированно: слов. *lezba*, серб. *лезба* ← слов. *lezbijka*, серб. *лезбијка* – и в сочетании с иными способами, например, суффиксацией: серб. *алкос* ← *алкохоличар* + **-ос**.

Возможны также отдельные, как правило, контекстуально обусловленные способы выражения пейоративности, например, игра слов, или **каламбур**. Данный прием пользуется большой популярностью в СМИ, в том числе в Интернете. Например, под снимком, изображающим двух футболистов на поле, один из которых оказывает помощь другому, стоит подпись «*Živinozdravnik*» (букв. ‘ветеринар’). Комический эффект строится на полисемичности слова *živina* – 1. ‘скот’ (в прямом и переносном смысле) и 2. ‘важный человек, большая шишка’. Таким образом выражается саркастически-язвительное отношение к объекту номинации. Другой пример из сербского Интернета: подпись к фотографии агрессивно настроенных полицейских, поваливших на землю человека: «Савесни *киропрактичари* не бирају ни време ни место за помоћ» («Добросовестные костоправы не выбирают ни времени, ни места для своей помощи»).

В обоих языках распространена **энантиосемия**, понимаемая здесь как приобретение словом смысла, противоположного его основному значению, например, в словенском: «Seveda bi tehnična vlada takoj dobila <...> podobne “strokovnjaki”, ki jih imajo Levaki na zalogi na tone» (У временного правительства, конечно же, сразу бы появились такие «специалисты», каких у левых в запасе миллионы), в сербском: “Сиромаси” из федералне односно Скупштине РС-а згрну 127.000 односно 160.000 марака» («”Бедняки” из Федеральной скупщины или Скупщины Республики Сербской накопят 127 или 160 тыс. марок»).

Пейоративы-окказионализмы также образуются с помощью **контаминации**, например, слов. *kmetozaver* (‘отсталый человек, неандерталец’) – соединение основ *kmet* ‘крестьянин’ и *dinozaver* ‘динозавр’. Приведем также контекст из сербского Интернета, в котором одна контаминация шутильного характера, другая – пейоративного: *Ti nиси новосадиста него мозгосадиста да си то урадио!* (Если ты это сделал, то ты не «новосадист», а *мозгосадист!*). *Новосадиста* – немного ироничное наименование жителя г. Нови Сад, возникшее в результате слияния основ *Новосађанин* и *садиста*, последняя из которых в сочетании с основой *мозак* ‘мозг’ приобретает негативную коннотацию.

Заслуживают упоминания также случаи приобретения нейтральной единицей эмоциональной коннотации благодаря **контексту** и **интонации** высказывания. Очевидно, например, что во фразе «Pretera otroke, vi mu dajete prav in denar! *Hinavci!*» («Он избивает детей, а вы с ним соглашаетесь и даете ему деньги! Лицемеры!») лексема *hinaves* приобретает эмоциональную окраску, что отражает наличие восклицательного знака в письменной форме. В следующем примере из сербского Интернета: «Чукићу фукаро, издајниче и лопове, врати мандат!» («Чукич, негодяй, предатель и вор, верни мандат!») — лексема *издајник* оказывается в одном ряду с пейоративами *фукара* и *лопов* и сама выступает в функции пейоратива. Как правило, такого рода случаи свидетельствуют о раскрытии имеющегося у лексемы эмотивного потенциала.

Выводы

Таким образом, нами были рассмотрены основные возможные способы выражения негативной коннотации в словенском и сербском языках: суффиксация, обнаруживающая наибольшее разнообразие конкретных средств (пейоративных формантов и нейтральных суффиксов в пейоративном употреблении), а также префиксация, сложение, метафоризация, метонимия, прецедентные имена, заимствования, ономотопея, усечение основы, каламбур, энантиосемия, контаминация, контекст и интонация высказывания. Большинство данных

способов — за исключением контекста, интонации, энантиосемии и каламбура — представляют собой языковые, а не речевые способы пейорации. Частотность применения описанных способов (а также использования вышеупомянутых суффиксов в качестве **средств образования пейоративов**) проанализирована на конкретном языковом материале.

ГЛАВА III. ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ ПЕЙОРАТИВЫ

Описание различных категорий пейоративов мы начали именно с идентифицирующих пейоративов, поскольку в рамках поля персональности они занимают самую близкую к центру позицию. Напомним, что идентифицирующие пейоративы мы понимаем как уничижительные наименования лиц со значением признака, включающего объект номинации в определенную гендерную, социальную, религиозную, национальную и прочие группы. Предикативная функция и градуированность признака – выражающаяся, в частности, в возможности сочетания с интенсификаторами *настоящий (ая)*, *абсолютный (ая)* и т.п. – не свойственны лексемам этой категории. В случае идентифицирующих пейоративов отрицательная эмоциональная оценка выражается исключительно с помощью специальных средств, дополняющих ядерную сему, не несущую рациональной негативной оценки.

В рамках настоящей главы мы приведем также принципы классификации лексем, применяемые нами в отношении всех категорий пейоративов. Жирным шрифтом маркированы рассматриваемые ЛСВ словенских и сербских единиц, контексты употребления которых встречаются в соответствующем корпусе и сегменте сети Интернет более 50 раз (число упоминаний для каждого языка суммировалось). Данная цифра была выбрана нами достаточно условно с целью выявления широко распространенных в современных языках лексем. Ноль в скобках (0) служит для обозначения единиц, являющихся редкими, архаичными или нераспространенными по какой-либо иной причине в современном словенском или сербском языках. Для такого рода лексем не было обнаружено ни одного контекста использования в корпусе и сети Интернет. Цифра (1, 2...) обозначает номер одного из пейоративных ЛСВ слова. Вопросительным знаком отмечены единицы, пейоративность которых спорна или зависит от контекста. Буква (ж) в скобках обозначает пейоративы, используемые для номинации лиц исключительно женского пола. Сокращение (соб.) маркирует собирательные *nomina personalia*, сокращение (сл.) — единицы, относящиеся к сленгу. Мы стремились перечислять лексем, руководствуясь критерием их употребительности: от наиболее частотных к наименее частотным.

Внутри данной категории мы выделяем ЛСГ, которые, в свою очередь, подразделяются на более мелкие подгруппы, включающие в себя номинации лиц по конкретным признакам.

§1 Человек

	Словенский	Сербский
Человек	<i>tip?</i> , <i>dvonožec</i> , <i>človeče</i>	<i>tip?</i> , <i>њушка</i> , <i>типус?</i> , <i>човечиште</i>

Данная ЛСГ включает в себя лишь 3 словенские и 4 сербские единицы и располагается ближе всего к центру ЛСП персональности, поскольку компонент ‘лицо’ представляет собой архисему и ядерную сему в структуре значения анализируемых пейоративов. Рассматриваемые названия лиц функционируют в качестве субститутгов лексемы *человек* (слов. *človek*, серб. *човек*) в значении ‘лицо’ (как правило, мужского пола при употреблении в единственном числе) и фактически лишены частнооценочных признаков сем, носящих в данном случае контекстуально зависимый, факультативный характер.

Со словообразовательной точки зрения одна словенская и две сербские единицы являются суффиксальными дериватами от субстантивных основ (использованы форманты **-е** и **-иште**, **-ус**). Словенское *dvonožec* представляет собой метафору (*dvonožec* ‘двуногое (животное)’ → ‘двуногий (неодобр. о человеке)’), а сербское *њушка* – метонимию (*њушка* ‘морда’ → ‘морда (неодобр. о человеке)’). Слов. *tip* и серб. *tip* относятся к числу переходных явлений, не вписывающихся в рамки переноса по сходству или смежности (возможно, изначально имела место метонимия ‘тип’ → ‘типичный представитель’ и модификация значения в дальнейшем).

Данная подгруппа, безусловно, является семантически неоднородной. Слов. *človeče* и серб. *човечиште*, образованные с помощью деминутивного и локативного суффиксов, имеют уменьшительно- и увеличительно-уничижительный оттенок соответственно; *tip* и *tip* (а также *типус*) граничат с нейтральной зоной. Слов. *dvonožec* отличается неодобрительно-насмешливым призывом: «Vidi se, da ni vajena takšne pozornosti, vsaj ne s strani zvezdniških *dvonožcev*» («Видно, что она не привыкла к такому вниманию, по крайней мере, со стороны звездных людишек» *Mladina*, 2000). Наиболее высокой степенью негативной экспрессивности характеризуется серб. *њушка* (словарная помета *погрд.*), образованная от сниженного ‘морда’ и чаще всего употребляющаяся во множественном числе: «...Довольне су ми оне *њушке* у Вуковару и она количина беса према ћирилици...» («...Мне хватает этих морд в Вуковаре и этого жуткого неприятия кириллицы...» *Интернет*, 2013).

§2 Пол и возраст

		Словенский	Сербский
1	Женщина	<i>baba1?</i> (ж), <i>babnica</i> (ж), <i>babura1</i> (ж), <i>ženščina</i> (ж), <i>ženšče</i> (ж), <i>babše1</i> (ж), <i>ženščura</i> (ж), <i>babela</i> (ж), <i>babetina</i> (ж), <i>bable1</i> (ж, 0), <i>babišče</i> (ж, 0), <i>larfa</i> (ж, 0)/ <i>babovje</i> (ж, соб.), <i>ženščad</i> (ж, соб.)	<i>женетина</i> (ж), <i>жентурача</i> (ж), <i>жентурина</i> (ж), <i>бабетина1</i> (ж), <i>бабускара1</i> (ж), <i>бабурда1</i> (ж), <i>жентура</i> (ж, 0)
2	Девушка	<i>deklinā</i> (ж), <i>deklača</i> (ж, 0)	<i>девојчура</i> (ж), <i>девојчина</i> (ж), <i>девојчурина</i> (ж, 0), <i>девојчетина</i> (ж, 0)
3	Пожилая женщина	<i>baba2</i> (ж), <i>babura2</i> (ж), <i>babše2</i> (ж), <i>staruha</i> (ж), <i>bable2</i> (ж, 0)	<i>бабетина2</i> (ж), <i>бабускара2</i> (ж), <i>бабурда2</i> (ж, 0), <i>бабескара</i> (ж, 0)
4	Мужчина	<i>možicelj?</i> , <i>može</i>	-
5	Молодой человек	<i>mandeljč?</i> , <i>fante?</i>	<i>момчуљак</i> , <i>момчетина</i> , <i>момчурак</i> , <i>момчурина</i> (0)
6	Пожилой мужчина	<i>staruh</i> , <i>starče</i> (0)	<i>старкельа</i> , (матори) <i>кеша</i> , <i>старчекања</i> , <i>старчуљина</i>
7	Ребенок	<i>patž?</i> (сл.), <i>pankrt2/ dečad</i> (соб.)	<i>дериште</i> , <i>дрче</i> (0)/ <i>дечурлија?</i> (соб.)

Настоящая группа содержит 27 словенских и 23 сербские лексемы (общее число рассмотренных ЛСВ составляет 30 в словенском и 26 в сербском). Для образования пейоративов путем суффиксации от субстантивных основ в словенском языке используются форманты **-e** (3 лексемы), **-ina** (2), **-ura** (2), **-nica**, **-ača**, **-etina** (однако, скорее всего, это заимствование из сербского/хорватского), **-icelj**, **-le**, **-uh**, **-ela**, **-še**, **-uha**, **-išče** (по 1 лексеме); с помощью **-če** образована 1 лексема от адъективной основы. В сербском применялись суффиксы **-етина** (4 единицы), **-ура** (2), **-урина** (2), **-турача**, **-ускара**, **-урда**, **-ина**, **-ескара**, **-уљак**, **-урак**, **-турина**, **-е**, **-ельа**, **-екања**, **-уљина**, **-иште** (по одной лексеме). Отдельно отметим суффиксы с собирательным значением: словенские **-ad** (применен дважды) и **-ovje**,

а также сербский **-урлија**. Общее число суффиксальных дериватов среди словенских пейоративов данной группы составляет 21 единицу, среди сербских – 22 единицы. Две словенские лексемы образованы путем метафоризации: *larfa* ‘маска, личина’ → ‘деваха’ (метафоре предшествовала также метонимия *larfa* ‘маска, личина’ → ‘тот, кто скрывается под маской’), *mandelj* ‘самец, кролик’ → ‘мужик (неодобр.)’; словенское *pankrt*2 ‘незаконнорожденный ребенок’ → ‘отродье (о ребенке вообще)’ представляет собой модификацию денотата (от частного к общему). К числу немотивированных пейоративов относятся словенские *baba*, *patž* и сербское (*матори*) *кеша*.

Таким образом, как в словенском, так и в сербском языке основным способом выражения пейоративности, свойственным всем подгруппам, является суффиксация. Среди сербских пейоративов, относящихся к данной ЛСГ, были обнаружены исключительно единицы, образованные с помощью аугментативных формантов (*бабетина*, *девојчина* и т. п.), в словенском же несколько единиц содержат также деминутивные суффиксы: *ženšče*, *babšče*. Безусловно, характер данных формантов оказывает влияние на определенные смысловые нюансы, дифференцирующие лексемы: наименования с деминутивными суффиксами априори включают в себя оттенок уменьшительности. В то же время аугментативные средства, для которых функция выражения пейоративности является более характерной, не всегда подразумевают под собой увеличительность, полностью замещаемую экспликацией негативного отношения в целом.

Что касается собственно семантического аспекта, то, прежде всего, следует обратить внимание на различие словарных помет лексем *baba* в словенском и *баба* в сербском языке как общего обозначения женщины. В первом случае единица отмечена показателем *slabš.* (SSKJ), во втором — пометами *шал. покр.* (шутливое, диалектное, РСАНУ) или не снабжена ими вовсе (РМС). Следовательно, судя по данным лексикографических источников, в словенском языке *baba* обладает негативной коннотацией, в сербском же *баба* в первую очередь используется как нейтральное обозначение пожилой женщины или бабушки, а ее диалектный ЛСВ, являющийся общим наименованием, также не отличается ярко выраженной негативной экспрессивностью. В то же время в современном словенском языке рассматриваемая единица, по всей видимости, не утратила пейоративной коннотации, однако в данном случае речь, безусловно, идет о низкой степени экспрессивности: «*Tako se govori, baba naj bo pa tiho in doma, ne pa v politiki*» («Как говорится, баба пусть сидит себе тихо дома, а не лезет в политику» *Mladina*, 2012). Возможно, в современных словарях данной лексеме были бы присвоены пометы *pog.* (*pogovorno* ‘разговорное’) и (или) *ekspr.*, в то время как

прочие общие наименования женщин (*babnica*, *babura*, *ženščina*, *ženšče* и т.д.), в силу более ярко выраженного пейоративного характера сохранили бы показатель *slabš*.

При сопоставлении словенского *baba* с иными лексемами, входящими в тот же условный синонимический ряд (подгруппа 1), обнаруживается, что среди них присутствует немало редких и устаревших наименований женщины. Данный факт уже отмечался в работах отдельных исследователей ([Gorjanc 2005]) и нашел свое подтверждение благодаря данным корпуса Gigafida и сети Интернет. В частности, только лексемы *babnica*, *babural*, *deklina*, *ženšče*, *ženščina* характеризуются высокой частотностью, *babše* встречается в корпусе менее 100 раз, *babela*, *babetina* — менее 20 раз, а употребление таких наименований женщины, как *bable*, *babišče*, *deklača*, *larfa* ни в корпусе, ни в Интернете не зафиксировано. Номинации собирательного характера (*babovje*, *ženščad*) также можно отнести к разряду редких (архаичных) лексем.

Необходимо отдельно выделить пересечения общих наименований женщины с частными номинациями пожилой женщины (подгруппа 2). Такая корреляция отличает единицы *baba*, *bable*, *babura*, *babše*. Отдельное пейоративное наименование с данным значением представлено единственной словенской лексемой *staruha*.

Что касается сербского языка, то, как и в предыдущем случае, согласно данным сети Интернет, далеко не все упомянутые в лексикографических источниках пейоративные наименования лиц активно используются в письменной и устной формах речи. Контексты употребления не были обнаружены у лексем *жентура*, *девојчетина*, *девојчурина*, *бабурда*, *бабескара*. Обратим внимание также, что, несмотря на то, что для лексемы *баба* свойственно употребление в значении 'бабушка, пожилая женщина', ее дериваты (*бабетина*, *бабускара*) используются в качестве общего наименования женщины: «Кад дође викенд, без *бабетина* <...> одеш на утакмицу вољеног тима» («Когда наступают выходные, идешь на матч любимой команды без баб» *Интернет*, 2010). Однако такие качества, как старость и уродство в любом случае имплицитно сопутствуют пейоративным названиям женщин, равно как и безнравственное поведение — пейоративным названиям молодых девушек.

Общие пейоративные наименования мужчин (подгруппа 4), в отличие от номинаций лиц женского пола, представлены в обоих языках гораздо меньшим объемом лексем. Как следует из списка, в материале сербского языка отсутствуют общие уничижительные номинации для мужчин, в словенском языке нам удалось обнаружить лишь две лексемы. Мы предполагали, что пейоративным наименованиям мужчин более свойственно образование с помощью деминутивных суффиксов, однако на практике подобные номинации далеко не всегда имеют негативный характер (см. серб. *мушкарче*, *мушкарчић*, слов. *možek*, *možič*).

Пейоративность словенской лексемы *mandeljč* 'букв. самец' (подгруппа 5) также довольно спорна, поскольку корпус и Интернет располагают достаточным количеством контекстов, в которых не была выявлена отрицательная оценка, например: «...iz našega društva smo se takoj nabrali štirje *mandeljci* in zgodaj zjutraj odrinili proti Jelovici» («... из нашего сообщества сразу набралось четверо мужиков, и рано утром мы двинулись в сторону Еловицы» *Интернет*, 2013). Прочие лексемы, использующиеся для номинации молодых людей, также представлены лишь единичными примерами употребления.

В обоих языках можно выделить наиболее частотное пейоративное наименование пожилого мужчины (подгруппа 6): *staruh* в словенском и *старкелья* в сербском. Однако среди сербских лексем обращает на себя внимание более редкий пейоратив *кеша*, чаще всего употребляемый в качестве составной части словосочетания *матори кеша*. Данную единицу мы не относим к числу фразеологизмов, во-первых, ввиду факультативного характера ее первой части, во-вторых, в силу ее неидиоматичности, отсутствия переосмысления компонентов (происходит смысловое дублирование: *матори* 'пожилой, старый', *кеша* 'старикан'). В РМС (*матори*) *кеша* классифицируется как диалектная лексема, однако в РСАНУ она не имеет каких-либо социолингвистических показателей. Судя по присутствию данной единицы в сетевом словаре разговорной лексики «Vukajlija» и ограниченному числу упоминаний в Интернете, в настоящий момент ее можно отнести скорее к сфере сербского сленга, возможно, устаревшего: «Приложене слике су из комунистичких буквара, које си нашао на тавану твог деде <...> а можда си и сам неки *матори кеша* који се приучио да кљуца по компу?» («Прилагаемые фотографии – из коммунистических букварей, которые ты нашел на чердаке своего деда <...> а может быть, ты и сам какой-то старый хрыч, научившийся стучать по компу?» *Интернет*, 2005).

В отношении номинаций ребенка (подгруппа 7) следует отметить, что в обоих языках присутствуют частотные собирательные номинации *mularija* и *дечурлија* экспрессивного характера, причем в сербском негативный оттенок значения более очевиден, см. словосочетания «сурова *дечурлија*» 'жестокое отродье', «размажена *дечурлија*» 'избалованная мелюзга', «безобразна *дечурлија*» 'бесстыжее отродье', однако при этом «гладна *дечурлија*» 'голодная детвора' (отсутствие отрицательной оценки). В словенском же лексема *mularija* пейоративом не является, что становится очевидным, например, из следующего контекста: «Ko Genija govori o svoji *mulariji*, ne more skriti, da jih ima neizmerno rada» («Когда Гения говорит о своих отпрысках, она не может скрыть, что безумно их любит» *Delo*, 2008).

§3 Межличностные связи (реляции)

В рамках рассматриваемой группы следует выделить особую подгруппу наименований родственников, противопоставляя таким образом этот тип связи иным видам межличностных взаимоотношений.

1) Родственные связи

		Словенский	Сербский
1	Мать	-	<i>матерешина (ж), матеретина (ж)</i>
2	Сестра	-	<i>сестретина (ж)</i>

Данная ЛСГ в силу понятных этических причин в целом не богата пейоративными номинациями (всего 3 сербские лексемы). Употребление даже таких словосочетаний как, например, слов. *moji stari* ‘мои родители’ может носить ласкательный характер (*moji dragi stari* ‘мои дорогие старики’), равно как и слов. *tastari* ‘родители’ (сл.), которое обладает исключительно экспрессивной маркированностью, лишенной отрицательной оценки. Единственное исключение представляют собой негативно окрашенные наименования матери (*матерешина, матеретина*) и сестры (*сестретина*), присутствующие в сербских словарях, а также в сербском Интернете, однако представленные единичными (не более 10) контекстами употребления. Все вышеперечисленные пейоративы являются суффиксальными дериватами от субстантивных основ (суффиксы **-етина** (две лексемы) и **-ешина** (1 единица)).

2) Прочие реляции

		Словенский	Сербский
1	Глава, лидер	<i>kolovodja</i>	<i>главешина?, главоња, дрмало</i>
2	Креатура, ставленник	-	<i>креатура</i>
3	Любовник	-	<i>шоџ</i>
4	Прислужник	<i>prirepnik</i>	<i>прирепак</i>
5	Сообщник	<i>oproda, pajdaš</i>	<i>ортак?</i>

Остальные реляционные пейоративные номинации лиц (4 словенские и 7 сербских лексем) образованы абсолютно разными способами: в частности, суффиксация применялась

при деривации трех сербских лексем (2 – от субстантивных основ с помощью формантов -**ешина** и -**оња**, 1 – от глагольной основы с помощью суффикса -**ло**). Одна словенская и одна сербская единицы образованы в результате сочетания префиксации и суффиксации: слов. **pri-** + *rep* ‘хвост’ + **-nik** → *prirepnik*, серб. **при-** + *rep* ‘хвост’ + **-ак** → *prirepak*. Одна из словенских лексем представляет собой композит *kolovodja* ← *kolo* ‘хоровод’ + *vodja* ‘ведущий, руководитель’. Прочие пейоративы являются непроеизводными, причем две словенские и одна сербская единица имеют нейтральные ЛСВ: *oproda* ‘оруженосец, сообщник’, *pajdaš* ‘соратник, сообщник’, *ortak* ‘компаньон, сообщник’. На синхронном уровне сложно классифицировать данные пейоративы как метафоры, что связано как с архаичностью лексем-источников, так и с близостью исходного и производного значений в рамках ЛСП персональности.

Как следует из таблицы, число единиц, относящихся к прочим реляционным наименованиям, также ограничено. Тем не менее лексемы с номинативным компонентом ‘глава, лидер’ (подгруппа 1) – *kolovodja* в словенском, *главешина*, *главоња* в сербском – и ‘сообщник’ (подгруппа 5) – *oproda*, *pajdaš* в словенском, *ortak* в сербском – отличаются высокой частотностью: каждая из единиц встречается в корпусе и Интернете не менее 100 раз. В то же время все перечисленные единицы характеризуются низкой степенью негативной экспрессивности, и пейоративность большинства из них вызывает сомнения. Это в особенности касается сербской лексемы *ortak*, широко используемой в значении ‘приятель, товарищ’, например: «Хуманитарна акција “Сви смо ми *ортаци*” прошла је веома успешно» («Гуманитарная акция “Мы все друзья” прошла весьма успешно») *Интернет*, 2012. Нейтральные ЛСВ присутствуют также у словенских лексем *oproda* (‘щитоносец’) и *pajdaš* (‘военный товарищ’), которые, однако, как уже было отмечено выше, носят архаичный характер. В целом же наличие у слова двух ЛСВ (нейтрального и пейоративного), являющихся смежными по значению и не связанными при этом отношениями метафорического или метонимического переноса, как правило, свидетельствует о слабо выраженном негативном характере пейоративного ЛСВ.

Отдельных замечаний заслуживает также сербская лексема *prirepak*, в современном сербском языке функционирующая практически исключительно в значении ‘придаток, довесок’ («Украјина ће постати *prirepak* ЕУ» («Украина станет придатком ЕС» *Интернет*, 2014), не относящемся к сфере персональности. Аналогичная словенская единица *prirepnik*, в отличие от сербской, служит только для обозначения лиц, однако входит в число устаревших.

§4 Конфессия

		Словенский	Сербский
1	Иудей	<i>judek</i>	-
2	Католик	<i>katoliban</i> (сл.)	<i>шокац?</i> , <i>Крањац</i>
3	Мусульманин	-	Балија1 , Турчин (сл.), була (жс), вехабија (сл.), <i>балијетина</i> , <i>балинкуша</i> (жс)
4	Православный	-	Влах , <i>Влашина</i> (0)

Из 2 словенских и 10 сербских пейоративов данной ЛСГ одна словенская и три сербские лексемы произведены суффиксальным способом от субстантивных основ (форманты **-ек** в словенском и **-етина**, **-уша**, **-ина** в сербском). Словенское *katoliban* образовано путем контаминации корней *katolik* ‘католик’ и *taliban* ‘талиб’, и таким образом, наряду с номинативным компонентом ‘католик’ содержит сему ‘радикал, нетерпимец’, полученную как следствие экспликации ассоциативных смыслов слова ‘талиб’. Для сербских наименований лиц по религиозному признаку характерно использование изначально нейтральных идентифицирующих наименований (по месту жительства, этнической, социальной принадлежности и т.п.) и приобретение ими новых пейоративных смыслов: *шокац* ‘шокац (представитель хорватского субэтноса)’ → ‘католик, как правило, хорват (пренебр.)’, *Крањац* ‘словенец, житель Крайны’ → ‘католик, как правило, словенец (пренебр.)’, *Балија1* ‘крестьянин-мусульманин’ → ‘боснийский мусульманин (пренебр.)’, *Турчин* ‘турок’ → ‘мусульманин (пренебр.)’, *вехабија* ‘ваххабит’ → ‘мусульманин (пренебр.)’, *Влах* ‘валах, влах; житель Валахии (румын)’ → ‘православный, как правило, серб (пренебр.)’.¹ Пейоратив *була*, обозначающий мусульманку (обычно замужнюю), происходит от турецкого слова со значением ‘тетка (жена брата отца или матери)’ [РСАНУ].

Проблема рассмотрения данных пейоративов заключается в том, что они фактически делятся на две группы: 1) идентифицирующие пейоративы в чистом виде, максимально приближенные по своим семантическим и функциональным особенностям к наименованиям лиц по национальному признаку; 2) названия лиц по религиозному признаку, обозначающие особо рьяных представителей своей веры и таким образом находящиеся на периферии по

¹ Путь изменения семантики лексемы *Влах*, безусловно, не ограничивается вышеобозначенным переходом и подразумевает не один промежуточный этап и направление развития. Подробнее об этимологии данной единицы см. [Марјановић 2007: 110-114].

отношению к частнооценочным пейоративам со значением качественного признака, а также номинациям приверженцев определенной идеологии. В частности, слов. *judek* 'иудей (пренебр.)' относится к первому типу, в то время как словенское же *katoliban* (сл.) можно включить в число идентифицирующих наименований лиц лишь с большой долей условности, поскольку данная единица содержит сему 'религиозная нетерпимость' и может употребляться в качестве характеризующего предиката: «Veston Kobilica prav gotovo ni *katoliban*! Je pač umetnik svoje vrste...» («Вестон Кобилица вовсе не клерикал! Он просто своего рода художник...») (Интернет, 2010).

Для сербской культуры вопрос религиозных взглядов имеет гораздо большее значение и тесно переплетается с межнациональными отношениями, что подразумевает не только принадлежность к первому типу в рамках анализируемой ЛСГ, но и «привязанность» конфессии к представителям конкретных этносов, носящую более или менее отчетливый характер. Большинство пейоративов, безусловно, обозначает мусульман, причем основное наименование *Балиџа* (турцизм по происхождению) и его производные используются для обозначения в первую очередь боснийцев, исповедующих ислам. Это отличает указанные номинации от *Турчин*, *була*, *вехабиџа*, денотат которых не отличается столь однозначной этнорелигиозной корреляцией.

В словарной дефиниции наименований католиков (*Крањац*, *шокац*) [РСАНУ], [РМС] компонент национальной принадлежности не выражен эксплицитно, хотя данные единицы, являющиеся этнонимами по происхождению, как правило, используются для номинации соседних народов: словенцев и хорватов. Наименование православного *Влах* отличается наибольшей степенью вариативности, поскольку может употребляться как в качестве уничижительного прозвища для православных сербов со стороны католиков, так и в качестве пейоративного наименования для христиан в целом, используемого мусульманами Боснии и Герцеговины [РМС], а также отличается рядом иных значений регионального характера (подробнее см. [Марјановић 2007]). В задачу настоящего исследования не входит детальный анализ этимологии рассматриваемых единиц, однако отметим, что причиной модификации семантики данной лексемы являлся перенос наименования *Влах* на всех бедных людей, занимающихся скотоводством – что исторически связано с низким социальным статусом владов в древнем сербском государстве – а затем присвоение этой номинации православным сербам, жившим на территории Османской империи и бежавшим из нее [Марјановић 2007: 112-113]. Негативный характер лексемы *Влах* 'серб' в рамках сербской языковой картины мира не подлежит сомнению, так как она воспринимается в качестве пейоратива по отношению к себе («своему») с позиции иных народов («чужого»).

Таким образом, сербские пейоративы *Балија1*, *шокац*, *Крањац*, *Влах* отличаются гетерогенной семантической структурой и сочетают в себе функции номинаций по религиозному признаку и национальности. Словари трактуют их различным образом: как видно, часть из них традиционно пишется со строчной буквы (как и все наименования представителей конфессий), а часть – с прописной (подобно этнонимам). Отнесение данных единиц к какой-либо одной из групп априори имеет условный характер, однако мы обосновываем их классификационную принадлежность к номинациям по конфессиональному признаку тем фактом, что именно данный признак, в отличие от этнической принадлежности, оставляющей возможности для варьирования, был выделен в качестве доминирующего в словарных дефинициях и исторически являлся основной мотивацией для выражения пренебрежительного отношения.

§5 Национальность/место жительства/этническое происхождение/раса

		Словенский	Сербский
1	Австриец	<i>jodlar?</i>	-
2	Албанец	-	<i>Шиптар?, Шиптарка? (ж), Арнауштија (0)</i>
3	Выходец из бывшей Югославии: Сербии, Боснии и Герцеговины, Македонии	<i>bosanec, čefur, južnjak, čarpec (сл.), jugovič?</i>	-
4	Герцеговинец	-	<i>Ерцов</i>
5	Еврей	<i>Žid?, Židinja? (ж), čifut1, čifutarija (соб., 0)</i>	<i>Чивут, Чифут, Чивутин, Жидов?, Чифутка (ж), Чифуткиња (ж), Чифутин, Чивутка (ж), Чивутарија (соб.)</i>
6	Индеец	<i>rdečkar1, rdečeličnik, rdečuh (0)</i>	-
7	Итальянец	<i>makaronar?, lahon, polentar</i>	<i>жабар, макаронција, макаронаш (0)</i>
8	Люблянец	<i>močvirnik (сл.), žabar (сл.),</i>	-

		<i>žabarka</i> (сл., ж)	
9	Негр	<i>zamorec?</i> , <i>črnuh</i> , <i>zamorka</i> (ж), <i>zamorklja</i> (ж), <i>črnavs</i> , <i>črnklja</i> (ж, 0)	<i>црња</i> , <i>црнкуља</i> (ж, 0)
10	Немец	<i>švab</i> , <i>fric</i> , <i>švabarija</i> (соб., 0)	<i>Шваба</i> , <i>Швабурија</i> , <i>Швабичина</i> , <i>фриц</i> , <i>Немчина</i> , <i>Њемчина</i> (0), <i>Швабичетина</i> (0)
11	Серб	<i>četnik</i>	<i>Србијанац</i> , <i>Србенда?</i> , <i>Србијанка</i> (ж), <i>Србекања</i>
12	Словенец	<i>Slovenček</i> , <i>slovencelj</i> , <i>ščav</i> , <i>čuš</i>	-
13	Турок	-	<i>Туре</i> , <i>Туркесина</i> , <i>Туркешања</i> , <i>Туркесиша</i> (0)
14	Хорват	<i>ustaš</i> , <i>hrček</i> (сл.)	<i>усташа</i> , <i>усташица</i>
15	Цыган	<i>Cigan?</i> , <i>Ciganka?</i> (ж), <i>ciganija</i> (соб.), <i>ciganče</i> (0)	<i>Циганчурa</i> , <i>Циганија</i> (соб.), <i>Циганчурина</i> , <i>фараон</i> , <i>Цигаништина</i> (0)
16	Чех	-	<i>Пемац</i>

Пейоративные наименования лиц по национальному признаку, называемые также этнофолизмами, прозвищными этнонимами, этническими кличками и т.п., представляют собой весьма интересный предмет исследования, в том числе для выявления особенностей языковой картины мира. Однако большинство пейоративов, входящих в данную ЛСГ, функционирует исключительно на разговорном уровне и представлена такими периферийными лексическими единицами, как жаргонизмы, диалектизмы и окказионализмы, что затрудняет их изучение. Кроме того, некоторые наименования наций, имеющие явно оскорбительный характер, в силу соображений политической корректности, были исключены из материала многих словарей [Березович, Гулик 2002]. Подробное описание данного пласта лексики требует отдельного полевого исследования, охватывающего богатый диалектный фонд. В рамках настоящей работы мы не ставили задачу комплексного анализа этнофолизмов сербского и словенского языков и рассматривали только наиболее распространенные номинации, присутствующие в лексикографических и сетевых

источниках. При этом дифференциация данных наименований с точки зрения отношения к языковому узусу и стилистической принадлежности представляет собой большую сложность.

Общее число рассматриваемых этнофолизмов в словенском языке составляет 39 единиц, в сербском – 41 единицу. Репрезентативность пейоративов в каждого из языков напрямую соотносится с экстралингвистическими факторами: уничижительные прозвища обычно придумываются для соседних народов или иных этносов, с которыми исторически сложились напряженные отношения, что объясняет присутствие у словенцев этнических кличек для австрийцев, а у сербов — для албанцев и турок. Для начала проанализируем пейоративы, образованные путем суффиксации: в словенском языке к дериватам данного типа относятся 23 единицы (использовались форманты **-ar** (5 единиц: три от субстантивных основ, одна от глагольной и одна от адъективной), **-ka** (3 лексемы: 2 — от субстантивных и одна от адъективной основы), **-uh** (2 — от адъективных основ), **-klja** (2 — от адъективных основ), **-ček** (2 — от субстантивных основ¹), **-on** (от субстантивной основы), **-ik** (от субстантивной основы), **-ec** (от адъективной основы), **-avs** (от адъективной основы), **-(c)elj** (от субстантивной основы), **-inja** (от субстантивной основы), **-če** (от субстантивной основы), а также суффиксы с собирательным значением: **-arija** (дважды), **-ija** — все три от субстантивных основ. Среди сербских пейоративов аналогичным способом образовано 33 единицы: с помощью суффиксов **-ка** (четыре лексемы), **-ин** (2), **-ина** (2), **-ар** (2), **-ов** (2)²; **-ија**, **-аш**, **-урија**, **-етина**, **-иња**, **-ина**, **-нац**, **-енда**, **-е**, **-есина**, **-ања**, **-екања**, **-иша**, **-ица**, **-чура**, **-чурина**, **-штина** (все — от субстантивных основ), **-куља** и **-О** (для ж.р., от адъективных основ) и собирательные **-штија**, **-арија**, **-ија** (от субстантивных основ). Одна словенская лексема является результатом сложения и суффиксации: *rdečeličnik* ‘краснокожий (пренебр.)’ ← *rdeč* ‘красный’ + *lice* ‘щека; лицо (устар.)’ + **-nik**. Внутренняя форма отдельных суффиксальных дериватов дает возможность выявить определенные национально-культурные стереотипы, в частности, связанные с цветом кожи (черный: слов. *črnuh* *črnavs*, *črnklja*, серб. *црња*, *црнкуља*; красный: слов. *rdečkar*, *rdečeličnik*, *rdečuh*), гастрономическими предпочтениями народов: имеются в виду макароны (слов. *makaronar* и серб. *макаронџија*, *макаронаш*, отличающиеся шутливым оттенком) и полента (устаревшее слов. *polentar*), выступающие как отличительные признаки итальянцев — а также традициями: *jodlar* ‘австриец (пренебр.)’ ← *jodlati* ‘петь йодлем’. Интересно, что в сербском языке итальянцам также присваивается пейоративное наименование *жабар* (от *жаба* ‘лягушка’), что вызывает ассоциации с особенностями кухни совсем иного народа — французов. В то же время в

¹ *Hrvat* → *hr* + **-ček** (суффиксация с усечением), экспрессивность достигается также за счет игры слов: *hrček* ‘хомяк’)

² *Ерцов* — суффиксация с усечением и редукцией (Херцеговац → Ерц + -ов)

словенском языке аналогичное *žabar* используется главным образом для обозначения жителей Любляны, что, по всей вероятности, мотивировано расположением столицы Словении в болотистой местности (еще одно распространенное прозвище люблянцев – *močvirnik* ← *močvirje* ‘болото’).

Рассмотрим пейоративы, отличающиеся более сложной мотивацией и семантико-стилистическими особенностями, требующими отдельного комментария. В частности, одну из важнейших подгрупп этнофолизмов составляют уничижительные наименования национальностей, переселившихся на исконно занимаемую словенцами/сербам территорию. Например, для живущих в Словении иммигрантов из иных республик бывшей Югославии в разное время появилось несколько этнофолизмов, ни один из которых не был включен в SSKJ: *bosaneč*, *čefur*, *južnjak* и *čarac* (*čarac*). Специфической чертой данных пейоративов является наличие не только ядерной семы для номинации определенной национальности, но и семы ‘иммигрант, приезжий’, детерминирующей социальный статус. Слово *bosaneč*, судя по всему, еще во времена СФРЮ стало употребляться не только по отношению к приезжим из Боснии и Герцеговины, но и ко всем переселенцам, говорящим по-сербски, и таким образом приобрело пейоративную коннотацию [Kalčič 2005: 199]. На данный момент вопрос о ярко выраженной негативной окраске данного псевдоэтнонима остается открытым. С одной стороны, слово продолжает использоваться в СМИ как исконное название этноса, что способствует его общей нейтрализации: «Sodni proces proti 54-letnemu Kranjčanu Bukovcu in 27-letnemu *Bosancu* Suljanoviću <...> se je nadaljeval z zaslišanjem...» («Судебный процесс против 54-летнего жителя г. Крань Буковца и 27-летнего боснийца Сульяновича продолжился слушанием...» *Delo*, 2008). С другой стороны, оно по-прежнему повсеместно употребляется в негативном контексте в значении «гастарбайтер»: «Uf takih “*bosancev*” imamo v Sloveniji kar veliko. Država jim je bila kar dana. Prav tako stanovanja, službe itd» («О, да таких “боснийцев” у нас в Словении полно. Взяли и отдали им страну. Как и квартиры, работу и т.д.» *Интернет*, 2011).

Иным путем развивалась семантика лексемы *južnjak*, первоначально подразумевавшей под собой любого человека южных кровей и до сих пор употребляющейся в данном значении: «Grki <...> so *južnjaki*, pa znajo po mizi udarit» («Греки <...> – южане, могут и по столу ударить» *Интернет*, 2010). Однако, в связи с актуальными событиями девяностых годов, слово все чаще используется для обозначения приезжих из вышеупомянутых республик бывшей Югославии и приобретает пренебрежительный оттенок, сохраняющийся до сих пор [Šabec 2007: 114]. См. следующие примеры: «*Južnjake* v Sloveniji vse moti! V službah kjerkoli so *južnjaki* največji lenuhi, a vendar se najbolj buniijo vedno!» («“Южан” в

Словении все раздражает! На работе они всегда самые большие лентяи, а возмущаются вечно больше всех» *Интернет*, 2011); «Seveda hočemo južnjake, ker mi, Slovenci, pametni, izobraženi in pridni, ne bomo opravljali umazanih del» («Конечно, нам нужны “южане”, так как мы, умные, образованные и послушные словенцы, не будем выполнять грязную работу» *Finance*, 2010).

Судьба слова *čefur* представляется нам наиболее интересной. Этимология данной лексемы доподлинно неизвестна [Kalčič 2005: 199], однако, в отличие от предыдущих этнофолизмов, эта единица изначально появилась на уровне сленга и имела ярко выраженный пейоративный характер. Вероятно, в связи с этим понятие *čefur* стало своего рода символом поколений иммигрантов, живущих в Словении, и «обросло» рядом негативных стереотипов: плохое знание словенского языка, неуважение к культуре страны, преступные наклонности и т.п. Тем не менее в настоящее время слово вышло из периферийной языковой зоны, и его пейоративность постепенно начала ослабевать [Aleksić: э.р.]. О снятии «табу» свидетельствует например, его появление в заглавии романа Г. Войновича «*Čefurji raus!*», вышедшего в 2008 г. (подробнее см. [Красовец 2013]). Но все же об абсолютной утрате эмоциональной коннотации в данном случае речь не идет, что подтверждается возможностью употребления лексемы в контекстах, близких к общей оценке: «Tito kot zločinec, je tudi tipičen čefur. Kardelj, ki je svoj narod prodal balkancem in ga še sproti moril, bi lahko tudi spadal pod kategorijo “čefur”» («Тито, как преступник, тоже типичный “чефур”. И Кардель¹, продавший свой народ балканцам и тут же убивавший его, может относиться к категории “чефуров”») *Интернет*, 2010. Кроме того, само слово *čefur* по-прежнему может расцениваться как оскорбление (см., например, описанную в сетевом дневнике историю о том, как папа-словенец возмутился, когда его сына, рожденного в браке с боснийкой, назвали маленьким “чефурчиком” (*volkec.blog.sirol.net*) и т.п.).

Отсутствие единого варианта написания лексемы *čaprec/čaras* (ономатопея, подражание албанскому языку [SNB: 99]), видимо, связано с тем, что она по-прежнему остается в рамках ненормированного молодежного сленга и функционирует в качестве обозначения представителя субкультуры балканских иммигрантов, наделенного определенными атрибутами, в имплицитной форме сопутствующим и вышеупомянутым единицам *čefur*, *južnjak*, *bosanec*: “чапец” носит спортивный костюм, слушает музыку в стиле «турбофолк» и т.п. Об этом свидетельствуют контексты ее употребления, встречающиеся в корпусе словенского языка Gigafida значительно реже, нежели примеры использования трех предыдущих лексем: «Ti pa si recimo čaras, ker nosiš trenirko?» («А ты, значит, “чапац”, если носишь спортивный костюм?») *Интернет*, 2010); «...gibanje, ki edino v Ljubljani združuje tako

¹ Эдвард Кардель — югославский политический деятель, по национальности являвшийся словенцем.

skinheade kot “čapce”» («...движение, которое только в Любляне объединяет как скинхедов, так и “чапцев”» *Delo*, 2011). Однако вариант в сербской (хорватской, боснийской) огласовке также говорит о том, что данное слово может употребляться как самоназвание, что ставит под вопрос его пейоративную коннотацию.

В словаре SNB упоминается также пейоратив *jugovič*, имеющий значение ‘выходец из какой-либо республики бывшей Югославии, кроме Словении’ (-ић – наиболее распространенный суффикс для образования сербских, хорватских и боснийских фамилий). Для данного наименования характерно то, что она присутствует не только в словенском, но и в сербском языке: как самоназвание (*jugoviћ*). И если для словенского языка пейоративная коннотация лексемы подтверждается как данными лексикографического источника (помета *slabš.*), так и контекстами употребления в корпусе и Интернете: «Vsi ti jugoviči so prišli s pašnikov k nam, zato se ne znajo obnašati» («Все эти “юговичи” пришли к нам с пастбищ, поэтому они и не умеют себя вести» *Интернет*, 2010) – то в сербском языке негативный оттенок значения аналогичной единицы не был выявлен. В качестве примера может послужить отрывок из сербских новостей: «Мађари и Чеси за исти посао добијају већу плату од Срба, Хрвата и других Југовића» («Венгры и чехи за ту же работу получают больше, чем сербы, хорваты и другие “юговичи”» *Интернет*, 2013). Таким образом, в первом случае лексема функционирует как пейоратив, в другом – как разговорное наименование скорее иронического, а не отрицательно-оценочного характера.

В свою очередь, для современной культурной и политической ситуации в Сербии наиболее актуален давно возникший этнофолизм *Шинтар*, являющийся искаженным самоназванием албанцев (*Shqiptarët*) [Bogdanović: э.р.]. Неизбежность появления пейоративного наименования данной нации очевидна, и слово *Шинтар* заняло эту нишу, хотя, например, в РМС оно не обозначено какими-либо пометами эмоциональной оценки. На данный момент лексема находится на грани между этнофолизмом и нейтральным этнонимом. Об этом свидетельствует ее распространенность и возможность употребления даже в официальных СМИ, причем не только в статьях националистической направленности («*Шинтар* се попео на зграду Генералштаба» («Албанец взобрался на здание Генерального штаба» *Интернет*, 2012)). Вполне вероятно, что негативные ассоциации, связанные с данным словом, в дальнейшем будут проявляться в большей степени на экстралингвистическом уровне.

Таким образом, в силу актуальности оппозиции «свой – чужой» пейоративные наименования «чужаков» характеризуются высокой частотностью и вызывают в обществе многочисленные дискуссии. Однако не меньший интерес представляет и первый член

вышеупомянутой оппозиции, а именно уничижительные самоназвания наций. Данная подгруппа делится как минимум на две основные категории: 1) пейоративы, возникшие внутри самой нации и являющиеся следствием проявления насмешливого, критичного отношения к себе; 2) пейоративы, появившиеся в чужой среде, но по каким-либо причинам вошедшие в широкое употребление в языке нации, являющейся объектом номинации. В словенском языке два самоназвания (*Slovenček, slovenclj*) имеют явно «внутреннее» происхождение. *Slovenček* представляет собой стандартный деминутив с уничижительным оттенком: «...saj *Slovenčki* bomo pa zopet tiho in bomo ostali brez polovice Piranskega zaliva» («...ведь мы, “словенчики”, опять промолчим и останемся без половины Пиранского залива» *Интернет, 2010*). В то же время *slovenclj*¹ предположительно является авторским неологизмом, придуманным поэтессой Светланой Макарович, а затем получившим распространение благодаря прессе: «Tako imenuje vse ozkosrčne, primitivne, dvolične in servilne Slovence» («Так она [Макарович] называет всех узколобых, примитивных, двуличных и раболепных словенцев» *Mladina, 2013*). Наличие в языке такого рода пейоративов-самоназваний отражает типичное для словенцев осознание собственного несовершенства и комплекс маленькой нации. Однако, употребляя подобные наименования, субъект номинации, как правило, подсознательно отделяет себя от других словенцев, не признавая за самим собой вышеперечисленных негативных черт.

В отличие от двух рассмотренных лексем пейоративы *ščav* и *čuš* заимствованы словенским языком и не функционируют как самоназвания. Это устаревшие презрительные наименования словенцев, использовавшиеся итальянскими фашистами (*ščav*) и австрийцами (*čuš*). Наиболее распространенное прозвище словенцев (*kranjski*) *janez*, присвоенное соседними народами, нами не рассматривалось, поскольку связанная с ним коннотация является шуточной, иронической, а не пейоративной, что отражено в пометах SSKJ.

Происхождение уничижительных наименований сербов (*Србенда, Србекања, Србијанац*) имеет внутриязыковой характер, однако следует отметить, что данные лексемы вошли в употребление благодаря боснийцам, хорватам и черногорцам или жителям Воеводины. См., например, фразу из интервью Драгана Мариновича Мацы, намекающую на враждебное отношение к нему как в одной, так и в другой этнической среде: «У Србији сам *Балија*, а у Босни *Србенда*» («В Сербии меня называют “балия” [боснийский мусульманин], а в Боснии – “србенда” *Интернет, 2010*). *Србенда*, как и более редкое наименование *Србекања*, образовано с помощью малопродуктивного пейоративного форманта.

В свою очередь, лексема *Србијанац* в лексикографических источниках определяется

¹ -Еј – малопродуктивный суффикс с уменьшительным/уничижительным значением.

как «Србин из Србије» («Серб из Сербии») и не обозначена пометами эмоциональной окраски. Однако с течением времени, как отмечается в статье Зорана Чирьяковича, данная единица приобрела уничижительный характер и начала использоваться, в первую очередь, для обозначения примитивных сербов, придерживающихся консервативных взглядов [Тирјаковић: э.р.]. О диффузности семантики наименования *Србијанац* свидетельствуют многочисленные Интернет-дискуссии и статьи, посвященные происхождению данного этнонима и его денотату. В частности, в одной из таких статей журналистка, родившаяся в Белграде, отмечает, что, когда она училась в школе, *Србијанац* считалось чем-то вроде эвфемизма для понятия *селячина* ‘деревенщина’, обозначающего жителей юга Сербии, а в университете г. Нови Сад ее стали называть *Србијанка*, что было воспринято ею как обидное прозвище [Радмиловић: э.р.]. Несмотря на неопределенность и территориальную дифференциацию значения лексемы, очевиден тот факт, что она используется для номинации сербов и имеет неодобрительный, уничижительный характер: «...Немој да ме зовеш *Србијанац*. Ја сам Србин, а не *Србијанац*. Јеси ли ти Хрват, или хрватијанац?» («Не называй меня “сербиянцем”. Я серб, а не “сербянец”. Ты сам-то хорват или “хорватианец”?» Интернет, 2011).

Обратимся к остальным типам этнофолизмов. Еще со времен Второй мировой войны на территории республик бывшей Югославии функционируют пейоративы *četnik* ‘серб’ и *уस्ताша/устаš* ‘хорват’. Они представляют собой превратившиеся в прозвищные этнонимы наименования участников сербского национального движения в его различных формах (*četnik*) и хорватской ультраправой националистической организации (*уस्ताша/устаš*). Как видно из таблицы, в словенском языке данные лексемы не являются широкоупотребительными. В сербском же *уस्ताша* – достаточно частотная номинация, причем отдельные примеры ее употребления свидетельствуют о смещении денотата в сторону ЛСВ ‘фашист’: «У Одеси су зверско лице показали кијевски штићеници НАТО и украјинске *ушташе*» («В Одессе свой звериный оскал показали пронатовские киевляне и украинские фашисты» Интернет, 2014).

Лексема *Žid* ‘жид’ в SSKJ не обозначена как пейоративная единица и изначально ею не являлась, однако есть основания полагать, что, как и в ряде других современных славянских языков, она не нейтральна по сравнению с *jud* ‘иудей, еврей’. На это указывает следующий пример: «Natanko sto let po smrti Marka Twaina so se odločili tega klasičnega pisatelja 19. stoletja cenzurirati <...> Kakor se je v tem duhu pri nas *Cigan* spremenil v Roma in *Žid* v Juda, bo Twainov črnuh (nigger) postal suženj (slave)» («Спустя ровно сто лет после смерти Марка Твена, этого классического писателя XIX века было решено подвергнуть

цензуре. Подобно тому как у нас цыган превратился в “рома” и жид в еврея, негр (nigger) у Твена станет рабом (slave)» *Интернет*, 2011). В то же время косвенными доказательствами нейтрализации *Žid* является, например, сохранение названия улицы *Židovska* в Любляне, а также возможность употребления лексемы в новостных ресурсах: «Po drugi strani [Slovinci] pa tudi skopuški, nezaupljivi, nerodni in šleve, a dobri poslovneži (zelo podobno stereotipom, ki veljajo za Žide)» («С другой стороны, словенцы скупые, подозрительные, нерасторопные и трусливые люди, при этом являющиеся хорошими предпринимателями (что очень напоминает стереотипы, приписываемые евреям)» *Интернет (Rtvslo.si)*, 2013). В сербском языке ситуация со словом *Жидов* еще менее ясна, поскольку в современном языке оно малоупотребительно. Вероятно, в данном случае нишу презрительного прозвища для евреев заняли иные частотные этнофолизмы, заимствованные из турецкого: *Чифут* (*Чивут*), *Чифутин*.

Подобная же проблема связана с лексемами *Cigan/Циганин* как в словенском, так и в сербском языках. Данные этнонимы на синхронном уровне, безусловно, не являются нейтральными и политически корректными по сравнению с общепринятыми *Rom/Ром*, однако в силу широкой сферы их употребления и высокой частотности негативный оттенок становится менее очевиден. Например, в отрывке из словенской статьи, посвященной музыкальному ансамблю из Прекмурья, цыгане, говоря о себе, сами употребляют слово *Cigan*: «Res bi bilo krasno, če bi Slovenijo končno zastopali Cigani» («Было бы действительно здорово, если бы Словению наконец-то представляли цыгане» *Delo*, 2008). В Сербии, где западные тенденции толерантности и политической корректности актуальны в меньшей степени, нежели в Словении, данный этноним употребляется еще более свободно. Тем не менее и в сербской языковой среде возможно возникновение следующих ситуаций: «Због употребе речи „Цигани“ у предлогу решавања проблема непланског насељавања у Земун Пољу, та тачка није уврштена на дневни ред СО Земун» («Из-за использования слова “цыгане” в предложении о решении проблемы незапланированного заселения н.п. Земун Поле, данный пункт не был включен в повестку дня СО Земун» *Интернет*, 2013).

Словенцы и сербы не оставили без внимания и своих западных соседей: в обоих языках присутствуют этнофолизмы для немцев: слов. *švab*, серб. *Шваба* ‘немец (пренебр.)’ (происходит от немецкого ‘таракан’), слов. *fric*, серб. *фриц* ‘фриц, немец’ ← ‘Фриц (немецкое мужское имя)’ – мотивировано антропонимом; в сербском также для чехов: *Пемац* ‘чех (пренебр.)’ – заимствовано из немецкого языка.

Итак, из предшествующего анализа следует, что этнофолизмы представляют собой одну из наиболее сложных для анализа групп пейоративов, тесно связанную с социально-

культурным контекстом и находящуюся под прямым воздействием экстралингвистических факторов общественно-политического характера. Как уже было отмечено выше, для полноценного описания данной ЛСГ необходимо изучение объемного диалектного материала.

§6 Профессия, род занятий

		Словенский	Сербский
1	Актер	-	<i>глумчина, комедијаш</i>
2	Ботаник	-	<i>травуљар</i>
3	Бродяга, попрошайка	<i>potepin?, beračon (0)</i>	<i>пангалоз, смуцара (ж, 0)</i>
4	Вор, мошенник, разбойник	<i>slepar, dobičkar, šarlatan, hajduk, harambaša, tatin, tatinec (0)</i>	<i>лопужа, лоповчина, шарлатан, лоповина, харамбаша, лопужара, лопужина (0), нокташ (0)</i>
5	Врач	<i>mazač1, padar, mazačka (ж)</i>	<i>докторчина, надрилекар?, месар (хирург)</i>
6	Врач, нелегально делающая аборт	<i>splaviša (ж)</i>	-
7	Живодер	<i>mrhovinar, konjederec</i>	-
8	Журналист, газетчик	<i>časopisar</i>	<i>новинарчић</i>
9	Исполнитель популярной народной музыки	<i>govedar, narodnjakar2</i>	-
10	Клоун	<i>pajacelj</i>	-
11	Крестьянин	<i>kmetavzar, kmetavz</i>	-
12	Критик	<i>kritikaster2</i>	<i>надрикритичар (0)</i>

13	Монах	<i>kutar</i>	-
14	Парикмахер	-	<i>бријачић (0)</i>
15	Перекупщик	<i>mešetar</i>	-
16	Пират	-	<i>гусарина (0)</i>
17	Писарь	<i>peroprask, praskač1 (0), tintar (0), tintomaz1 (0)</i>	<i>писарчић (0)</i>
18	Писатель; лицо, занимающееся написанием текстов	<i>pisun, pisač, črkar, perogriz, pismar, peresar, pisar, praskač2 (0), tintomaz2 (0)</i>	<i>пискарало, шкрабало, скрибент (0), либелист(а) (0), мрчило (0), литератић (0), мазало1 (0), мастиловић (0), мрчикњига (0), писарица (0), чрчкало (0)</i>
19	Повар	<i>juhar</i>	-
20	Политик	<i>politikant</i>	-
21	Полицейский	<i>kifeljc (сл.), pandur, prašič2 (сл.)</i>	<i>пандур, пајкан (сл.), муркан (сл.), полицијот, жацман</i>
22	Портной, портниха	<i>šivankar, krpar, šivač (0), šivankarka (ж, 0)</i>	-
23	Поэт	-	<i>песниковић (0)</i>
24	Проститутка	<i>kurba1 (ж), cipa1 (ж), vlačuga1 (ж), rocestnica1 (ж), lajdra1 (ж), lovača1 (ж), candra1 (ж), drajna1 (ж), petarnica1 (ж), роџерка1 (ж), zanikrница1 (ж), сарајдра1 (ж, 0), сафута1 (ж, 0), cundra1 (ж, 0), flajdra1 (ж, 0), flandra1 (ж, 0), tica1? (ж, 0), vlačugarica1 (ж, 0)</i>	<i>курва1 (ж), дроља1 (ж), дроца1 (ж), профукњача1 (ж), фукса1 (ж), курветина1 (ж), дромфуља1 (ж), фукара1 (ж), флундра1 (ж), куја1 (ж), тротоарка1 (ж), проституткиња1 (ж), намицаљка1 (ж, 0), ориуља1 (ж, 0), флићка1 (ж, 0), фландра1 (ж, 0)</i>
25	Рекламщик	-	<i>рекламер</i>

26	Ростовщик	<i>oderuh</i>	<i>зеленаиш</i>
27	Сапожник	<i>šuštar?, kopitar, krpač, dretar, podplatar (0), smolar (0), smolec (0)</i>	-
28	Сводник	-	<i>куплер (куплер-мајстор), пезевенкI</i>
29	Священник	<i>far, popič, črnosuknjar (0), črnosuknjež (0)</i>	<i>попекања, попескара, попоња, попенда, попесина (0), попина (0)</i>
30	Слуга	-	<i>слуган (0), слугач (0), слугераша (0), слугица (0), слушкињичетина (0)</i>
31	Солдат	-	<i>солдачина</i>
32	Строитель	<i>maltar</i>	-
33	Студент	-	<i>студентиић</i>
34	Ученый	<i>pismouk, učenjakar</i>	<i>сврдлароиш (0)</i>
35	Учитель	<i>učiteljček</i>	<i>професорчић</i>
36	Художник	<i>umetnjakar, mazač2</i>	<i>мазало2, сликарчић, пацкало (0)</i>
37	Шпион	<i>ogleduh, sleduh</i>	-

Данная обширная группа пейоративных номинаций лиц по профессии или роду занятий включает в себя 82 словенских (3 из них представлены двумя ЛСВ в рамках данной группы) и 75 сербских лексем (одна из них употребляется в двух значениях). Суффиксация применялась при образовании 52 словенских единиц: абсолютным лидером является формант **-ar**, использованный для деривации 24 пейоративов (17 – от субстантивных и 7 – от глагольных основ). Кроме того, среди суффиксов присутствуют **-ač** (4 лексемы, образование от глагольных основ), **-uh** (трижды применялся для деривации от глагольных основ), **-ka** (2, от субстантивных основ), **-ica** (3 единицы, 2 – от адъективных, 1 – от субстантивной основы), **-ec** (2, от субстантивных основ), **-in** (2, от субстантивных основ), **-uša**, **-elj**, **-avz**, **-aster**, **-ant**, **-on**, **-ič**, **-ček** (все – от субстантивных основ), **-Ø**, **-un**, **-ača** (от глагольных основ).

Слов. *pocestnica* образовано сочетанием префиксации и суффиксации *pocestnica* ← **po-** + *cesta* + **-nica**. Сложно-суффиксальный способ использовался при деривации

следующих словенских лексем: *perogriz* ‘щелкопер’ ← *pero* ‘перо’ + **-o-** + *gristi* ‘грызть’ + **-Ø**, *peroprask* ‘щелкопер’ ← *pero* ‘перо’ + **-o-** + *praskati* ‘царапать’ + **-Ø**, *konjederec* ‘коновал’ ← *konj* ‘лошадь’ + **-e-** + *dreti* ‘обдирать’ + **-ec**, *pismouk* ‘псевдоученый’ ← *pismo* ‘письмо’ + **-o-** + *učiti* ‘обучать’ + **-Ø**, *črnosuknjar* ‘церковник’ *črn* ‘черный’ + **-o-** + *suknja* ‘сутана’ + **-ar**, *črnosuknjež* ‘церковник’ ← *črn* ‘черный’ + **-o-** + *suknja* ‘сутана’ + **-ež**, *tintomaz* ‘бумагомаратель’ ← *tinta* ‘чернила’ + **-o-** + *mazati* ‘мазать’ + **-Ø**.

Среди сербских пейоративов суффиксальный способ был использован при образовании 51 единицы: в качестве наиболее частотных формантов выступают **-ло** (6 единиц, все производные от глагольных основ) и **-(ч)ић** (6 лексем — от субстантивных основ), не сопоставимые, однако, по количеству дериватов со словенским **-ar**. Далее следуют: **-ина** (6 лексем, образование от субстантивных основ), **-аш** (3 — 2 от субстантивных и одна от адъективной основы), нулевой формант (2 единицы ж.р. — от глагольных основ), **-ка** и **-ара** (по 2, от субстантивной и глагольной основ), **-етина**, **-чина**, **-ица** (по 2 — от субстантивных основ); **-уљар**, **-овић**, **-ач**, **-ан**, **-ераша**, **-екања**, **-ескара**, **-енда**, **-оња**, **-от**, **-есина**, **-ман**, **-овић**, **-ужа**, **-ер**, (по одной единице, от субстантивных основ); **-ош**, **-ача**, **-иња** (по одной лексеме, от глагольных основ). В отличие от словенского, используется также префиксация с помощью приставки **надри-** (2 единицы, образование от субстантивных основ). Композиты в данной ЛСГ представлены лишь одним сербским пейоративом: *мрчикњнга* ‘бумагомаратель’ ← *мрчити* ‘чернить, марать’ + *књига* ‘книга’.

Очевидно, что большинство вышеперечисленных суффиксальных дериватов относится к случаям словообразовательной модификации, поскольку они образованы с помощью пейоративных формантов или формантов в пейоративном употреблении от субстантивных основ (т. е., как правило, от нейтральных номинаций лиц: слов. *kmetavz* ← *kmet*, серб. *професорчић* ← *професор*) или — реже — глагольных основ, обозначающих сам род деятельности (например, слов. *ogleduh* ‘соглядатай’ ← *ogledovati* ‘рассматривать’, серб. *сврдларош* ‘ученый (пренебр.)’ ← *сврдларати* ‘сверлить, перен. тщательно изучать что-либо’ и др.). Дериваты, являющиеся примерами словообразовательной мутации, в большинстве случаев базируются на метонимическом переносе с участием суффиксации. Такого рода единицы представлены главным образом в словенском языке: например, слов. *juhar* ‘повар,стряпун’ ← *juha* ‘суп’, слов. *kutar* ‘монах’ ← *kuta* ‘ряса’, слов. *mrhovinar* ‘коновал’ ← *mrhovina* ‘падаль’, — но также и в сербском: *травуљар* ‘ботаник (пренебр.)’ ← *трава* ‘трава’ и т.п.; наряду с этим, среди сербских лексем присутствует «свернутый» фразеологизм: *нокташ* ‘ворюга’ ← *имати дуге нокте* ‘быть нечистым на руку’. Метафоры для данной ЛСГ нехарактерны: всего 2 сербских пейоратива (*месар* ‘мясник’ → ‘хирург (неодобр.)’ и *кујал*

‘сука’ → шлюха’) и один словенский (*tica* ‘птица’ → ‘потаскуха’). В случаях, например, с жаргонными по происхождению *kifeljc* ‘букв. рогалик’ и *prašič2* ‘букв. поросенок’ со значением ‘мент, мусор’ речь идет не о метафоре, а лишь о субституции номинации лица существительным из иного ЛСП — мотивация, таким образом, отсутствует или отличается диффузностью. В ситуации с серб. *pandur* и менее употребительным слов. *pandur* происходит семантический сдвиг области денотации слова (*pandur* ‘полицейский, стражник в Королевстве Югославия (устар.)’) и приобретении им пейоративной эмоциональной коннотации (современное *pandur*, *pandur* ‘мент, мусор’). Прочие наименования денотата ‘полицейский’ (*pajkan*, *муркан*) имеют жаргонное происхождение. Еще один нестандартный сдвиг значения, базирующийся на ассоциативных связях, можно проследить на примере слов. *govedar* ‘пастух’ (от *govedo* ‘скотина’) → *govedar* ‘исполнитель народной музыки’.

Наконец, некоторые пейоративы входят в категорию немотивированных на синхронном уровне, в том числе заимствованных единиц: это многочисленные номинации женщин легкого поведения (слов. *kurba*, *cipa*, *candra* (нем.), *flajdra* и *lajdra* (итал.), *cafuta*, *flandra* (нем.), серб. *курва*, *флундра* (нем.), *фукса* (нем.), *дромфуля*, *орцуля* (тур.?), *флићка*), а также наименования с иным значением: слов. *šarlatan* (франц.), *hajduk* (тур.), *harambaša* (тур.), *far* (нем.), серб. *шарлатан* (франц.), *куплер* (нем.), *пезевенк1* (тур.), *харамбаша* (тур.), *пангалоз* (греч.).

Приступая к анализу собственно семантического аспекта, сопоставим пейоративы, относящиеся к данной группе, с точки зрения их словарной репрезентации в словенском и сербском языках. Для словенского языка мы выделили 27 родов деятельности, обозначаемых с помощью пейоративов, в сербском — 24. Сам по себе набор признаков подгрупп не может служить прямым отражением языковой картины мира, поскольку тесно связан со временем создания словаря, спецификой лексикографической обработки, словообразовательной продуктивностью и т. п. Тем не менее, в первую очередь, обращает на себя внимание многочисленность уничижительных наименований лиц со значением ‘проститутка’ (18 единиц в словенском и 16 в сербском) и ‘писатель’ (9 единиц в словенском и 11 в сербском). Что касается подгруппы 24, то в данном случае определенную сложность представляло разграничение идентифицирующих и частнооценочных пейоративов, т. е. лексем, обозначающих представительницу определенного рода деятельности и единиц, характеризующих поведение той или иной женщины как распутное. Отметим также, что среди представленных в SSKJ словенских пейоративных названий профессий присутствует несколько наименований для портного и сапожника (в сербских источниках уничижительные номинации с этим значением отсутствуют). Сложно однозначно определить причину данного

несоответствия, однако портные, в прошлом являвшиеся представителями актуальной и жизненно необходимой профессии, в словенском фольклоре нередко становились предметом насмешки, см., например, множество посвященных им саркастических сюжетов, которые изображались на передней стенке ульев (народный промысел «*panjske končnice*¹»).

Среди пейоративов, относящихся к рассматриваемой ЛСГ, наиболее высокой частотностью характеризуются отдельные наименования проститутки (*kurba*, *cipa* в словенском и *курва*, *дрольа*, *дроца* в сербском). Данный факт коррелирует с вышеприведенным утверждением о том, что названия женщин легкого поведения (подгруппа 24) являются в обоих языках самыми многочисленными, равно как и номинации писателей (подгруппа 18). Последние, в свою очередь, и в сербском, и в словенском отличаются крайне низкой частотностью; большинство из них относится к разряду редких и (или) архаичных лексем. Общеупотребительные наименования (*pisun* в словенском и *пискарало*, *шкрабало* в сербском) имеют более широкую денотативную сферу, т.е. ‘лицо, занимающееся написанием текстов, в первую очередь, журналист’. Последний в сербском языке может обозначаться также с помощью отдельного высокочастотного деминутива *новинарчић*. Наряду с журналистом, чаще всего объектом пейоративной номинации в современном сербском языке становятся: полицейский (*пандур*, *пајкан*, *муркан*), врач (*надрилекар*), вор, мошенник (*лопужа*, *лоповчина*, *шарлатан*, *лоповина*), ростовщик (*зеленаш*), преподаватель (*професорчић*), рекламщик (*рекламер*), а также сводник (*куплер*, иногда функционирующий в составе выражения *куплер-мајстор*). Что касается таких распространенных аугментативов, как *глумчина* ‘актер’ и *докторчина* ‘врач’, то вопреки данным словарей, они могут приобретать и положительную эмоциональную окраску: «О сарајевским ранама писао је доктор Миодраг Лазић. Он је људина, докторчина, добротвор» («О сараевских ранах писал доктор Миодраг Лазич. Он человецище, Доктор с большой буквы, благодетель» *Интернет*, 2013).

В словенском корпусе, помимо разнообразных презрительных названий проституток, высокой частотностью отличаются отдельные наименования врача (*mazač*, *padar*), вора, мошенника (*slepar*, *dobičkar*, *šarlatan*) полицейского (*kifeljc*) и ростовщика (*oderuh*), что соотносится с данными сербского языка, однако, наряду с этим, в числе наиболее употребительных фигурируют также пейоративные номинации священника (*far*) и крестьянина, фермера (*kmetavz*, *kmetavzar*). В последнем случае, очевидно, проявляется более свойственное словенцам пренебрежительное отношение к деревенским жителям, мотивированное их видом деятельности, в то время как в сербском больше распространены

¹ Panjske končnice — уникальный для словенской культуры народный промысел, представлявший собой украшение передних стенок ульев рисунками (сюжетами светского или религиозного характера).

пейоративные наименования по месту проживания ('сельский житель', см. далее). Уничижительные номинации сапожников и портных, упомянутые ранее как отличительная особенность словенского, в современном языке, в силу деактуализации денотата, используются довольно редко, за исключением употребления в составе отдельных крылатых выражений: «*Le čevlje sodi naj kopitar!*» («Пусть сапожник судит не выше сапога!», *Ф. Прешерн* – в оригинале, безусловно, наблюдалось обыгрывание фамилии знаменитого словенского ученого Ернея Копитара).

Наиболее существенной внутригрупповой семантической дифференциацией отличаются пейоративы, обозначающие воров, мошенников и разбойников (подгруппа 4). Данная признаковая подгруппа коррелирует с частнооценочной подгруппой «Бесчестность», что подразумевает разграничение бесчестности как сущности определенного вида деятельности (архисемой является род занятий) и беспринципности как свойства человеческой личности, выбираемой в качестве мотивации для выражения презрения (в качестве архисемы предстает характеристика лица). Наименьшую сложность для такого рода дифференциации представляют номинации воров, в семантической структуре которых сема 'обманщик, мошенник' располагается на периферии: слов. *tatin, tatinec*, серб. *лопужара, лоповчина, лоповина, лопужарина, лопужина*. Как следует из таблицы, данные наименования отличаются высокой частностью лишь в сербском, в то время как в словенском более употребительна лексема *slepar*, обозначающая именно мошенников, см. пример: «*Še posebej pred sleparji opozarjajo vse tiste, ki svoje avtomobile prodajajo preko spleta*» («Особенно о жуликах предупреждают всех тех, кто продает свои автомобили через Интернет» *Интернет, 2010*). Для схожего по семантике пейоратива *dobičkar* характерно употребление в сочетании с прилагательным *vojni*, при этом наблюдается фактическая утрата эмоциональной коннотации и преобразование в нейтральное понятие: «*Japonska je po drugi svetovni vojni zaplenila premoženje vojnim dobičkarjem*» («После Второй мировой войны Япония конфисковала имущество у военных спекулянтов» *Интернет, 2010*). Наиболее узкоспециализированным значением обладают лексемы *šarlatan/шарлатан*, использующиеся, в первую очередь, для номинации врача-непрофессионала (что сближает их с единицами частнооценочной группы «Отношение к работе, труду, профессии» и подгруппы 5 «Врач»), хотя это далеко не всегда так, см. пример: «*...Србију треба да води државник, а не шарлатан*» («...Сербией должен руководить государственный деятель, а не шарлатан» *Интернет, 2014*). Пейоративные номинации разбойников и в словенском, и сербском языках имеют архаичный характер (слов. *hajduk, harambaša*, серб. *харамбаша*).

§7 Социальный статус, звание

		Словенский	Сербский
1	Генерал	-	<i>генералина</i>
2	Капитан	-	<i>капетанчина</i>
3	Князь	-	<i>кнежић</i>
4	Незаконнорожденный ребенок	<i>pankrtl</i>	<i>копиле1, копила1</i>
5	Эмигрант	-	<i>емигрантишина (соб., 0)</i>

Идентифицирующие пейоративные номинации лиц по социальному статусу или званию немногочисленны (6 сербских и одна словенская единица) и малоупотребительны (за исключением подгруппы 4). В сербском языке они представлены суффиксальными дериватами, образованными с помощью формантов **-ина**, **-чина**, **-штина** (соб.), **-ић**, **-е**, **-ан** от субстантивных основ, в словенском — немотивированным *pankrt* (германизм). Данная ЛСГ включает в себя исключительно пейоративы, номинативный компонент которых связан с объективным социальным статусом, не являющимся результатом характеристики и оценки. Субъективные статусы, присвоенные субъектом номинации (*богач*, *бедняк*, *изгой* и т.п.), были классифицированы нами как денотаты, относящиеся к сфере частнооценочных пейоративов.

§8 Место жительства (город/деревня)

	Словенский	Сербский
Деревенский житель	-	<i>сельачина1, гегула1, геца, ћојлија (0)</i>

Мы уже отмечали выше, что наименования лиц по месту жительства тесно связаны с номинациями по роду деятельности и что в сербском языке, в отличие от словенского, можно выделить отдельные пейоративы со значением ‘деревенский житель’, перечисленные в таблице (4 единицы). Один из них образован с помощью суффикса **-ина** от субстантивной основы, остальные же представляют собой заимствования (*геца* и *ћојлија* – турцизмы). Ни в том, ни в другом языке не удалось обнаружить идентифицирующих пейоративов со значением ‘городской житель’. При этом обратим внимание, что в рамках данной группы нами не рассматривались наименования по месту жительства, реализующие негативную

экспрессивность исключительно в характеризующей функции (такие, как слов. *malomeščan* или серб. *ћифта* ‘мещанин’) и относящиеся к частнооценочным пейоративам.

§9 Идеология, принадлежность к организации, партии

		Словенский	Сербский
1	Коммунист	<i>rdečkar², rdečuh</i>	<i>комуња́ра, црвѐндаћ, црвења́к</i>
2	Либерал	<i>liberaluh</i>	-
3	Член клана, секты	<i>sektaš, klanovec</i>	-
4	Член клики	<i>klikar</i>	-

В данную ЛСГ вошли исключительно наименования лиц, связанные с принадлежностью к какой-нибудь организации, партии (6 словенских и 3 сербские единицы). Они являются главным образом суффиксальными дериватами: в словенском языке используются форманты **-ar** (две лексемы, образование от адъективной и субстантивной основ), **-uh** (2, также от адъективной и субстантивной основ), **-aš**, **-ovec** (оба по одной лексеме, от субстантивных основ); в сербском – **-ак** и **-ара** (оба образованы от адъективных основ, в последнем случае с усечением основы и смягчением ее конечного согласного). В случае с сербским *црвѐндаћ* (подгруппа 1) ‘букв. зарянка (название птицы)’, как нам представляется, имеет место игра слов, базирующаяся на компоненте внутренней формы *црвен* ‘красный’ и его дальнейшем метафорическом переосмыслении (*красный* → *коммунистический*). В словенском языке пейоративные наименования коммунистов также связаны с цветовой символикой (*rdeč* → *rdečkar, rdečuh*).

§10 Сексуальная ориентация

		Словенский	Сербский
1	Гомосексуалист	<i>peder, toplovodar (сл.), homič, buzi (сл.), buzarant (buzerant), pederčina (сл.), ritopik (сл.), ritodaj (сл.)</i>	<i>педер, педерчић, педерчина, хомић, дерне (сл.), буљаиш (сл.), гузичар (сл.), фурунција (сл.), пешикир (сл.), бузерант, пешован (сл.), дупедавац (сл.), фурунаиш (сл.), дупејебац (сл.), печурка (сл.)</i>

2	Лесбиянка	<i>lezba (ж)</i>	<i>лезба (ж)</i>
---	-----------	------------------	------------------

Группа названий лиц по сексуальной ориентации (в случае с пейоративами, безусловно, нетрадиционной), несмотря на изначальную лимитированность денотатов, богата различными уничижительными наименованиями, характеризующимися высокой частотностью. Обращает на себя внимание ограниченное число номинаций женщины и многочисленные пейоративы, служащие для обозначения мужчины-гомосексуалиста. Особенно значительным числом лексем представлен последний тип номинаций в сербском языке; при этом очевидно, что список пейоративов не ограничивается вышеприведенными единицами и будет пополняться многочисленными жаргонизмами и окказионализмами. Сербская исследовательница З. Кнежевич приводит 77 жаргонизмов, обозначающих гомосексуалиста, подавляющее большинство которых имеет резко негативную эмоциональную окраску [Knežević 2010: 47] Полагаем, что такое обилие пейоративов может иметь прямое отношение к осуждению представителей сексуальных меньшинств большинством сербского населения (в первую очередь, имеются в виду провинциалы и сельские жители).

Данная ЛСГ содержит 9 словенских и 16 сербских пейоративов, большинство из которых, как уже было отмечено выше, относится к подгруппе 1. В рамках данной подгруппы суффиксальный способ представлен исключительно среди сербских лексем (7 единиц), при образовании которых применялись форманты **-чић**, **-чина**, **-ић** (плюс усечение основы: *хомосексуалац* → *хомић*), **-ар**, **-ција**, **-аш**, **-ован**¹, присоединяемые к субстантивным основам. Два словенских суффиксальных деривата *homič* и *pederčina* были заимствованы из хорватского языка; кроме того, как в сербском, так и в словенском распространен германизм *buzarant* (*buzerant*)/бузерант. В обоих языках номинации данной подгруппы образованы также сложно-суффиксальным способом: слов. *toplovodar* ← *topel* ‘теплый’ + **-о-** + *voda* ‘вода’ + **-ар**, слов. *ritopik* ← *rit* ‘зад’ + **-о-** + *pikati* ‘жалить’ + **-О**, слов. *ritodaj* ← *rit* ‘зад’ + **-о-** + *dati* ‘дать’ + **-О**, *дупедавац* ← *дупе* ‘попа’ + **-е-** + *давати* ‘давать’ + **-ац**, серб. *дупејебац* ← *дупе* ‘попа’ + **-е-** + *јебати* + **-ац**. Лексемы *peder/neder* образованы усечением от *pederast/nederast*. В словенском языке также распространен пейоратив, представляющий собой сокращенную вариацию другого: *buzi* ← *buzarant*. Большинство единиц, относящихся к данной ЛСГ, происходит из жаргонной лексики, что отражается в выборе специфических номинативных средств: наряду с вышеупомянутым усечением, применяется метонимия (серб. *пешкир*), сочетание метафоры и метонимии (серб. *печурка*) — в обоих случаях речь

¹ В последнем случае мотивирующая основа не была точно установлена.

идет об актуализации периферийных признаков — а также характерная для особого типа сербского жаргона (*шатровачки*¹) перестановка слогов: *педер* → *дерпе*.

В подгруппе 2 в обоих языках присутствует всего одна единица, образованная путем усечения: *lezbijka/лезбијка* → *lezba/лезба*.

Как и в случае с этнофолизмами, лишь небольшая часть пейоративов, служащих для наименования гомосексуалистов, включена в основные словари литературного языка, что затрудняет описание социолингвистических характеристик лексем и установление степени их негативной экспрессивности и табуированности. Однако в новейших лексикографических изданиях данная подгруппа представлена значительно более широко: например, в SNB четыре из четырнадцати словарных единиц, обозначенных пометой *slabš.*, являются наименованиями лиц нетрадиционной ориентации [Kržišnik 2013: 19]. Думается, что это связано со снятием табу с темы гомосексуализма в последние десятилетия и ее выходом из периферийной зоны в область всеобщего обсуждения, что не могло не отразиться на языке.

С достаточной долей уверенности можно утверждать, что *педер/peder* — наиболее распространенное оскорбительное наименование для гомосексуалиста как в том, так и в другом языке — отчасти утратило свою пейоративность, в первую очередь, в силу своей общеупотребительности. Известны случаи иронического использования данной лексемы в качестве самоназвания: «Da, sem gej (po domače *peder*)» («Да, я гей (по-нашему пидор)» *Интернет*, 2013). В то же время пейоративная коннотация его дериватов слов. *pederčina*/серб. *педерчина*, усиленная с помощью аугментативного суффикса, не вызывает сомнений. Номинации с деминутивными формантами (*homič/хомић*), в свою очередь, носят насмешливый оттенок, а пейоративы, содержащие вульгаризмы в качестве корня или одного из корней (*ritopik, ritodaj, гузичар, дупедавац, дупејебац*) отличаются высокой степенью негативной экспрессивности, равно как и слов. *buzarant/buzerant* (помета *vulg.* в SSKJ) и, возможно, серб. *бузерант*. В то же время отдельные исконно жаргонные наименования в сербском языке (*пешикир, печурка*) близки к эвфемизмам. Тем не менее, их принадлежность к сленгу, являющаяся показателем экспрессивности, а также характер денотата позволяют считать данные лексемы пейоративами.

Об актуальности единиц, входящих в подгруппу 1, свидетельствует, в том числе их повсеместное использование для выражения общей отрицательной оценки в обоих языках, например, в словенском: «Miha je grdavš, kreten, *peder*, idiot» («Миха – урод, кретин, пидор, идиот» *Интернет*, 2008) – или в сербском: «Који *дерпе* је мени избрисао пост кад сам питао да ми неко пошаље линк за портал 2?» («Что за пидор удалил мой пост, в котором я

¹ *Шатровачки говор* — особый тип жаргона, распространенный в Сербии, Хорватии и Боснии, одним из характерных способов словообразования в котором является перестановка слогов внутри лексемы.

попросил, чтобы мне кто-нибудь отправил ссылку на портал 2?» *Интернет*, 2012).

Выводы

Общее число пейоративов, относящихся к категории идентифицирующих, составляет 179 словенских и 196 сербских единиц, входящих в число 11 ЛСГ. Сущностные характеристики идентифицирующего признака как такового (объективность, отсутствие градации) предопределяют словообразовательные способы, используемые для деривации единиц данной категории. Большинство из них образовано с помощью суффиксации, отдельным ЛСГ также свойственен сложно-суффиксальный способ (наименования лиц по профессии или роду деятельности и по сексуальной ориентации); при этом метафоризация для идентифицирующих пейоративов нехарактерна. Что касается суффиксации, то среди словенских формантов чаще всего используются **-ar** (31 лексема, деривация от субстантивных (*makaronar*), глагольных (*pisar*) и адъективных (*rdečkar*) основ) и **-uh** (10 единиц, образование от глагольных (*ogleduh*), адъективных (*staruh*) и субстантивных (*liberaluh*) основ). Отметим, что широкое распространение производного с каким-либо редким суффиксом не всегда приводит к повышению продуктивности данного форманта: так, вхождение в обиход презрительного наименования *slovenclj*, судя по данным сети Интернет, не повлекло за собой развитие пейоративной словообразовательной модели с суффиксом **-(c)elj**.

Сербский материал демонстрирует доминирование формантов с увеличительным значением: **-(ч)ина** (15 единиц, деривация от субстантивных основ – *педерчина*), **-етина** (10 лексем, образование от субстантивных основ – *бабетина*) – а также уменьшительно-уничижительного **-(ч)ић** (9 единиц, от субстантивных основ – *новинарчић*) и **-ло** (7 лексем, от глагольных основ – *тискарало*). Таким образом, в сербском языке получили развитие модели пейорации с помощью аугментативных формантов: **-(ч)ина**, **-етина**, **-урина** и др. Увеличительные суффиксы в сфере *nomina personalia* традиционно используются для передачи пейоративной коннотации, хотя они могут реализовывать и менее характерную положительную оценочность, поощрение, похвалу, например: *јуначина* ‘герой’, *поштењачина* ‘честный, порядочный человек’ [Клајн 2003: 101]. В словенском языке подобные модели практически отсутствуют (нам удалось обнаружить лишь одно наименование лица с аугментативным суффиксом **-ača**: *deklača* ‘девка’, единичные примеры с формантом **-ina**: *deklina*, *ženščina*).

Маркированные идентифицирующие пейоративы, обозначающие исключительно лиц женского пола, в основном покрывают собой отдельные подгруппы, в которых гендерный

компонент играет роль либо архисемы (наименования лиц по полу и возрасту), либо дифференциальной семы (номинации по родственным связям, по национальности или месту проживания и сексуальной ориентации). Пейоративные номинации по профессии и роду деятельности, характеризующиеся гендерной маркированностью, также не отличаются какой-либо культурной спецификой (большинство из них является названиями женщин легкого поведения).

Идентифицирующие пейоративы и в словенском, и в сербском языках представлены главным образом пятью ЛСГ, включающими в себя более 8 единиц в каждом из языков: наименования лиц по полу и возрасту, по национальности и месту жительства, по конфессиональному признаку, по профессии или роду деятельности и сексуальной ориентации. Наиболее лексически нагруженной является ЛСГ номинаций лиц по профессии и роду деятельности, однако в обоих языках в качестве ключевой понятийной сферы выступает область взаимоотношений полов, в связи с чем высокой частотностью характеризуются пейоративы, обозначающие женщин, лиц нетрадиционной ориентации и проституток (два последних типа номинаций также представлены главным образом единицами высокой степени негативной экспрессивности, выделяющей их в рамках рассматриваемой категории). Кроме того, активно употребляются отдельные этнофолизмы, в частности, в словенском языке к ним относятся *bosanec*, *čefur*, *južnjak*, *čapec*, *jugovič* (наименования иммигрантов из республик бывшей Югославии), в сербском – *Шунтар* ‘албанец’. Особенностью сербского языка является также тесная сопряженность национального и религиозного признаков; по этой причине такие номинации, как *Balija1* и *Влах* функционируют фактически как негативно окрашенные этнонимы. В рамках категории идентифицирующих пейоративов именно этнофолизмы позволяют выявить экстралингвистический, лингвокультурный пласт, но не в аспекте сопоставления, а в плане описания особенностей употребления и эмоциональной коннотации конкретных лексем в каждом из языков. Тем не менее при анализе материала данной категории также выявляются различия в степени экспрессивности и семантике тех или иных аналогичных лексем в словенском и сербском языках: см., например, *baba/баба*, *jugovič/југовић* и др.

ГЛАВА IV. ЧАСТНООЦЕНОЧНЫЕ ПЕЙОРАТИВЫ

Наиболее многочисленную категорию пейоративных наименований лиц представляют собой частнооценочные единицы, или единицы со значением качественного признака. «Признак» – одно из базовых и вследствие этого с трудом поддающихся дефиниции понятий. В аспекте анализа экспрессивной лексики данное понятие становится актуальным как мотивация для выражения положительной или отрицательной оценки. Мы не стали прибегать к замене ключевого термина «признак», являющегося своего рода гиперонимом, каким-либо из смежных и более узких понятий («свойство», «характеристика», «качество» и т.п.), однако в данной главе внимание сфокусировано именно на качественном признаке, противопоставленном идентифицирующему. Таким образом, предметом исследования становятся единицы, толкование которых строится по следующей схеме: «лицо обладает признаком/признаками X, и я считаю, что это плохо». Они также могут сочетаться с интенсификаторами и употребляться в составе конструкций: «Он(она) такой/такая ... », «он (она) настоящий(ая) ... » и т.п. Ядерная сема такого рода номинаций лиц, как правило, уже содержит определенную рациональную оценку, и средства выражения пейоративности лишь дополняют данную оценку эмоциональной составляющей, подчеркивающей ее субъективный статус.

На первой стадии мы распределили уничижительные наименования лиц в словенском и сербском языках по лексико-семантическим группам (ЛСГ) в зависимости от типа актуализируемого признака:

1. физические и внешние характеристики: неуклюжесть, излишняя худоба, полнота, слабость, уродство (непривлекательный внешний вид) и др.;
2. материальное положение и (или) социальный статус: богатство, бедность, неудачливость и др.;
3. особенности характера и поведения в том числе: а) отношение к работе, труду, профессии: лень, тунеядство, карьеризм и др.; б) отношение к деньгам и прочим материальным благам: жадность, расточительство и др.; в) поведение и отношение к третьим лицам: жестокость, равнодушие и др.; г) речевые характеристики: болтливость, ворчливость и др.; д) иные отдельные черты характера и особенности поведения: трусость, похотливость, неряшливость, неопытность и др.;
4. умственные способности, отсутствие таланта: глупость, избыток/недостаток ума, бездарность;
5. взгляды, мировоззрение: консерватизм, неверие и др.;

6. привычки, пристрастия: обжорство, пьянство, наркозависимость и др.

Внутри данных ЛСГ затем были выделены подгруппы со значением конкретного признака. Очевидно, что далеко не каждую единицу можно причислить только к одной из лексико-семантических групп или подгрупп, что подробнее проанализировано в дальнейшем. В то же время определенные нюансы значений слов, включенных нами в одну и ту же группу, могут различаться: например, большая часть лексем, относящихся к ЛСГ «Богатство», в сербском языке обозначает лицо, недавно достигшее благосостояния легким и быстрым путем (*скоројевић*), в то время как у соответствующих пейоративов в словенском языке данный семантический оттенок отсутствует (*foteljaš*, *petičnež* и т.п.), а схожее с сербским *скоројевић* понятие «выскачка» (*povzpetnik*) связано главным образом с карьерным и социальным ростом. Мы предприняли попытку описания релевантных смысловых нюансов подобного рода с целью выявления как внутри-, так межъязыковых семантических особенностей.

§1 Физические и внешние характеристики

Таблица пейоративов в словенском и сербском языках, обозначающих носителей тех или иных физических черт и прочих внешних признаков, выглядит следующим образом:

		Словенский	Сербский
1	Большая грудь	-	<i>сисара</i> (ж)
2	Большая голова	<i>debeloglavec</i> , <i>glavač</i> , <i>glavan</i> (0)	<i>главоња1</i>
3	Большой живот	<i>vampež</i> , <i>trebušnik</i>	<i>куљеша</i> , <i>мешина</i> (0)
4	Большой нос, клювообразный нос	<i>nosan</i>	<i>носоња</i> , <i>кљунаш</i> (0)
5	Большие ягодицы	<i>debeloritnica</i> (ж), <i>širokoritnež</i> (0)	<i>дебелогуза/дебелгуза</i> (ж)
6	Выделяющиеся зубы (форма, размер)	<i>škrba</i> (0), <i>škrbec</i> (0), <i>zobač</i> (0)	<i>зубан</i> (0)
7	Высокий рост и крупное	<i>kobila1</i> (ж), <i>robustnež1?</i> , <i>robavs2?</i> , <i>donda</i> (ж),	<i>грмаљ1?</i> , <i>кобила1</i> (ж), <i>бедевија</i> (ж), <i>дунда</i> (ж, 0),

	телосложение	<i>rogovila</i>	<i>дундача (ж, 0)</i>
8	Высокий рост и худоба	<i>dolgin?, prekla (ж), dolgan? (0)</i>	<i>пракъача (ж), мотка (ж)</i>
9	Глухота	-	<i>глувак</i>
10	Излишнее уделение внимания своей внешности (о мужчине)	<i>izlizanec (0), načičkanec (0)</i>	-
11	Импотенция	<i>impotentnež</i>	-
12	Лысина	-	<i>ћелоња, ћелупача (0)</i>
13	Недоразвитость	-	<i>жгеба (0)</i>
14	Неприятный голос	<i>meketač, sraka (0)</i>	-
15	Неприятный запах	<i>smrduh1, smrdljivec1, smrduha (ж), smrdulja (ж), smrdljivka (ж), smraduh, smradljivec (0)</i>	<i>смрдливац1, смрдель1 (0)</i>
16	Неуклюжесть, неповоротливость	<i>nerodnež1?, neroda1, nespretnež?1, štor, butara1 (ж), slon, konj1, medved, klada, hlod1, okornež, štokljež, drvar, rogovilo, kramp, brus (0), burkla (ж, 0), burklež (0), drenovec (0), štokljač (0) čok (0), hacalo (0), motovilo (0), teslo1 (0), trde (0), trdež (0), motovilež (0), teleban2 (0)</i>	<i>неспретњаковић1?, трапавко1?, гегавец, слон, клада, трапађоза1 (ж), медвед (0), волоња (0), здепало (0) здепњаковић (0), трапавац1 (0), трапавуша (ж, 0), тромоња1 (0)</i>
17	Осанка	<i>grbež (0)</i>	<i>грбоња, грбонца (0)</i>
18	Особенности глаз (косоглазие, отсутствие глаза)	-	<i>ћорча, шкиљавац, ћореша (0)</i>
19	Отсутствие	-	<i>даскара (ж)</i>

	«форм»		
20	Полнота	<i>debeluh, svinja1, bajs (сл.), bajsī (сл.), bajsa (сл., ж), prastica1 (ж), krava1 (ж), bunka (ж), debeluha (ж), prasec2, debelušnež, debeluhica (ж), debeluša (ж), debelin, brenta (ж), zavaljuh (0), debelušnik (0)</i>	<i>дебелько?, свиња2, крава1 (ж), прасац1, прасица1 (ж), товљеник, дебеляковић (0), дебелковић (0), торпедњача (ж, 0), трпто2 (0), тускоња1 (0)</i>
21	Уродство, непривлекательный внешний вид	<i>grdoba1, nakaza, grdavša (ж), grdobec, pokveka1, kljuka (ж), grdavš1, grdavs, grdavž1, grduh1</i>	<i>наказа1, ругоба, калаштура (ж), акрен, крампача (сл., ж), караконцула (ж), грдоба (ж), габор, грдоња, грдов (0), чункара (ж, 0)</i>
22	Храп	<i>smrčuh</i>	-
23	Хромота	<i>švedra, šantač, šantavec, krevlja</i>	-
24	Худоба, физическая слабость	<i>glista, suha južina, suhota, kilavec1, grinta, piškavec1, koščenjak, sirotka, crka (0), drobne (0), jetika (0), kostišče (0), suhač (0), strigalica (0)</i>	<i>липсотина, скелет, стрвина1 (0), ушкопљеник (0), цвилидрета (0)</i>

В словенском языке из 24 перечисленных признаков пейоративами представлено 17, в сербском — 19. Большинство пейоративов, входящих в данную ЛСГ, представляют собой суффиксальные дериваты. В словенском языке из 106 рассматриваемых единиц 61 образована именно суффиксальным способом: 13 с помощью форманта **-ež** (11 — от адъективных основ, 1 — от субстантивной и 1 — от глагольной основы), 10 — **-ec** (от адъективных основ); по 6 с помощью: **-ač** (2 — от субстантивных, 2 — от адъективных и 2 — от глагольных основ), **-uh** (3 — от адъективных и 3 — от глагольных основ), нулевого суффикса (ж.р., 4 — от адъективных и 2 — от субстантивных основ); 3 лексемы содержат формант **-an** (2 образованы от субстантивных и 1 — от адъективной основы); по 2 — **-uha** (от субстантивной и глагольной основ), **-ica** (1 — от адъективной и 1 — от субстантивной

основы), **-avs**, **-avž**, **-e**, **-in**, **-nik** (5 последних — от адъективных основ); по одному — **-ulja** (от глагольной основы), **-avš**, **-uša** (оба — от адъективной основы), **-i** (от субстантивной основы)). В сербском языке из 67 пейоративов суффиксальными дериватами являются 36 единиц: используются форманты **-оња** (7 лексем, 5 — от субстантивных и 2 — от адъективных основ), по 4 лексемы: **-ац** (от адъективных основ), **-овић** (от субстантивных основ), **-ача** (2 — от адъективных и 2 — от субстантивных основ); по 2 пейоратива: **-ара** (от субстантивных основ), **-ко** (от адъективных основ), **-Ќ** (ж.р. и м.р., от адъективной и глагольной основ), **-еша** (от адъективной и субстантивной основ); по одной единице: **-ан** (от субстантивной основы), **-ов** (от адъективной основы), **-онца** (от субстантивной основы), **-уша** (от адъективной основы), **-оза** (от адъективной основы), **-ель** (от глагольной основы), **-аль** (мотивация утрачена), **-ак** (от адъективной основы), **-аш** (от субстантивной основы). Лишь один сербский пейоратив образован путем сложения основ и присоединения суффикса (с соединительным гласным и без него): *дебелгуза/дебелогуза* ← *дебео* ‘толстый’ + **-о-** + *гуз* ‘зад’ + **-Ќ**.

В обоих языках с помощью метафорических номинаций кодируются такие физические признаки, как высокий и низкий рост, уродство (непривлекательный внешний вид), худоба, полнота и неуклюжесть. Различие наблюдается лишь в наличии единичного словенского пейоратива *sraka* ‘букв. сорока’, обозначающего обладателя неприятного голоса, примеры употребления которого, однако, не были зафиксированы нами в корпусе.

В словенском и сербском языках можно констатировать применение аналогичных моделей переноса по сходству: слов. *prekla* ‘жердь’ и серб. *мотка* ‘жердь, шест’ функционируют в качестве наименований долговязого человека (в сербском в данном значении употребляется также *пракљача* ‘валец для стирки белья’). И в том, и в другом языке для номинации лиц, отличающихся признаком «неуклюжесть, неповоротливость», используются названия кусков дерева (словен. *klada* и серб. *клада* ‘колода’), но в словенском языке список такого рода предметов оказывается шире, чем в сербском: *štor* и *čok* ‘пень’, *hlod* ‘бревно’, *rogovila* ‘разветвленный ствол’.

Медведь и слон, согласно словенским и сербским лексикографическим источникам, также функционируют как эталоны неуклюжести и нерасторопности, однако пейоративные метафоры *medved/медвед* и *slon/слон* в современных языках практически не употребляются. Этот факт, впрочем, не может служить подтверждением утраты актуальности самих стереотипных образов: в частности, *slon/слон* и в словенском, и в сербском фигурирует в составе фразеологизмов, таких, как *kao slon u porcelanskoj radnji/kot slon v trgovini s porcelanom* ‘будто слон в фарфоровой (посудной) лавке’. Что касается медведя, то примеры

уподобления неуклюжего человека данному животному в обоих языках встречаются крайне редко.

В отличие от вышеприведенных существительных, пейоративы, обозначающие свинью (слов. *svinja*, *prasic* ‘свинья’, *prasec* ‘поросенок’ и серб. *свиња*, *прасица* ‘свинья’ *prase* ‘поросенок’, *товљеник* ‘откормленная на убой свинья’), в обоих языках являются достаточно частотными и отличаются многообразием ЛСВ с негативной эмоциональной окраской, среди которых, безусловно, присутствует и ‘толстяк, толстобрюх’. Как для словенских, так и для сербских лексем в данном значении характерно смысловое дублирование (сочетание с прилагательным *debel/дебео* ‘толстый’), причем такого рода контексты нередко довольно близки к общеоценочным, например: «Мене чуди да она дебела *свиња* која је на власти <...> није ништа научила док се школовала у Швицарској» («Меня удивляет, что эта толстая свинья у власти <...> ничему не выучилась в Швейцарии» *Интернет*, 2013). Частотными и в том, и в другом языке являются также ЛСВ слов *krava/крава* ‘букв. корова’, обозначающие не просто толстую, а непривлекательную женщину крупного телосложения.

И в сербском, и в словенском языках присутствуют номинации с использованием названия насекомого, обозначающие худого человека (с длинными ногами): в словенском – *suha južina*¹ ‘сенокосец, косиножка’ (а также не упомянутое в корпусе *strigalica* ‘уховертка’), в сербском – *цвилидрета* ‘жук-усач’. В словенском языке *suha južina* по-прежнему употребляется в указанном значении: «Ne moreš delati hkrati vojske za natovske in lastne potrebe. To bi bilo kot ena obleka za debeluha in *suho južino*» («Невозможно создавать армию одновременно для собственных нужд и для нужд НАТО. Это все равно что один наряд для толстяка и тощего человека» *Delo*, 2011). В сербском же слово *цвилидрета* приобрело совершенно иной окказиональный ЛСВ, вероятно, базирующийся на так называемой народной «этимологии» (серб. *цвилети* ‘хныкать, скулить’): «Дијете ми је постало права правцата *цвилидрета*» («Мой ребенок стал такой капризулей» *Интернет*, 2009) – и следовательно, должно быть рассмотрено в рамках иной ЛСГ.

Обратимся к различиям в метафорике словенских и сербских пейоративов, входящих в данную группу. Для словенского языка, в отличие от сербского, характерно наличие ряда эталонов неуклюжести, неповоротливости, отсутствующих в сербском или реализующих в этом языке иные, не связанные с внешними признаками значения. Речь идет, в частности, о лексеме *konj* ‘лошадь, конь’, обозначающей неуклюжего, неповоротливого, а также несообразительного человека; кроме того, в словенском языке встречается ряд метафор,

¹ *Suha južina* в исходном значении ‘сенокосец, косиножка’ представляет собой идентифицирующий фразеологизм: *suha južina* ‘букв. скудный ужин’.

связанных не только с кусками дерева, но и с различными инструментами, строительным процессом: *brus* ‘брус, камень для шлифовки’, *drvar* ‘дровосек’, *motovilo* ‘катушка’, *teslo* ‘тесло’. Пейоратив *butara* (букв. ‘связка, охапка’, также ‘неуклюжая, нерасторопная женщина’), согласно SSKJ, также является вторичной номинацией, однако обнаруживает очевидное семантическое и фонетическое сходство с лексемами *butast* ‘тупой, придурковатый’, *buteč*, *butelj* ‘придурок’, *butica* ‘башка’ и иными производными от того же корня.

Среди наименований лиц по признаку «полнота» в словенском языке присутствует частотный метафорический дериват *bunka* (букв. ‘шишка (на лбу); набалдашник’ → ‘толстуха’), аналоги которому не были обнаружены в сербском: «...sem šele v tisti kabini pogruntala kako ogromen trebuh imam in kakšna *bunka* sem!» («...только в той примерочной до меня дошло, какой у меня огромный живот и что я толстая бочка!» *Интернет*, 2007). Любопытным является также стереотипное представление об аисте, выявленное благодаря внутренней форме словенских дериватов *štorkljež*, *štorkljač* ‘неуклюжий человек, увалень’, образованных от глагола *štorkljati* ‘тяжело шагать’ ← *štorklja* ‘аист’.

В свою очередь, в сербском языке обращает на себя внимание пейоратив турецкого происхождения *акрен* ‘букв. скорпион’, определяемый в РМС как ‘худощавый, некрасивый человек’. Контексты употребления лексемы в Интернете демонстрируют, что оценка внешней непривлекательности (а не «худоба» как более частный признак) в данном случае выходит на первый план: «Девојка има лепе црте лица тако да никако не може да буде *акрен*» («У девушки красивые черты лица, так что она никак не может быть уродиной» *Интернет*, 2014). К той же признаковой подгруппе относится еще один турцизм: *караконџула* ‘букв. караконджул – демон, персонаж балканского фольклора’ → ‘страхолюдина’.

Номинации лиц, отличающихся излишней худобой и слабостью, в словенском и сербском также актуализируют различные образы: в частности, среди словенских пейоративов встречается название вещества (*sirotka* ‘сыворотка’), а также номинации болезней: *grinta* ‘парша’, *jetika* ‘туберкулез’ — и паразитов *glista* ‘глиста’; среди сербских — метафоры, несущие еще большую негативную нагрузку: *скелет* ‘скелет’, *ушкoпљeник* ‘кастрат’. Наряду с этим, в обоих языках худощавый человек сопоставляется с мертвым существом: слов. *crka* и серб. *липсoтина*, *стрвина* ‘дохлятина’.

Что касается метонимии, то в рамках рассматриваемой ЛСГ мы обнаружили следующие примеры переносов по смежности: слов. *grdoba*, *nakaza*, *pokveka* и серб. *grdoba*, *наказа* ‘уродство’ → ‘урод, уродина’, аналогично: серб. *pyгoбa* ‘мерзость, гадость’ → ‘урод,

уродина'; слов. *suhot* 'сушь, худоба' → 'худощавый человек, задохлик', *krevlja* 'трость' → 'хромой человек'; серб. *мешина* 'пузо' → 'толстопуз'. Принцип метонимии, безусловно, также лежит в основе образования номинаций лиц по выдающейся части тела или иным выделяющимся внешним деталям, хотя здесь и используется формант: *glava* 'голова' → *glavač*, *грб* 'горб' → *грбоња*, *vamp* 'пузо' → *vampež*, *куља* 'пузо' → *куљеша* и т.п.

Данная ЛСГ в обоих языках представлена значительным количеством единиц высокой степени негативной экспрессивности, что связано, в первую очередь, с апелляцией к различным физическим признакам, в особенности частям тела, упоминание которых в социуме носит табуированный характер. К тому же, сами номинации данных частей тела являются стилистически сниженными (словен. *rit* 'зад', серб. *cice* 'грудь' и т.п.). Лексемы, служащие для обозначения обладателя неприятного запаха, имеют ярко выраженный оскорбительный характер, и многие из них переходят в категорию общеоценочных (см. далее).

С другой стороны, ряд единиц не может быть однозначно включен в число пейоративов: в частности, к ним относятся серб. *неспретњаковић*, способное употребляться, например, вместе с прилагательным «*шармантан*» («обаятельный»), и его словенский аналог *nerodnež*, встречающийся в сочетании с прилагательным «*prisrčen*» («приятный, милый»). Суффикс **-ко** в сербском языке не имеет яркой негативной окраски, поэтому пейоративность таких лексем, как *дебелько* 'толстяк', *трапавко* 'неуклюжий человек, медведь', остается под знаком вопроса.

Все единицы, служащие для номинации лиц по признаку «высокий рост, крупное телосложение», отличаются низкой степенью негативной экспрессивности. В частности, для лексем *robustnež* и *грмаљ* мы не обнаружили контексты, позволяющие однозначно диагностировать их пейоративность. Любопытно, что вышеупомянутые единицы проявляют тенденцию к выходу за пределы сферы персональности, несмотря на отсутствие данных ЛСВ в словарях и наличие у *robustnež* форманта **-ež** со значением лица: имеется в виду использование *грмаљ* по отношению к танку или *robustnež* для характеристики компьютера как «гиганта».

Отдельные более абстрактные физические признаки и их носители в языковом плане соотносятся с определенными чертами характера: так, худоба и телесная слабость используются в качестве вторичной номинации для обозначения слабости духа, трусости (слов. *kilavec*, *piškavec*), редкие сербские лексемы *трпо* и *тускоња* сочетают в себе признак полноты с глупостью и ленью соответственно, а физическое уродство и неприятный запах переносятся на недостатки личности и, как уже было отмечено выше, выражают общую

отрицательную оценку (слов. *pokveka*, *grdoba*¹, *grdavs*, *grduh*, серб. *грдоба*, *грдоња*; слов. *smrduh*, *smrdljivec*, серб. *смрдљивац*). Наиболее тесная взаимосвязь и в сербском, и в словенском языках обнаруживается у признаков неклюжесть/неповоротливость и несообразительность (слов. *nerodnež*, *neroda*, *konj* и др., серб. *неспретњаковић*, *трапавко* и др.). Сравним два примера из словенского языка с использованием слова *neroda*: 1) «Vodnik je šel še po eno plesalko, ta je skušala dokazati, da zna plesati tango in da torej ni *neroda*» («Экскурсовод пошел еще за одной танцовщицей, та же пыталась доказать, что она не бревно и умеет танцевать танго» *Jana*, 2007); 2) «Prava *neroda* boste, če ne boste znali izrabiti vsega naštetega» («Только полный идиот не сможет использовать все перечисленные возможности» *Delo*, 2003). Полисемичность почти всех лексем, сочетающих в себе вышеприведенные значения, отражена в словарях; тем не менее, разграничение данных ЛСВ во многих контекстах словоупотребления представляет большую сложность и далеко не всегда можно констатировать, какое из значений превалирует. Однако, например, в случае со словенской метафорой *konj* анализ материала корпуса показал, что значение физического признака неуклюжести уходит на второй план в сопоставлении с признаком «глупость» или даже общей оценкой: «A sem res tak *konj*, da rubrike “Priporočamo” ne najdem?» («Я и вправду такой идиот, что не могу найти рубрику “Рекомендовано”?» *Интернет*, 2004). Контексты, позволяющие однозначно выявить ЛСВ ‘увалень’, носят окказиональный характер. Лексемы *kobila*/кобила (в сербском также турцизм *бедевија*), и в том, и в другом языке имеющие значение ‘высокая, крупная женщина’, проявляют аналогичную тенденцию употребления, см. пример из сербского: «Јадни Украјинци кад их води ова *кобила*» («Бедные украинцы, если ими руководит эта дура» *Интернет*, 2014).

Совмещение физической черты с признаком иного типа в рамках семантической структуры одного слова контрастирует с подобной корреляцией двух внешних признаков, в частности, высокого роста и худобы (словен. *prekla*, серб. *мотка*), высокого роста и плотного телосложения (серб. *грмаљ*¹, словен. *robustnež* ‘верзила, громила’). Внутри- и межъязыковые семантические различия лексем в рамках одной признаковой группы проявляются и в рамках иных, дополнительных параметров: так, например, слов. *donda* и серб. *дунда* (не зафиксировано в Интернете) обозначают исключительно лицо женского пола (как правило, молодую девушку), отличающееся высоким ростом и крупным, нескладным телосложением: «Nobena velika *donda* ne more biti privlačna» («Ни одна большая дылда не может быть привлекательной» *Интернет*, 2013). Совмещение семантики двух и более

¹ Что касается словенского пейоратива *grdoba*, то, вопреки данным SSKJ, частная оценка со значением физического признака ‘уродство, непривлекательный внешний вид» в корпусе превалирует над общей.

физических признаков обычно проявляется в рамках одного и того же ЛСВ, что отличает их от большинства свойств, имеющих различную природу. Однако особо следует выделить сербскую лексему *калаштура*, денотатом которой является некрасивая женщина (ядерная сема), при этом, как правило, отличающаяся недостатком ума (периферийная сема) и, возможно, вкуса: «Никада нећу да процењујем и делим људе на основу верске припадности, боје коже или на основу година, али ћу вербално искасапити *калаштуру* која носи ружне ципеле» («Я никогда не буду оценивать и подразделять людей на основе их вероисповедания, цвета кожи или возраста, но перемою все косточки глупой страхолюдине в некрасивых туфлях» *Интернет, 2012*).

Особое место в анализируемой ЛСГ занимают уничижительные номинации лиц по наличию физического дефекта/болезни. Пейоративы со значением признаков подобного рода не являются общеупотребительными и в различной степени представлены в словенском и сербском языках. В обоих языках лексически наполненной является подгруппа «Выделяющиеся зубы (форма, размер)», материал сербского языка включает в себя единицы со значением признаков «глухота», «грыжа», «недоразвитость», «особенности глаз» («отсутствие глаза» (*ћорча, ћореша*), «косоглазие» (*ишкиљавац*)), материал словенского – лексемы со значением признака «хромота».

Данная ЛСГ требует рассмотрения также с точки зрения гендерного критерия: обращает на себя внимание значительное число пейоративов, обозначающих лиц женского пола (19 в словенском и 20 в сербском), и наличие отдельных подгрупп, содержащих исключительно такого рода маркированные номинации («большая грудь», «высокий рост и худоба», «отсутствие “форм”» – последняя представлена только в сербском языке пейоративом *даскара* ← *даска* ‘доска’). В рамках подгруппы «Уродство, непривлекательный внешний вид» как в том, так и в другом языке доминируют лексемы женского рода, некоторые из которых употребляются для номинации представителей обоих полов (*nakaza, pokveka1/наказал, ругоба*). Маркированной по мужскому полу является подгруппа «Излишнее уделение внимания своей внешности», однако она включает в себя лишь нераспространенные словенские пейоративы.

Таким образом, сводная таблица словенских и сербских пейоративов, используемых для номинации лиц по внешним/физическим признакам, насчитывает 24 подгруппы. Однако в значительной степени лексически нагруженными являются лишь отдельные из них: «Неуклюжесть», «Полнота», «Уродство, непривлекательный внешний вид», «Худоба/физическая слабость» (в обоих языках), а также «Неприятный запах» (в словенском). Основную же часть анализируемой ЛСГ составляют редкие,

малоупотребительные пейоративы. В семантике отдельных вышеупомянутых единиц ЛСВ со значением внешнего признака уступают место качествам иного характера (например, «неуклюжесть» → «несообразительность») и общей оценке. Различия метафорики словенских и сербских лексем в рамках данной ЛСГ главным образом проявляются в наличии так называемых «лакун» – реализации переноса по сходству в одном из языков и его отсутствии или нераспространенности в другом (см. выше *bunka*, *štor*, *акрен* и др.).

§2 Материальное положение и (или) социальный статус

		Словенский	Сербский
1	Бедность	-	<i>липсаћ</i> (0), <i>рита</i> (0), <i>ритаковић</i> (0), <i>ритинар</i> (0)
2	Богатство и (или) авторитет, влияние	<i>petičnež?</i> , <i>povzpetnik?</i> , <i>povzpetnica?</i> (ж), <i>foteljaš</i> , <i>mogočnjak</i> , <i>sitež</i> (0)	<i>богатун?</i> , <i>скоројевих</i> , <i>фотеляш</i> , <i>гузоња</i> (сл.), <i>газдурина</i> , <i>скороштек</i> , <i>скорохлебовић</i> (0), <i>скоротечник</i> (0)
3	Изгойство, отверженность со стороны общества	<i>izmeček1</i> , <i>izvržek1</i> , <i>izvrženec1</i> , <i>zavržek1</i> , <i>izvrženka1</i> (ж, 0)	-
4	Материальная зависимость от мужчины	<i>kešpička</i> (ж, сл.)	<i>спонзоруша</i> (ж)
5	Неудачливость	<i>zguba</i> , <i>luzer</i> (сл.), <i>nesreča?</i>	<i>лузер</i> (сл.), <i>баксуз</i> , <i>невоља?</i> , <i>уклетва</i> (0)
6	Чуждость, нездешность	<i>pritepenec</i> , <i>prihajač</i>	<i>кофераш</i> , <i>допуз</i>

В рамках данной ЛСГ было выделено шесть основных признаковых подгрупп, включающих 17 единиц в словенском и 19 в сербском языке, которые отличаются, во-первых, разнообразием проявления рассматриваемых признаков, во-вторых, высокой частотностью отдельных входящих в нее пейоративов. Со словообразовательной точки зрения суффиксальными дериватами являются 10 словенских и 10 сербских лексем. В словенском языке используются форманты *-ež* (2 единицы — образование от адъективных

основ), **-ес** (дважды от глагольных основ — страдательные причастия), **-аš** (от субстантивной основы, возможно также заимствование из хорв. — *foteljaš*), **-ak** (от адъективной основы), **-ač** (от глагольной основы), **-nik** (от глагольной основы), **-ica** (от субстантивной основы), **-ka** (от глагольной основы — страдательное причастие). Среди сербских формантов дважды фигурируют суффиксы **-овић/-евић** (образование от субстантивной и адverbальной основ) и **-аш** (оба раза от субстантивных основ). Также для деривации единичных пейоративов были использованы форманты **-ун** (от адъективной основы), **-оња** (от субстантивной основы), **-ар** (от субстантивной основы), **-урина** (от субстантивной основы), **-аћ** (от глагольной основы), **-Ø** (м.р., от глагольной основы), **-уша** (от субстантивной основы). В словенском языке также представлено сложение основ: *kešpička* ← *keš* ‘наличные’ + *pička* ‘вульва (вульг.)’. Кроме того, отдельные сербские единицы образованы сложно-суффиксальным способом с участием формантов **-овић** (*скорохлебовић* ← *скоро* ‘недавно’ + *хлеб* ‘хлеб’ + **-овић**), **-ник** (*скоротечник* ← *скоро* ‘недавно’ + *тећи* ‘получить, приобрести’ + **-ник**) и нулевого суффикса (*скороstek* ← *скоро* ‘недавно’ + *стећи* ‘получить, приобрести’ + **-Ø**). В рамках данной группы встречаются также примеры использования метонимии: 3 в сербском: *невоља* ‘беда, несчастье’ → ‘неудачник’, *уклетва* ‘проклятие’ → ‘неудачник’, *рита* ‘тряпка, отрепье’ → ‘бедняк, оборванец’ – и две в словенском: *zguba* ‘провал, потеря’ → ‘неудачник’, *nesreča* ‘беда, несчастье’ → ‘неудачник’. Среди словенских лексем присутствуют три аналогичные друг другу метафоры: *izmeček*, *izvržek*, *zavržek* ‘отброс, кал’ → ‘изгой’. Нельзя не упомянуть и непрямые заимствования: слов. *luzer* и серб. *лузер* (из англ.), а также серб. *баксуз* (из тур.).

Для начала рассмотрим уничижительные наименования лиц со значением ‘толстосум’ из подгруппы 2, являющейся наиболее лексически нагруженной как в том, так и в другом языке. В словенском языке все единицы, относящиеся к данной признаковой группе, имеют своеобразные оттенки значений и характеризуются различной степенью негативной экспрессивности. *Petičnež* обозначает богатого, состоятельного человека и имеет легкий неодобрительный оттенок: «Vendar pa tudi golf ni samo za petičneže» («Однако и гольф – игра не только для толстосумов» *Hopla*, 2006). *Foteljaš* – это относительный неологизм ([SNB: 143]), образованный от существительного *fotelj* ‘кресло’ и служащий для номинации лиц, обладающих большим влиянием и занимающих высокое положение в обществе, что, безусловно, подразумевает и широкие финансовые возможности (хотя сема ‘богатство’ здесь находится на периферии): «*Foteljaši*, ki niso nikoli prijeli za nobeno delo in živijo od gobca in denarja delavcev, so najmanj kompetentni razglablјati o vrednotah dela» («Буржуи, которые никогда не брались ни за одно дело и живут за счет подчиненных, наименее компетентны в

рассуждениях о ценностях труда» *Интернет*, 2010). В свою очередь, значение пейоратива *togošnjak* также сочетает в себе семы богатства и влиятельности, могущества: «...je tudi *togošnjak*, kot perzijski kralj» (...он тоже богатей, как персидский король» *Интернет*, 2011).

Наиболее частотным из пейоративных наименований богача в сербском языке является *богатун*, семантика которого не содержит каких-либо комплексных смыслов и легко выводится из значения корня (-богат-). Максимально близкой к нему по значению является лексема *газдурина* ‘богач, капиталист’ (один из ЛСВ – ‘хозяин’: *газдурина* ← *газда* ‘хозяин, богач’). Пейоратив *гузоња*, определенный в РМС как ‘человек с большими ягодицами’, в современном сербском сленге также используется в значении ‘буржуй, толстосум’: «Кроз рупе у закону се не може свако провући, што си већи *гузоња* лакше пролазиш» («Не каждый может пролезть через дыры в законе: чем толще твой карман, тем легче сквозь них пройти» *Интернет*). *Фотельаш* соотносится по своей семантике с ранее рассмотренным словенским пейоративом (*foteljaš*), т.е. обозначает лицо, занимающее высокое положение в обществе: «На сваког радника један “*фотельаш*”» («На каждого работника найдется свой буржуй» *Интернет*, 2012).

В то же время ряд синонимичных сербских лексем (*скоројевећ*, *скороstek*, *скорохлебовић*, *скоротечник*) имеет более частное значение и используется для номинации лица, недавно обогатившегося за очень короткий период времени, см., например: «Радња серије врти се око успешног поп певача, који је у рекордном року постао *скоројевећ*» («Действие сериала крутится вокруг успешного поп-исполнителя, который за рекордный срок выбился из грязи в князи» *Интернет*, 2009). Данное понятие не находит абсолютного соответствия в словенском языке, так как словенское *povzpetnik* ‘высочка, парвеню’ подразумевает в первую очередь продвижение по служебной лестнице и отличается низкой степенью негативной экспрессивности (отсутствие в SSKJ помет эмоциональной окраски). Тонкая разница между двумя понятиями проявляется, во-первых, в словарных дефинициях: «*скоројевећ* – онај који се одскора обогатио, истакао односно доспео на виши друштвени положај» (тот, кто недавно обогатился, выбился, приобрел более высокий социальный статус» [РМС]); «*povzpetnik* – kdor se iz nižjih družbenih slojev hitro, brezobzirno povzpne med višje; parveni» («тот, кто быстро, не считаясь ни с чем, выбился в высшее общество из низких социальных слоев; парвеню» SSKJ). Во-вторых, различие просматривается при анализе специфики сочетаемости данных лексем, в частности, с прилагательным со значением ‘политический’: словосочетание «политички *скоројевећ*» встречается в сербском Интернете всего четыре раза, в словенском Интернете – «*politični povzpetnik*» употребляется 497 раз.

Таким образом, сема «быстрое обогащение» в значении словенского наименования лица, в отличие от сербского, является периферийной.

Что касается пейоративных номинаций бедняка (подгруппа 1), то в словенском языке они не были обнаружены, а примеры употребления сербских лексем, присутствующих в словарях (*lipcah, rita, ritačovič, rutina*), не были зафиксированы в корпусе или сети Интернет. Очевидно, словенские экспрессивные наименования лиц по данному признаку находятся в нейтральной зоне вне явной положительной или отрицательной оценки.

К анализируемой ЛСГ мы отнесли также негативно окрашенные наименования неудачника (подгруппа 5), не относящиеся к социальному статусу в привычном смысле этого словосочетания, но тем не менее дающие оценку конкретному лицу и ставящие его на определенную позицию в обществе. И в том, и в другом языке наиболее частотным пейоративом является английская по происхождению лексема *luzer/лузер*, берущая начало в молодежном сленге, но значительно расширившая границы сферы своего употребления, см., например, отрывок из статьи известного словенского журнала: «*Luzerji in zmagovalci – med katerimi boste vi?*» («Лузеры и победители – кем из них будете вы?» *Mladina*, 2004). Для сербского языка актуален также турцизм *баксуз*, см. подпись под фотографией актера, исполнявшего роль Эркюля Пуаро в известном сериале: «*Највећи баксуз – где год оде, неког убију!*» («Лузер №1 – куда ни пойдет, кого-нибудь убьют!» *Интернет*, 2012).

Как в словенском, так и в сербском языке присутствует метонимический перенос ‘беда, несчастье’ → ‘неудачник’ (*nesreča/невоља*). Данные наименования лиц, как правило, употребляются в составе устойчивых словосочетаний: слов. *nesreča nesrečna* (редк.): «*Oh, ti nesreča nesrečna! Kaj te je spet pičilo?*» («Ох ты, беда бедовая! Что за муха тебя опять укусила?» *Неизвестный источник*, 1999), серб. *ходајућа невоља*: «*Ја нисам ходајућа невоља, ја сам елементарна непогода*» («Я не ходячее несчастье, я стихийное бедствие» *Интернет*, 2013). В обоих языках данные единицы отличаются низкой степенью негативной экспрессивности, как, впрочем, и остальные лексемы, относящиеся к подгруппе 5. Это объясняется главным образом природой самого признака: неудачливость, в целом, безусловно, оцениваемая отрицательно, вызывает в обществе скорее жалость и сочувствие, нежели пренебрежение, презрение и, тем более, гнев.

В рассматриваемую ЛСГ также были включены немногочисленные пейоративы со значением ‘чужак (пренебр.)’, из которых широкой сферой употребления в современных языках характеризуется исключительно словенское *pritepenec* («*Ali ni to del narodovega karakterja, ali se tudi tukaj ne soočamo s pregovornim slovenskim zaplotništvom, <...> zmerjanjem s “pritepenici” in podobno?*» («Разве это не проявление народного характера, разве мы и тут не

сталкиваемся с пресловутой словенской подлостью, <...> обзыванием кого-либо “чужаками” и так далее?») *Večer*, 2001). В семантическом аспекте здесь выделяется сербская лексема *кофераш*, обозначающая лицо, приехавшее на заработки: «онај који у потрази за зарадом с мало пртљага дође у неко место» («тот, кто, стремясь заработать, приезжает в какой-либо город с небольшим багажом» [РСАНУ], *кофераш* ← *кофер* ‘чемодан’).

В сербском языке также присутствует уничижительное наименование *спонзоруша*, обозначающее женщину, живущую за счет богатого (как правило, пожилого) мужчины (подгруппа 4): «Код *спонзоруша* правило је јасно, ако останеш без пара, остао си и без пара» («Для содержанок закон ясен: нет мужчины – нет денег» *Интернет*, 2013 — при переводе на русский язык был использован квазисиноним нейтрального характера). В словенском языке с недавних пор появился менее распространенный, однако отличающийся более высокой степенью негативной экспрессивности пейоратив *kešpička*, используемый для обозначения того же денотата и вошедший в широкое употребление благодаря одноименному роману Марьянцы Шайхер 2010 г.

Подгруппа 3 представлена исключительно словенскими пейоративами и большинство из них, как следует из словообразовательного анализа, метафорически связаны с понятием ‘отброс, кал’. Данные лексемы обозначают также отсутствие моральных качеств (см. далее), тем не менее социальный статус может быть определен как ядерная сема во многих словенских контекстах, например: «Z izrekom dosmrtnega zapora je storilec postal izmeček družbe in zato vanjo ne sodi» («После вынесения приговора о пожизненном заключении преступник стал изгоем и поэтому перестал являться частью общества» *Delo*, 2008).

Итак, среди пейоративов обоих языков, обозначающих состоятельных лиц (подгруппа 2), присутствуют единицы, отражающие концепты: «богатство, зажиточность» (слов. *petičnež*, серб. *богатун*, *газдурина*, *гузоња*), «высокое положение в обществе, широкая сфера влияния» (слов. *foteljaš*, *togočnjak*, серб. *фотельаш*), «быстрое продвижение по службе» (слов. *rovzpetnik*, серб. *скоројевић*, *скоростек* и др.). В семантике сербских единиц более ярко выражена идея легкого заработка, моментального, недавнего обогащения (*скоројевић*, *скоростек* и др.). Словенские и сербские лексемы, обозначающие неудачника, являются широко употребительными, однако граничат с нейтральной зоной экспрессивности. Пейоративные обозначения для бедняка в обоих языках не распространены, а среди номинаций чужака единственной широко употребительной единицей является словенская лексема *pritepenec*.

§3 Особенности характера и поведения

Данная ЛСГ является наиболее лексически нагруженной из частнооценочных пейоративных групп и отличается сложной внутренней иерархией. В целях удобства в рамках анализируемой ЛСГ был выделен ряд менее крупных ЛСГ: 1) отношение к работе, труду, профессии (3.1); 2) отношение к деньгам и прочим материальным благам (3.2); 3) поведение и отношение к третьим лицам (3.3); 4) речевые характеристики (3.4). Каждая из вышеперечисленных групп была, как и в предшествующих случаях, подразделена на признаковые подгруппы. В свою очередь, признаковые подгруппы, семантически не вписывающиеся ни в одну из более крупных ЛСГ, были описаны нами отдельно и пронумерованы аналогичным образом (3.5, 3.6 и т.д.).

3.1 Отношение к работе, труду, профессии

		Словенский	Сербский
1	Безответственность	<i>neodgovornež?</i>	-
2	Карьеризм	<i>stremuh, komolčar, grebator, stolčkar, stremuhinja (ж), izpodlezovalec (0)</i>	<i>зребатор, лактарош, лактош</i>
3	Лень	<i>lenuh, brezdelnež?, zabušant, lenuhar, lenuhinja (ж), poležuh, lenobnež, izostankar, izmikač (0)</i>	<i>ленитина, забушант, згубидан, замлата, дембел, бизгов, бадаварија, дембелан, клуподер, вуцибатина1, бизговчина, мртвуља2 (ж), вуциметла (0), згубидановић (0), ленчурина (0), тускоња2 (0)</i>
4	Небрежность	<i>malomarnež?, nemarnež2, površnež?, packon2?, zanikrnež1, povaljanec2, pačuh (0)</i>	-
5	Непрофессионализм	<i>brezveznik?, aberveznik? (сл.), kvazistrokovnjak?, packač, šintar (0)</i>	<i>пацер, сваитар, полиграф (0)</i>
6	Тунеядство,	<i>prisklednik, parazit,</i>	<i>готован, паразит, набигузица,</i>

прихлебательство	<i>prisklednica</i> (ж), <i>trot2</i> , <i>stenica</i> (0)	<i>тпрут</i> , <i>локмаш</i> , <i>стеница</i> , <i>муктождер</i> (0), <i>чорболок</i> (0), <i>мабахлебовић</i> (0)
------------------	---	--

Из 33 словенских лексем, входящих в данную ЛСГ, 23 образованы с помощью суффиксов: **-ež** – 7 единиц (от адъективных основ), **-ar** – пяти (3 — от субстантивных и 2 — от глагольных), **-uh** – трех (2 — от глагольных, одна — от адъективной основы), **-ač** — двух (от глагольных основ), **-inja** — двух (от субстантивных основ), **-ik** — двух (от адъективных основ); по одной единице: **-ant** (от глагольной основы), **-lec** (от глагольной основы). Одна словенская лексема образована путем присоединения приставки (*kvazistrokovnjak*) и еще две – суффиксально-префиксальным способом (*prisklednik*, *prisklednica* ← **pri-** + *skleda* ‘миска’ + **-nik/-nica**). Что касается сербских лексем, то из 32 единиц 17 являются суффиксальными дериватами: использованы форманты **-ан** (две лексемы, от адъективной и субстантивной основ), **-ош** (2 единицы, от субстантивных основ), **-штина** (от адъективной основы), **-ант** (от глагольной основы), **-атор** (от глагольной основы), **-уља** (от адъективной основы), **-чина** (от субстантивной основы), **-чурина** (от адъективной основы), **-ар** (от местоименной основы), **-овић** (от субстантивной основы), **-оња** (от субстантивной основы), **-ов** (производящая основа не установлена), **-аш** (от глагольной основы), **-ција** (от глагольной основы), **-Ø** (ж.р., от глагольной основы). В четырех случаях дериваты представляют собой композиты (*згубидан* ← *згубити* ‘потерять’ + *дан* ‘день’, *набигузица* ← *набити* ‘набить’ + *гузица* ‘попа’, *вуциметла* ← *вуцити* ‘тащить’ + *метла* ‘метла’, *вуцибатина* ← *вуцити* ‘тащить’ + *батина* ‘палка’); еще четыре лексемы образованы сложно-суффиксальным способом (*клуподер* ← *клуна* ‘скамья’ + **-о-** + *драти* ‘драть, обдирать’ + **-Ø**, *мабахлебовић* ← *маба* ‘даром’ + *хлеб* ‘хлеб’ + **-овић**, *муктождер* ← *мукте* ‘даром’ + **-о-** + *ждерати* ‘жрать’ + **-Ø**, *чорболок* ← *чорба* ‘суп’ + **-о-** + *лопати* ‘лакать’ + **-Ø**). Среди единиц данной группы были обнаружены три аналогичные словенские и сербские метафоры: слов. *trot*, серб. *тпрут* ‘трутень’ → ‘тунеядец’, слов. *parazit*, серб. *паразит* ‘паразит’ → *паразит* ‘паразит, тунеядец’, слов. *stenica*, серб. *стеница* ‘клоп’ → ‘тунеядец, прихлебатель’ — и одна сербская, не находящая соответствия в словенском: *полиграф* ‘полиграф, многостаночник’ → *полиграф* ‘халявщик’. Отметим также, что две сербские лексемы были квалифицированы нами как немотивированные: *пацер* (заимствование из немецкого языка) и *дембел* (из турецкого). Словенское *grebator*, по словарным данным [SNB: 156], было заимствовано из хорватского языка. Таким образом, в то время как в словенском языке преобладающим средством пейорации является суффиксация, в сербском языке, наряду с аффиксальными

производными, имеется достаточное число дериватов, содержащих яркую образную составляющую.

При детальном рассмотрении лексем, объединенных доминирующей семой «лень» (подгруппа 3), было установлено, что в семантической структуре данных единиц эксплицируются главным образом два типа реализации признака: 1) лень, бездеятельность ('лежебок'): слов. *lenuh*, *brezdelnež*, *lenuhar*, *lenuhinja*, *poležu*, *lenobnež*; серб. *ленићина*, *ленчурина*, *дембел*, *дембелан*, *бизгов*, *бизговчина*, *тускоња2*, *мртвуља2* – и (или) занятие каким-либо недостойным, бесполезным делом (приблиз. 'лоботряс'): серб. *згубидан*, *згубидановић*, *замлата*, *бадаваџија*, *круподер*, *вуџибатина1*; 2) стремление увильнуть от обязанностей, качество, граничащее с безответственностью, 'приблиз. разгильдяй', слов. *zabušant*, *izostankar*, *izmikač*, серб. *забушант*). Как следует из приведенных примеров, фокусирование внимания на занятии бесполезным делом отличает именно сербские пейоративы, см. контексты: «Енглески рокерски либертин и згубидан Пит Доерти запевао је 2009. прве стихове Deutschlandlieda» («Английский распутный рокер [игра слов – солист группы «The Libertines»] и лоботряс Пит Доэрти в 2009 г. спел первые строчки гимна Германии» *Интернет*, 2013); «Најбоље да такве замлате попут тебе и даље продају маглу полуписменим народним масама» («Пусть лучше такие оболтусы, как ты, и дальше продают воздух полуграмотным народным массам» *Интернет*, 2012). К той же категории относится и лексема *вуџибатина*, имеющая в современном языке тенденцию к выражению общеоценочного значения, рассмотренного далее. Тем не менее у данного слова изначально присутствовал ЛСВ 'лоботряс', о чем свидетельствует цитата: «...ја теби то сасвим фамилијарно кажем да си *вуџибатина*. Јер, ето, шта си ти свршио — ништа. Нити имаш школе, нити знаш језике; трипут си досад одпуштан из службе. Зар није?» («...и я тебе говорю по-родственному, что ты проходимец. Ведь что ты из себя представляешь? Ничего! Образования у тебя нет, языков не знаешь, три раза тебя выгоняли со службы. Разве не так?» Б. Нушич «Госпођа министарка», перевод Е. Берковой). Несмотря на то что переводчик выбирает в русском языке ЛСВ 'проходимец', в данном контексте актуализируется рассматриваемое частнооценочное значение 'лодырь, лоботряс'.

Следует также обратить внимание на дополнительные признаки и смысловые нюансы, характеризующие главным образом сербские лексемы: в частности, *мртвуља* используется исключительно как наименование женщины, причем, наряду с ленью, объект номинации отличается вялостью, медлительностью; семантика слова *тускоња2* сочетает в себе признаки «бездеятельность» и «полнота», а *бизгов* обозначает молодого, физически сформировавшегося, но бездеятельного человека: «Ко ће да се уда за бизгова који леже са

сваком радодајком и чеше ону ствар до подне?» («Кто пойдет замуж за лоботряса, который спит с каждой шлюхой и полдня чешет одно место?» *Интернет*, 2013).

Наиболее близким по значению к «лени» является признак «тунеядство, прихлебательство» (подгруппа 6). В словенском и сербском языках, как уже было отмечено выше, в качестве номинации для носителя данного признака используются аналогичные друг другу метафоры (*parazit/narazim*, *trot/трот*, *stenica/стеница*), а в сербском также ряд композитов, часть которых отличается стилистической сниженностью и высокой степенью негативной экспрессивности (*набигузица* ← *гузица* ‘попа’, *муктождер* ← *ждерати* ‘жрать’). Отметим, что наиболее частотный словенский пейоратив данной подгруппы *prisklednik*, судя по контекстам употребления в корпусе, как правило, используется в значении ‘человек, добившийся продвижения по службе благодаря какому-либо высокопоставленному лицу, организации и существующий за его/ее счет’ и таким образом приближается по смыслу к признаку «подхалимство»: «Zakaj si pa denimo predsednik in vsi njegovi podrepniki in *priskledniki* ne izplačujejo 60% plače?» («Почему бы, например, президенту и всем его прислужникам и прихлебателям не выплачивать [в качестве налога] 60% своей зарплаты?» *Интернет*, 2010). Приведенный ЛСВ является возможным и для других словенских и сербских лексем данной подгруппы, например, *паразит*: «Нису криви, председник и министар и сви његови *паразити* из партије, којима је успело да темельно убију било какав концепт националног поноса...» («Нет, президент, министр и все его прихлебатели из партии, которым удалось полностью уничтожить какую-либо гордость за свою нацию, все они ни в чем не виноваты ...» *Интернет*, 2011).

При сопоставлении пейоративов, служащих для номинации непрофессионала в словенском и сербском языках (подгруппа 5), было установлено, что отдельные из них отличаются наличием определенной семы. Значение словенских единиц *brezveznik*, *aberveznik*, *kvažistrokovnjak*, *packač* и сербской лексемы *паџер* удовлетворяет простой дефиниции «непрофессионал, профан» (пренебр.), см. пример: «Največji problem demokratičnih sistemov je, da lahko tudi največji bedak in *aberveznik* pove svoje mnenje katero ima tudi povsem enako težo kot mnenje nekoga drugega» («Самая большая проблема демократической системы в целом заключается в том, что полный бездарь и профан может высказывать свое мнение, являющееся столь же весомым, как и мнение кого-либо другого» *Интернет*, 2007). В свою очередь, сербский пейоратив *сваштар* (как и *полиграф*, контексты употребления которого не были зафиксированы в корпусе и Интернете) обозначает человека, занимающегося непрофессионально **многочисленными делами** (‘многостаночник (пренебр.)’: «До пре од прилике десетак година још сам и ценила ову жену, али од када је

постала *сваштар* <...> (књиге, часописи, мода), немам више поштовања за њу» («Где-то лет десять назад я еще ценила эту женщину, но с тех пор как она превратилась в многостаночницу <...> (книги, журналы, мода), я ее больше не уважаю» *Интернет*, 2012).

И в словенском, и в сербском языках представлены пейоративы со значением ‘карьерист’ (подгруппа 2). Включенные в материал исследования сербские лексемы объединяет со словенскими наличие общей внутренней формы: слов. *komolčar* ← *komolec* ‘локоть’, серб. *лактош/лактарош* ← лактати ‘пробиваться’ ← *лакат* ‘локоть’. Активное стремление к продвижению по службе, безусловно, является ядерным компонентом значения рассматриваемых единиц, см. пример из словенского языка: «Nekateri *stremuhi*, ki so spoznali, da pri načelnem predsedniku vlade ne bodo dosegli svojih ciljev, so ga celo izdali» («Некоторые карьеристы даже предали нынешнего председателя правительства, узнав, что при нем они не достигнут своих целей» *Неизвестный источник*, 2008). Различные примеры употребления пейоративов *grebatop/grebator* свидетельствуют о том, что отдельные из контекстуально обусловленных значений максимально семантически приближены к ЛСВ ‘тунеядец’, см. пример из сербского языка: «Свима нам је познат овај тип мушкарца – “*grebatop*”, који дане проводи у кафани, ноћи свирајући у бенду и који још увек живи са родитељима» («Всем нам известен этот тип мужчины – паразит, который целыми днями сидит в кафе, ночью играет в группе и все еще живет с родителями» *Интернет*, 2013). Словенская лексема *izpodlezovalec* отражает периферийный оттенок значения ‘тот, кто стремится получить какую-либо должность, сместив при этом другое лицо’, однако примеры ее использования в современном языке отсутствуют в корпусе и Интернете.

В словенском языке также присутствуют признаковые подгруппы «безответственность» (подгруппа 1) и «небрежность» (подгруппа 4), репрезентантами которых являются единицы низкой степени негативной экспрессивности. Признак «безответственность» также относится к числу свойств, способных выходить за рамки отношения к труду, например: «...za tako drastičen prekršek majhna kazen in ti *neodgovorneži* to s pridom izkoriščajo» («... за такое серьезное нарушение [ПДД] полагается маленький штраф, и халтурщики этим выгодно пользуются» *Интернет*, 2010).

Таким образом, сербские пейоративы со значением «лень» и «тунеядство, прихлебательство» отличаются бóльшим семантическим разнообразием, чем словенские (см. вышеупомянутые смысловые оттенки). Однако в словенском языке присутствует несколько периферийных единиц, номинирующих признаки «безответственность» и «небрежность» и не представленных пейоративами в сербском (*neodgovornež*, *malomarnež*). Словенские лексемы в целом характеризуются низкой степенью негативной экспрессивности, в ряде

случаев граничащей с нейтральностью (*brezdelnež*, *kvazistrokovnjak*). Для сербских пейоративов данное утверждение также в целом является верным, однако в подгруппе «Тунеядство, прихлебательство» присутствует также несколько вульгаризмов (*набигузица*, *муктождер*).

3.2 Отношение к деньгам и прочим материальным благам

		Словенский	Сербский
1	Жадность, скупость, корыстолюбие	<i>skopuh</i> , <i>pohlepnež?</i> , <i>požrešnež</i> , <i>stiskač</i> , <i>koristolovec</i> , <i>kruhoborec</i> , <i>lakomnež?</i> , <i>koritar</i> , <i>skopulja</i> (ж), <i>zaslužkar</i> , <i>kramar</i> , <i>dobičkolovec</i> , <i>škrtež</i> , <i>skoporitnež</i> , <i>skoporitec</i> , <i>skoporitnica</i> (ж), <i>stiskavt</i> , <i>stisnjenec</i> (0), <i>nenasitnež</i> (0), <i>čifut2</i> (0)	<i>циција</i> , <i>стипса</i> (сл.), <i>џимрија</i> , <i>ћемер</i> , <i>имедљивчина</i> , <i>драмосер</i> (0), <i>узма</i> (0)
2	Расточительство	<i>razsipnež?</i>	<i>распикућа?</i>

Анализируемая ЛСГ включает в себя преимущественно словенские пейоративные наименования лиц (21 по сравнению с 8 лексемами в сербском). Суффиксация применяется при образовании 15 словенских единиц: 7 раз с помощью форманта *-ež* (от адъективных основ), дважды с помощью *-ar* (от субстантивных основ) — а также при деривации отдельных лексем, содержащих форманты: *-ač* (от глагольной основы), *-ec* (от глагольной основы — образование от страдательного причастия), *-uh*, *-avt*, *-ulja*, *-ica* (четыре последних — от адъективных основ). Для образования трех словенских лексем используется сложение основ, в частности, комбинация данного способа пейорации с суффиксацией: *koristolovec* ← *korist* ‘польза’ + *-o-* + *loviti* ‘ловить, охотиться’ + *-ec*, *kruhoborec* ← *kruh* ‘хлеб’ + *-o-* + *boriti se* ‘бороться’ + *-ec*, *dobičkolovec* ← *dobiček* ‘доход’ + *-o-* + *loviti* ‘ловить, охотиться’ + *-ec*. Одна из лексем представляет собой метафору: *čifut2* ‘жид’ → ‘скупердяй’. Два сербских пейоратива образованы путем присоединения суффиксов: *-Ø* (ж.р., от глагольной основы) и *-(ч)ина* (от адъективной основы), еще одна единица — с помощью сложно-суффиксального способа (*драмосер* ← *драм* ‘драхма; крохотная часть

чего-либо' + -о- + *срати* 'срать' + -Ø). В сербском языке также присутствуют 3 специфические модели метафоризации: *ћемер* 'кушак для денег', *узма* 'паралич', *стипса* 'сульфат алюминия — закрепляющий материал' → *ћемер*, *узма*, *стипса* 'жмот'). Лексемы *циција* и *имрија* в сербском языке, в свою очередь, квалифицированы нами как немотивированные турцизмы.

Жадность (алчность) и скупость изначально представляют собой понятия, с трудом поддающиеся разграничению; тем не менее при попытке дифференцировать в рамках подгруппы 1 номинации алчного и скупого человека выяснилось, что единственный сербский пейоратив, обозначающий лицо, стремящееся к наживе в широком («корыстолюбие») и узком («жадность») смыслах – это неупотребительное *драмосер* (высокая степень негативной экспрессивности). Однако данное утверждение не отражает полной картины, так как в действительности в сербском языке присутствуют нейтральные наименования жадного, алчного человека, например, *крухоборац*, *похлебник* и т.п. У вышеперечисленных лексем отсутствуют какие-либо объективные показатели пейоративности (лексикографические пометы, негативно окрашенные форманты и т.д.), позволяющие включить их в материал исследования. Это может служить одним из подтверждений нашей гипотезы о различии границ пейоративности в словенском и сербском языках и превалировании единиц низкой и средней степени негативной экспрессивности в словенском по сравнению с сербским.

Что касается словенских лексем, входящих в подгруппу 1, то четыре из них (*pohlepnež*, *požrešnež*, *lakomnež*, *nenasitnež*) служат для обозначения признака «жадность» и пять (*koristolovec*, *kruhoborec*, *koritar*, *zaslužkar*, *dobičkolovec*) используются для номинации корыстолюбивого человека, ср. пример употребления пейоратива из первой категории: «Slovinci so znani kot *lakomneži*, ljudje, ki hočejo vzeti čimveč» («Словенцы известны как жадины, как люди, стремящиеся получить как можно больше» *Dnevnik*, 1997) – и из второй: «To niso novinarji vredni tega imena in ceha, so navadni *kruhoborci* in podporniki ene politične opcije. Objektivnost, realnost in podajanje informacij na verodostojen način pa je za Travnja in kompanjone znanstvena fantastika» («Это журналисты, недостойные своего звания и цеха, это обычные корыстолюбцы и сторонники единой линии партии. Объективность, реальность и достоверная подача информации для Травна и его коллег – научная фантастика» *Интернет*, 2010). Лексема *zaslužkar* широко употребляется в ином значении ('человек, заработавший/зарабатывающий много денег'), не имеющем негативной коннотации, например: «Največji nogometni *zaslužkar* je Lionel Messi» («Самый богатый футболист – Лионель Месси» *Интернет*, 2014). Тем не менее ЛСВ 'корыстолюб' по-прежнему остается

актуальным: «Pravi vinogradnik, ljubitelj ne pa zaslužkar, te bo z veseljem odpeljal v vinsko klet in ti pokazal, kje to vino počiva» («Настоящий виноградарь, любитель своего дела, а не корыстолюб, с радостью отведет тебя в винный погреб и покажет тебе, где обитает вино» Интернет, 2013).

Высокочастотные пейоративы со значением признака «скупость», в свою очередь, содержатся в обоих языках. В сербском языке из 6 единиц (*циција, стипса, џимрија, ђемер, штедљивчина, узма*) наиболее употребительной лексемой такого рода является негативно-оценочная номинация *циција*: «А мајка јој је била таква *циција*! <...> Уместо ибрика за кафу, користила је кутију од конзерве!» («Но мама у нее была такая скряга! <...> Вместо турки для кофе она пользовалась консервной банкой!» *Старац Пајсије Светогорац, Чувајте душу!* 1992). Словенский сегмент подгруппы характеризуется большей лексической нагруженностью (9 единиц: *skopuh, stiskač, skoporitnež, skopulja, stiskavt, škrtež, skoporitec, skoporitnica, stisnjenec*), но входящие в нее наименования лиц отличаются гораздо меньшей частотностью, за исключением лексемы *skopuh*. Отдельные единицы (*skoporitnež, skoporitec, skoporitnica*) характеризуются очевидной стилистической сниженностью и высокой степенью негативной экспрессивности, при этом степень их употребительности в корпусе и сети Интернет стремится к нулю.

Наконец, такой признак, как «расточительство» (подгруппа 2) и в словенском, и в сербском языках представлен одной высокочастотной лексемой (*razsipnež* и *распикућа*), пейоративность которой в обоих случаях не является ярко выраженной.

Итак, в результате разграничения признаков «жадность, корыстолюбие» и «скупость» внутри подгруппы 1 было установлено, что в сербском языке фактически отсутствуют пейоративы первого подтипа. Определенный репрезентативный баланс, в свою очередь, наблюдается при рассмотрении иных признаков, «скупость» (также подгруппа 1) и «расточительство» (подгруппа 2). Сербский язык выделяется наличием ярких метафор для обозначения скупого человека (*стипса, ђемер, узма*), не находящих параллелей в словенском.

3.3 Поведение и отношение к третьим лицам

		Словенский	Сербский
1	Бесчувственность, равнодушие	<i>stroj, brezčutnež?, hlod2, plitvež, mrlič, mrzlokrvnež, mrtvak, mrtvilo</i> (0)	<i>машина, каменица</i> (0)

2	Вымогательство, эксплуататорство	<i>pijavka, krvoses, vampir, gulež</i>	<i>зуликожа, крвонија, дерикожа, вампир, тијавица, измузавалац (0)</i>
3	Жестокость, злость	<i>surovež, zlodej, zver, pošast, zverina, pesjan, okrutnež, pasjeglavac, hudič, krvoločnež, brezsrčnež, grozovitež?, živina1, brezdušnež, krutež, trdosrčnež, zlodejka (ж), gorjačar, škorpion (0), škorpionka (ж, 0), volk (0), volčica (ж, 0), zlodejever (0)</i>	<i>ђаво1, монструм, тиранин, бештија, звер, зверина, крвождер, људомора, вук, Азијат, ђавлина (0), зличина (0), курјак (0), пасјак (0)</i>
4	Навязчивость, докучливость	<i>zgaga, gnjavor, mora, nadležnež?, težak (сл.), zgagar, težakinja (сл., ж), morilec (0)</i>	<i>сератор (сл.), гњаватор, давеж (сл.), гњаважа, запрдица (0), мувало2 (0)</i>
5	Неблагодарность	<i>nehvaležnež?</i>	-
6	Недоброжелательность	<i>škodoželjnež?</i>	-
7	Подхалимство	<i>podrepnik, ritoliznik, lizun, priliznjenec, ritolizec, kimavec, klečeplazec, pizdolizec, ritoliznica (ж), petolizec, slinež, slinar, prilizun (0), uslugar (0)</i>	<i>улизица, дупелизац, подрепаш, чанколиз, гузолизац, лижисахан, пузавац, подрепина, подрепац, гамзовић (0), зделолиз (0), зделоноша (0), мажиздјела (0), мажилизац (0), погузијаш (0), тариздела (0), лижилонац (0)</i>
8	Хамство, неприветливость	<i>nesramnež, brezobzirnež?, odurnež, neprijaznež?, nevljudnež?, zadirčnež, drznež?, renčać</i>	-
9	Эгоизм	<i>sebičnež?, samopašnež2</i>	-

Признаки, входящие в данную ЛСГ, были выделены на основе критерия, сформулированного следующим образом: возможность употребления наречия, являющегося однокоренным по отношению к абстрактному существительному, обозначающему данный признак, в составе конструкции «он/она относится к кому-либо X», «он/она ведет себя по отношению к кому-либо X», где X – соответствующее наречие (*по-хамски, жестоко, равнодушно* и т.п.). Словенский материал рассматриваемой ЛСГ (69 лексем) представлен главным образом суффиксальными дериватами (41 единица), подавляющее большинство которых образовано с помощью форманта **-ež** (25 лексем, деривация исключительно от адъективных основ), а также **-ar** (4 единицы, от субстантивных основ), **-un** (две, от глагольных основ), **-ka** (две, от субстантивных основ), **-ak** (две, от адъективной и глагольной основ), **-ec** (две, 1 – от адъективной, 1 – от глагольной основы в форме страдательного причастия), **-ač** (от глагольной основы), **-ina** (от субстантивной основы), **-ik** (от адъективной основы), **-inja** (от субстантивной основы). Пять существительных образовано путем комбинации сложения и суффиксации, большинство из них относится к подгруппе 7: *ritoliznik/ritolizec/ritoliznica* ← *rit* ‘зад’ + **-o-** + *lizati* ‘лизать’ + **-nik/-ec/-nica**, *petolizec* ← *peta* ‘пятка’ + **-o-** + *lizati* ‘лизать’ + **-ec**, *pizdolizec* ← *pizda* ‘вульва (вульг.)’ + **-o-** + *lizati* ‘лизать’ + **-ec** — и одна к подгруппе 2: *krvoses* ← *kri* ‘кровь’ + **-o-** + *sesati* ‘сосать’ + **Ø**. Сербский материал, со своей стороны, включает в себя меньшее число единиц (45), из которых 11 образовано с помощью суффиксов: **-ина** (3 лексемы, от субстантивных основ), **-атор** (2 лексемы, в обоих случаях от глагольных основ), **-ица** (две, от глагольных основ), **-(л)ац** (две, от глагольных основ), **-ло** (от глагольной основы), **-овић** (от субстантивной основы). При деривации четырех сербских пейоративов использовался суффиксально-префиксальный способ: **под-** + *rep* ‘хвост’ + **-ина/-аш/-ац** ← *подрепина, подреаш, подреац* ‘подхалим, лизоблюд’, **по-** + *гуз* ‘зад’ + **-ијаш** ← *погузијаш* ‘подхалим, лизоблюд’. Путем сложения образованы две лексемы из подгруппы 2: *гуликожа, дерикожа* ← *гулити/драти* ‘обдирать’ + *кожа* ‘кожа’; сочетание сложения и суффиксации, в свою очередь, использовалось при образовании единиц из подгрупп 3: *крвождер* ← *крв* ‘кровь’ + **-o-** + *ждерати* ‘жрать’ + **Ø**, *крвопија* ← *крв* ‘кровь’ + **-o-** + *пити* ‘пить’ + **Ø**, *људомора* ← *људи* ‘люди’ + **-o-** + *морити* ‘морить, убивать’ + **Ø** — и подгруппы 7: *дупелизац, гузелизац* ← *дупе* ‘попа’/гуз ‘зад’ + **-e-** + *лизати* ‘лизать’ + **-ац**; *зделолиз, чанколиз, лижилонац, лижисахан, мажиздјела, зделоноша, тариздела* ← *здела/здјела* ‘миска’, *чанак* ‘миска’, *лонац* ‘кастрюля, горшок’, *сахан* ‘медная миска’ + **(-o-)** + *лизати* ‘лизать’/мазати ‘подмазывать, подкупать’/носити ‘носить’/таркати ‘потирать’ + **Ø/-ац**. Общее число сложно-суффиксальных производных в сербском языке

составляет 12 единиц. Одна словенская и три сербские единицы представляют собой примеры метонимизации: слов. *mrtvilo* ‘застой, апатия’ (подгруппа 1) → ‘холодный, равнодушный человек’, серб. *давеж* ‘докучливость, надоедливость’ (подгруппа 4) → ‘зануда, надоеда’, *гњаважа* ‘надоедливость’ (подгруппа 4) → ‘надоеда’, *насјак* ‘клык’ (подгруппа 3) → ‘жестокий, кровожадный человек’ (последняя единица образована путем сочетания метафоризации и метонимизации). Словенский пейоратив *gnjavator*, по лексикографическим данным [SNB: 152], заимствован из сербского или хорватского языков.

Метафоризация была использована при деривации девятнадцати словенских лексем, семь из которых образовано по моделям, аналогичным сербскому: слов. *tiran*/серб. *тиранин* ‘авторитарный, жестокий правитель’ → ‘тиран, жестокий, подавляющий своей властью человек’; слов. *zver*/серб. *звер* ‘зверь’ → ‘чудовище, жестокий человек’; слов. *pošast* ‘чудовище’/серб. *монструм* ‘чудовище, монстр’ → ‘чудовище, жестокий человек’; слов. *volk* ‘волк’, *volčica* ‘волчица’/серб. *курјак*, *вук* ‘волк’ → ‘жестокий, кровожадный человек’ (подгруппа 3); слов. *stroj*/серб. *машина* ‘машина, станок’ → ‘машина, бесчувственный, равнодушный человек’ (подгруппа 1); слов. *vampir*/серб. *вампир*, слов. *pijavka*/серб. *пијавица* → ‘эксплуататор, кровосос’ (подгруппа 2). В отношении двух последних моделей следует отметить более высокую частотность упоминания соответствующих лексем в словенском корпусе, нежели в сербском Интернете, что, однако, может быть связано с репрезентативностью в корпусе публицистического материала, для которого характерно использование *pijavka* в рамках политического дискурса (*komunistična pijavka* ‘коммунист-вымогатель’ и т.п.).

Сербские лексемы *вук* и *курјак* несколько отличаются свойствами своей коннотации: если у *курјак* она носит исключительно негативный характер, то *вук* в сербской лингвокультуре может характеризоваться как отрицательным, так и положительным оттенком значения (один из ЛСВ в словаре «храбрый, испытанный в боях, отважный человек, герой» [РМС]). Однако ни современному сербскому, ни словенскому языкам использование лексемы *вук/volk* в качестве вторичной номинации лица не свойственно: в первом случае сербское *вук* как антрополоксема функционирует почти исключительно в составе фразеологизма *вук у јагњећој кожи* ‘волк в овечьей шкуре’, во втором случае слов. *volk* не отмечено в корпусе и Интернете.

Что касается словенского *zver*, то его использование в вышеприведенном значении по-прежнему остается частотным («Morilec mora biti prava zver v človeški podobi» («Убийца, должно быть, настоящий зверь в человеческом облики» *Delo*, 2008)), однако, судя по контекстам употребления, отрицательная коннотация постепенно уступает место

положительной. Актуализируются такие семы, как «сила, мощь», «эмоциональность», способствующие формированию новых ЛСВ слова *zver*, например: «Simon je prava *zver* v postelji» («Симон в постели настоящий тигр» *Hopla*, 2006). Аналогичный процесс, возможно, даже в более ярко выраженной форме наблюдается и в сербском языке, ср. примеры: «Сваки човек када изгуби душу, може постати таква *zver*» («Любой человек, потеряв душу, может стать таким чудовищем» *Интернет*, 2014) и «Кроос је таква *zver*, у првом полувремену 97% успешност пасова» («Кроос [футболист] — такой монстр, в первом тайме у него 97% точности передач» *Интернет*, 2014).

Как для словенской, так и для сербской лингвокультуры характерно использование образа дьявола (черта) в качестве эталона зла и жестокости (хитрость выступает как периферийное свойство). Для переноса по сходству в обоих языках используются в первую очередь наиболее частотные обозначения данного существа: слов. *hudič*: «On je *hudič*, ta prokleti policaj» («Он же настоящий черт, этот проклятый полицейский» *Nedelo*, 2008) – и серб. *ђаво*: «Покушајте да разговарате са истински верним комунистима, за које је Лењин (тај прави *ђаво*) светац» («Попробуйте поговорить с правовеерными коммунистами, для которых Ленин (этот истинный дьявол) является святым» *Интернет*, 2011). Данные лексемы близки к общеоценочным, причем, как и в случае с *zver/zver*, эта оценка способна варьироваться от отрицательной до положительной (например, серб. *ђаво* у кревету ‘дьявол в постели’). В словенском языке сохраняется «живой» статус еще одной метафоры, связанной с иной квазисинонимичной лексемой: *zlodej* ‘дьявол’ → ‘злодей’ («...me imajo za Hitlerja, za *zlodeja*» («... меня считают Гитлером, дьяволом» *Dnevnik*, 2008).

Рассмотрим иные образы, служащие основой для переноса по сходству и обнаруживающие различия в словенском и сербском языках. В частности, в словенском языке присутствуют метафоры *pesjan*, *pasjeglavec* ‘псоглавец’, *živinal* ‘скот’ (употребление этих трех лексем зафиксировано в корпусе) и *škorpijon* ‘скорпион’ (отсутствует в корпусе и Интернете), которые используются для обозначения жестокого человека. Кроме того, в качестве номинаций лиц актуализируются такие эталоны бесчувствия и равнодушия, как *mrlič*, *mrtvak* ‘мертвец’ и *hlod2* ‘бревно’ → ‘холодный, безразличный человек’. Отметим, что для последнего пейоратива *hlod2* в SSKJ указан лишь один вариант номинации лица по признаку «глупость, непробиваемость», в то время как в корпусе доминируют примеры его употребления в значении «холодный, бесчувственный», в первую очередь, в сексуальном смысле, как своеобразного антонима для *zver* (*biti hlod v postelji* ‘быть бревном в постели’). Необходимо упомянуть также своеобразное для словенского языка проявление лексической многозначности, отраженное в деривате *plitvež*, образованном от словенского

прилагательного *plitev* ‘букв. мелкий, неглубокий’, которое употребляется также в значении ‘холодный, бесчувственный’ («Tam stoji žrtev, tu nečloveški *plitvež*, izkoriščevalec» («Там стоит жертва, здесь – бесчеловечный, бесчувственный эксплуататор» *Ivo Grahor, Nataša*).

Формально к метафорам относится также словенское *mora* ‘мара – дух, вызывающий дурные сновиденья’ (подгруппа 4) → ‘кошмар; надоеда’: «Njen mož <...> je sicer prava *mora*, ampak zelo spoštovan» («Ее муж <...> вообще говоря, настоящий кошмар, но очень уважаем» *Barbara Cartland, Hudobna vdova*). Однако вполне вероятно, что в настоящее время семантическая связь между двумя понятиями фактически утрачена и данная метафора имеет статус «мертвой». Еще одна однокоренная метафора *morilec* ‘букв. убийца’ с аналогичным значением активно не используется. Особенности семантики лексемы *zgaga* (‘изжога’ → ‘надоеда, зараза’) рассматриваются ниже.

В сербском языке также присутствуют две не представленные в словенском метафоры: *Azijat* ‘азиат’ → ‘жестокый человек’, *каменица* ‘каменный сосуд, камешек’ → ‘холодный, безразличный человек’ – однако их употребление носит окказиональный характер.

Отметим отдельные нюансы семантической дифференциации внутри подгрупп. Во-первых, подгруппы «Неблагодарность» (5), «Недоброжелательность» (6), «Эгоизм», (8) «Хамство, неприветливость» (9) оказываются лексически наполненными только в словенском языке. Если в случае с первыми тремя признаками причиной данного различия является словообразовательный потенциал словенского языка, то невыделение хамства как одного из внешних проявлений бесстыдства в сербском языке и его значимость для словенцев можно трактовать как культурно-маркированную черту. Для словенской лингвокультуры релевантен концепт «*prijaznost*», обозначающий вежливое, обходительное, учтивое отношение; вследствие этого, нарушение данной нормы может отражаться в наличии пейоративов, служащих для номинации соответствующего качества. Как представляется, малоупотребительные *zadirčnež*, *drznež*, *renčać* обозначают более активную и агрессивную форму проявления невежливости, нежели остальные единицы подгруппы 9: *nesramnež*, *brezobzirnež*, *odurnež*, *neprijaznež*, *nevljudnež*. Семантически взаимосвязанный признак «неотесанность, отсутствие культуры», представленный сербскими пейоративами, отражает более широкое типизированное значение, определенный набор качеств, среди которых, безусловно, присутствует хамство.

Подгруппа 4 «Навязчивость, докучливость» тесно соприкасается с признаком «Скучность» (см. далее), обнаруживая при этом существенное смысловое различие, связанное с проявлением данного качества в активном взаимодействии с людьми. В качестве

иллюстрации приведем контекст использования сербского пейоратива *гњаватор*: «Приличан је *гњаватор*, немамо готово никаква заједничка интересовања, а он то и не примећује, прича ли, прича» («Он порядочный зануда: у нас нет почти никаких общих интересов, но он этого не замечает, говорит и говорит» *Интернет*, 2010). С точки зрения семантики наиболее сложной структурой значения характеризуется словенский пейоратив *zgaga* (а также производное *zgagar*), не только обозначающий надоедливого человека, но и обнаруживающий наиболее явные тенденции к выражению общей негативной оценки. Сравним два примера употребления данного наименования лица: 1) «... *Soseda je prava zgaga*, ki je nihče ne mara, saj vedno benti čez vse in to slabo voljo neokusno širi napre» («Соседка — настоящая зануда, которую никто не любит, так как она раздражается по любому поводу и распространяет плохое настроение на окружающих» *Интернет*, 2010); 2) «*Kot otrok je bil huda zgaga* in je kar naprej počel neumnosti, samo zato, da bi izstopal» («Он был совершенно несносным ребенком и постоянно вытворял глупости только для того, чтобы выделиться» *PIL plus*, 2004). Второй контекст отчетливо демонстрирует выход за рамки понятия «зануда», что, на наш взгляд, свидетельствует не столько о наличии у *zgaga* иного ЛСВ ‘смутьян, хулиган’, сколько о широких границах денотативной области целостного значения, которое может быть сформулировано как ‘лицо, доставляющее неудобства, неприятности’.

На примере лексем подгруппы 4 можно наблюдать тесную взаимосвязь различных признаков в рамках одного ЛСВ: навязчивость, докучливость на внешнем уровне проявляется в ворчливости (группа 3.4 «Речевые характеристики»), а также мелочности, придирчивости (подгруппа 3.14). Установление доминирующего семантического компонента в данном случае представляет собой непростую задачу и, как правило, носит в некоторой мере условный характер. Следовательно, в такого рода ситуациях мы имеем дело с целым «пучком» признаков, объединенным для номинации определенного типа личности. В случае с вышеупомянутой лексемой *zgaga* речь идет о фактическом формировании отдельного подтипа общеоценочных пейоративов, базирующемся не на отсутствии у того или иного лица нравственных принципов или признании его никчемности, а на доставляющем дискомфорт поведении.

В обоих языках следует также отметить различие доминирующего компонента в семантике пейоративов со значением признака «жестокость, злость» (подгруппа 3), в роли которого может выступать «жестокосердие» (слов. *surovež*, *zver*, *pošast*, *zverina*, *okrutnež*, *pasjeglavec*, *brezsrčnež*, *brezdušnež*, *krutež*, *trdosrčnež*, *gorjačar*, серб. монструм, звер, зверина, вук) или «кровожадность» (слов. *krvoločnež*, серб. крвождер, људомора). Данная подгруппа в

словенском языке является более лексически нагруженной, нежели в сербском, что может свидетельствовать о значимости данного негативного качества для словенцев.

Признаковая подгруппа 7 «Подхалимство» в целом отличается однородностью и сходством внутренней формы входящих в нее единиц, что очевидно из их морфемной структуры (см выше). Единственный пейоратив *kimavec* (слов.), отличающийся по семантике от остальных и отражающий определенную грань анализируемого признака, обозначает соглашателя – лицемера не только льстящего, но поддакивающего: «Sadamovo poznavanje Zahoda je zelo omejeno. Obdaja se s *kimavci*, ki mu govorijo le tisto, kar hoče slišati» («Знания Саддама о Западе весьма ограничены. Он окружает себя угодниками, говорящими ему лишь то, что он хочет слышать» Delo, 2002). Единицы подгруппы 7, содержащие компонент *здела/зджела*, в сербском языке неупотребительны и, по всей видимости, являются хорватизмами.

В рамках рассматриваемой ЛСГ вульгаризмы, передающие высокую степень негативной экспрессивности, содержатся в подгруппе 7: вышеупомянутые *pizdolizec*, *ritolizec*, *ritoliznik*, *ritoliznica* — а также 4: серб. *занрдица*. Степень экспрессивности большинства входящих в группу лексем в целом можно оценить как среднюю, принимая во внимание негативный, но не табуированный характер актуализируемых образов как в том, так и в другом языке: слов. *mrlič*, *mrtvak* ‘мертвец’, *trdo srce* ‘жестокое сердце’ (*trdosrčnež*), *brez srca*, *brez duše* ‘без сердца, без души’ (*brezsrcnež*, *brezdušnež*), *gorjača* ‘дубина’ (*gorjačar*); серб. *ждерати крв* ‘пожирать кровь’ (*крвождер*), *морити људе* ‘убивать людей’ (*људомора*) и т.д. Ряд словенских лексем, образованных с помощью суффикса *-ež*, находится в периферийной зоне с точки зрения пейоративности: *brezsrčnež*, *brezdušnež*, *nehvaležnež*, *škodoželjnež* и др.

Таким образом, данная ЛСГ включает в себя наименования лиц, актуализирующие различные вариации поведения и отношения к третьим лицам, большая часть которых актуальна для обоих языков (подгруппы 1, 2, 3, 4, 7), что проявляется в использовании эквивалентных метафор (*звер/zver*, *pjavka/nujaviца* и др.) и аналогии внутренней формы композитов (*ritoliznik/дупелизац*, *krvoses/крвонија* и т.п.). Однако в словенском языке пейоративами представлены также иные признаки («неблагодарность» (5), «недоброжелательность» (6), «эгоизм» (8), «хамство, неприветливость» (9)), последний из которых, как нам кажется, представляет собой значимое для словенской лингвокультуры отрицательное качество.

3.4. Речевые характеристики

		Словенский	Сербский
1	Болтливость	<i>klepetulja</i> (ж), <i>kričač</i> , <i>nakladač</i> (сл.), <i>gobezdač</i> , <i>čvekač</i> , <i>gobezdalo</i> , <i>gofljač</i> , <i>goflja</i> , <i>klobasač</i> , <i>žlobudrač</i> , <i>brbljač</i> , <i>brbljavec</i> , <i>govorun</i> , <i>trobezljac</i> , <i>kvasač</i> , <i>čveka</i> , <i>kokodajska</i> (ж), <i>blebetulja</i> (ж), <i>brbljavka</i> (ж), <i>brblja</i> , <i>čeljastač</i> , <i>ropotulja</i> , <i>čenčura</i> , <i>devetkela</i> (ж), <i>frazer</i> , <i>klepetac</i> , <i>raglja</i> , <i>brbra</i> (0), <i>brbrač</i> (0), <i>devetkač</i> (0), <i>gobezdavec</i> (0), <i>gobezdulja</i> (ж, 0), <i>govorač</i> (0), <i>klafač</i> (0), <i>klepetalo</i> (0), <i>klepetun</i> (0), <i>klopotalo</i> (0), <i>klopotec</i> (0), <i>lajnar</i> (0), <i>regljač</i> (0), <i>ropotač</i> (0), <i>žlobudra</i> (0), <i>brbljež</i> (0)	<i>блебетало?</i> , <i>торокуша?</i> (ж), <i>алапача</i> (ж), <i>лајавац1</i> , <i>блебетуша</i> (ж), <i>клепетуша</i> (ж), <i>џафтар</i> (ж), <i>наклапало</i> , <i>зврндало</i> , <i>дромбуља</i> , <i>фразер</i> , <i>тандркало</i> , <i>нагваждало</i> , <i>алапрда</i> (ж, 0), <i>гакуша</i> (ж, 0), <i>торокача</i> (ж), <i>дрндало</i> (0), <i>клепало</i> (0), <i>кричало</i> (0), <i>лапарало</i> (0), <i>муљало</i> (0), <i>тандркача</i> (ж, 0)
2	Ворчливость, склонность к постоянному нытью	<i>nergač</i> , <i>sitnež</i> , <i>driska</i> , <i>sera</i> , <i>driskač</i> , <i>godrnjavs</i> , <i>godrnjalo</i> , <i>nerga</i> (0), <i>seriga</i> (0)	<i>намћор1</i> , <i>закерало?</i> , <i>чангризало?</i> , <i>брундало</i> (0), <i>писличар</i> (0), <i>џања</i> (0)
3	Критичность	<i>kritikaster1</i> , <i>očitar</i>	<i>приговарало</i> (0), <i>замерало</i> (0)
4	Саркастичность, злословие	<i>jezičnež</i> , <i>jezikavec</i> , <i>jezikač</i> , <i>jezikulja</i> (ж), <i>zabavljač?</i> , <i>lajavec</i> , <i>pikrež</i>	<i>лајавац2</i> , <i>језичина</i> (0), <i>зафрках</i> (0)
5	Хвастливость	<i>širokoustnež?</i> , <i>ustež?</i> , <i>bahavs</i> (0), <i>baharitnež</i> (0), <i>hlastač</i> (0)	<i>копун</i> (0)

Анализируемая ЛСГ, включающая в себя одну из наиболее лексически нагруженных в обоих языках признаков подгрупп «Болтливость», представлена 66 пейоративами в словенском языке и 34 – в сербском (одна из сербских единиц имеет два ЛСВ, репрезентирующих различные признаки). С точки зрения словообразования для данной

группы превалирующим является суффиксальный способ деривации: в словенском языке данным путем образованы 52 лексемы, в сербском – 25. Факт доминирования вышеупомянутого способа вызван главным образом глагольной мотивированностью, свойственной входящим в группу единицам (в особенности подгруппе 1), что можно проследить на примере продуктивности конкретных словообразовательных моделей. Наибольшее число словенских лексем (23) образовано с помощью форманта **-ač**, из которых 22 содержат глагольную основу и лишь одна (из подгруппы 4) – субстантивную основу. При деривации 7 единиц использовался суффикс **-ež** (6 – от адъективной основы и 1 – от субстантивной, причем только одна из них относится к подгруппе 1), 7 лексем образовано путем присоединения нулевого суффикса (существительные женского рода, образование от глагольных основ), 4 – форманта **-ec** (от адъективных основ), 4 – **-lo** (от глагольных основ), 3 – **-ulja** (2 из подгруппы 1 – от глагольных, одна из подгруппы 4 – от субстантивной основы), 2 – **-un** (от глагольных основ), 2 – **-ka** (1 – от адъективной и 1 – от субстантивной основы), **-avs** (от глагольных основ), 1 – **-ura**, **-ela**, **-ar**, **-iga** (все 4 – от глагольных основ); **-aster** (от субстантивной основы). Среди сербских формантов чаще всего используется суффикс **-lo** (15 единиц, все образованы от глагольных основ), также для пейорации служат: **-ača** (3 лексемы, 2 – от глагольных и 1 от субстантивной основы), **-uša** (2, от глагольных основ). Одним дериватом представлены сербские форманты: **-ač** (образование от глагольной основы), **-ina** (от субстантивной основы), **-ap** (от глагольной основы), **-ač** (от адъективной основы) и нулевой суффикс (ж.р., от глагольной основы). Две сербские лексемы относятся к заимствованиям из турецкого языка (*namhor* и *maftara*), одна образована путем сложения и контаминации: *alanpda* ← *alanpača* ‘болтушка’ + *prdeti* ‘пердеть’ + **-Ø**.

Многие глаголы, от которых образованы пейоративы из подгруппы «Болтливость», представляют собой стилистически сниженные квазисинонимы лексем «говорить», «разговаривать» («трепаться», «болтать», «верещать» и т.п.): слов. *klepetulja*, *klepetalo*, *klepetun* ← *klepetati*; *nakladač* ← *nakladati*; *čvekač* ← *čvekati*; *gobezdalo*, *gobezdač*, *gobezdulja* ← *gobezdati*; *gofljač*, *goflja* ← *gofljati*; *klobasač* ← *klobasati*; *žlobudrač*, *žlobudra* ← *žlobudrati*; *brbljač*, *brblja*, *brbljavec*, *brbljavka*, *brbljež* ← *brbljati*; *trobezljač* ← *trobezljati*; *kvasač* ← *kvasati*; *blebetulja* ← *blebetati*; *čeljistač* ← *čeljustati*; *čenčura* ← *čenčati*; *devetkela*, *devetkač* ← *devetkati*; *brbra*, *brbrač* ← *brbrati*; *klopotalo* ← *klopotati*; *ropotač* ← *ropotati*; серб. *torokuša* ← *торокати*; *naklapalo* ← *наклапати*; *zvrndalo* ← *зврнадати*; *laparalo* ← *лапарати*; *načvajdalo* ← *наčваждати*; *drndalo* ← *дрнадати*; *tandrkalo*, *tandrkacha* ← *тандркати*. Отдельные из данных глаголов, передающие произнесение звуков животными, употребляются в переносном значении по отношению к людям: слов. *kokodajska* ←

kokodajskati ‘букв. кудахтать’, *regljač* ← *regljati* ‘букв. квакать’, серб. *lajavaц*, слов. *lajavec* ← *lajati*, *lajati* ‘букв. лаять’.

Данная группа оказалась небогатой метафорами, используемыми в качестве *nomina personalia*. Немногочисленные пейоративы из подгруппы «Болтливость», образованные данным способом, обозначают какое-либо существо или предмет, издающее(ий) звуки, которые обычно производят неприятный, раздражающий эффект: слов. *raglja* ‘трещетка’, *ropotulja* ‘погремушка, трещетка’, *klopotec* ‘клопотец – трещетка для отпугивания птиц’; серб. *клепетуша* ‘колотушка, колокольчик’, *гакуша* ‘ворона, каркуша’, *дромбуља* ‘варган’, *клепало* ‘клепало – доска, служащая в монастыре вместо колокола’. В сербском языке лишь одна из вторичных номинаций выделяется из общего ряда метафор, образованных по схожему принципу: *муљало* ‘давилка (для винограда)’. К иной ЛСГ как источнику метафоры также принадлежит словенский пейоратив *driska* ‘понос’, обозначающий ворчливого, жалующегося человека и, в силу своей яркой негативной окраски, тяготеющий к общей оценке. Отдельные фактические переносы по смежности (метономические дериваты) отражены во внутренней форме производящих основ, например, слов. *gobezdalo*, *gobezdač*, *gobezdulja* ← *gobezdati* ← *gobec*, *gofljač*, *goflja* ← *gofljati* ← *goflja* ‘презр. рот, пасть’, слов. *jezikavec*, *jezikač*, *jezikulja* ← *jezik* ‘язык’, серб. *језичина* ← *језик*, слов. *čeljstač* ← *čeljstati* ← *čeljst* ‘челюсть’ (перенос части на целое).

Рассмотрим семантические различия, проявляющиеся в рамках каждой из подгрупп. Для словенских единиц, составляющих признаковую подгруппу «Болтливость», в качестве ядерной семы выступает компонент «много говорить». В значении большинства лексем он дополняется семой «говорить пустые, бестолковые вещи»; судя, в первую очередь, по словарному толкованию, к ним относятся пейоративы *klepetulja*, *gofljač*, *klobasač*, *brbljač*, *žlobudrač*, *devetkač*, *brbra* и однокоренные наименования лиц (см. таблицу), а также лексемы *nakladač*, *čvekač*, *trobezljjač*. Приведем пример употребления одной из вышеперечисленных единиц в данном значении: «Populist, ki uporablja populizem za politiko, je slab politik in dober gofljač, všečen ljudem in priskuten politikom» («Популист, использующий популизм в политических целях – плохой политик и хороший трепач, который нравится людям и вызывает неприязнь у других политиков» Интернет, 2011).

В семантике словенских пейоративов, мотивационно связанных с понятием «рот» в его стилистически сниженном варианте (слов. *gobezdač*, *gofljač* и однокоренных лексем), наряду с вышеупомянутым компонентом «много говорить», появляется периферийный признак «говорить нагло, дерзко»: «Muhammad Ali, eden izmed najbolj karizmatičnih športnikov vseh časov, je bil gobezdač. Tekmece je uničeval tako s pestmi kot z jezikom»

(«Мухаммед Али, один из самых харизматичных спортсменов всех времен, был наглым болтуном. Соперников он поражал не только кулаками, но и языком» *Delo*, 2007). Таким образом, данные единицы приближаются по своему значению к подгруппе «Саркастичность, злословие».

Для пейоратива *kričać* одной из доминирующих сем оказывается признак «говорить громко (глупые вещи)»: «...na sceni bo zdaj vsak dan več *kričaćev*. Videli boste, kako se bo vpitje «proti» sporazumu v naslednjih dneh stopnjevalo» («...на сцене теперь с каждым днем будет все больше крикунов. Вы увидите, насколько в последующие дни усилится ор “против” соглашения» *Интернет*, 2010).

Семантическая структура словенских лексем *ropotulja* и *ropotač* также содержит компонент «говорить громко (глупые вещи)», пейоратива *raglja* – сему «говорить быстро», а *lajnar*, в свою очередь – «постоянно твердить одно и то же», однако о наличии данных смысловых нюансов мы можем судить исключительно на основе словарных дефиниций и мотивирующих признаков лексем, так как примеры их употребления в корпусе и Интернете редки или вовсе отсутствуют.

При анализе сербских пейоративов на первый план выходит такой социокультурно-маркированный признак, как гендер. Из таблицы следует, что в данном языке лексемы, обозначающие исключительно лиц женского пола, составляют значительную долю единиц подгруппы «Болтливость» (10 из 21), причем две из них (*торокуша* и *алапача*) относятся к числу трех наиболее частотных. Для словенского языка пейоратив женского рода (*klepetulja*) также является лидером по количеству упоминаний в корпусе и Интернете, однако в сербском языке, в отличие от словенского, присутствуют лексемы, не имеющие негативно-окрашенного коррелята мужского рода (*алапача*, *џафтара*, *гакуша*) либо же имеющие малоупотребительный коррелят (ср.: *торокуша* и *торокљивац*).

Приведенные факты, безусловно, свидетельствуют об общем восприятии болтливости как стереотипного женского качества, причем данная особенность наиболее ярко выражается в сербском языке. Маркированные по полу лексемы женского рода в обоих языках могут служить в качестве номинаций и для мужчин, что усиливает степень их негативной экспрессивности, например: «...o Mihailu Gorbačovu lahko rečemo, da je bil *klepetulja*» («... о Михаиле Горбачеве можно сказать, что он был пустобрех» *Delo*, 2007) или «Иван је највећа *алапача* на Фарми!» («Иван – главная болтушка на шоу “Ферма”!» *Интернет*, 2014). Нельзя не упомянуть, что пейоративные номинации женщин как в сербском, так и в словенском языках содержат периферийную сему «сплетница», которая актуализируется, в частности, в следующем контексте: «Било је и оних завидних *џафтара*, што скоро никад ништа не раде

већ наслоњене на неку тарабу поваздан нешто ћућуре и неког оговарају» («Были там и завистливые болтушки, которые сами почти никогда ничего не делают, а обопрутся об забор и целыми днями трещат, сплетничая о ком-то» *Милан Сантрач, Мартина времена*).

С учетом рассмотренного гендерного фактора, сербские лексемы в целом являются выразителями значения «говорить много и пусто, нести вздор». Данный смысловой оттенок способны выражать и отдельные лексемы мужского рода, например, *лајавац*, включающая в себя два ЛСВ, о втором из них см. ниже: «Сазнаћемо да Обама није нада ове генерације и да није човек од великих речи и још већих дела него да је само *лајавац* који добро прича и лошо ради» («Мы еще узнаем, что Обама не надежда поколения и не человек больших слов и еще бóльших дел, а обычный трепач, который хорошо говорит и плохо работает» *Интернет, 2009*). Сербское *кричало* семантически соотносится со словенским *kričać*, однако контексты использования данного пейоратива, в отличие от словенского аналога, не были зафиксированы. Отдельные лексемы полностью не вышли из употребления, но встречаются исключительно в иных, выходящих за пределы сферы персональности контекстах: в частности, *дрндало* может использоваться по отношению к будильнику: «...моје маштарије прекида аларм, старо *дрндало*» («...мои грезы прерывает будильник, старый пустозвон» *Интернет, 2014*).

Пейоративы, относящиеся к подгруппам «Ворчливость, склонность к постоянному нытью» (2) и «Критичность» (3), достаточно близки в семантическом плане, однако вторые из них отличает более явно выраженная направленность на объект критики, в то время как первые имеют более общее значение и концентрируют внимание на постоянном недовольстве, раздражительности как черте характера. В рамках подгруппы 2 словенские лексемы *godrnjalo* и *godrnjavs* близки по значению к русскому *брюзга*, *ворчун*, а *nergač* (и однокоренное *nerga*) к русскому *нытик*, например: «Spominja me na *nergača*, ki se venomer pritožuje, kako da ni nikoli zadel na loteriji, a sploh ne ve, da mora najprej kupiti srečko» («Он напоминает мне нытика, постоянно жалующегося на то, что он никогда не выигрывал в лотерею, но даже не подозревающего о том, что сперва нужно купить лотерейный билет» *Delo, 2003*). Сербские пейоративы подгруппы 2 (*намћор*, *закерало*, *чангризало*, *брундало*, *писличар*, *цања*) главным образом склонны выражать признак «ворчливость», например: «Баш сам ја неко *закерало*! Стално ми нешто смета» («Я такая брюзга! Меня постоянно что-нибудь раздражает» *Интернет, 2007*). Наиболее частотная единица *намћор* отражает целый ряд признаков: «ворчливость», «упрямство», «капризность». Тем не менее ЛСВ ‘ворчун, зануда’ может быть явно выявлен в ряде контекстов: «Овај *намћор* само псује» («Этот брюзга только и делает, что ругается» *Интернет, 2006*) или «Одувек сам била *намћор*.

Враћам се добром старом обичају – писању постова у најнезгоднијим ситуацијама за то» («Я всегда была ворчуньей. Возвращаюсь к старой доброй традиции – написанию постов в самых неподходящих ситуациях» [далее следует текст пессимистического характера] *Интернет, 2011*). Обратим внимание на то, что в последнем примере *namћor* используется для номинации лица женского пола.

Вторая из схожих по значению подгрупп «Критичность» (3) представлена меньшим числом единиц, не отличающихся широкой употребительностью или не упоминаемых в Интернете и корпусе (сербские *приговарало, замерало*). Определенное количество контекстов (менее 50) дает словенская лексема *kritikaster*, которая, однако, характеризуется наличием двух ЛСВ, из которых первый используется в качестве номинации профессионального рода деятельности, упомянутой в рамках главы, посвященной идентифицирующим пейоративам.

Подгруппа 4 «Саркастичность, злословие» включает в себя семь словенских и три сербские единицы, из которых подробного рассмотрения заслуживает словенская лексема *zabavljač*, контексты употребления которой в корпусе свидетельствуют об изменении ее значения по сравнению со словарной дефиницией («острослов (неодобр.)») или как минимум о приобретении новых ЛСВ. Пейоративное употребление данной единицы не является для нее характерным; основные значения, зафиксированные в корпусе, имеют экспрессивный, но, как правило, нейтральный в отношении оценки характер: «шутник, остряк», а также «шоумен», «гуляка, тусовщик»: «*zabavljač nas je spravil v smeh*» («шутник нас насмешил»), «*on je umetnik, ne pa zabavljač*» («он художник, а не шоумен»), «*lasvegaški zabavljač*» («лас-вегасский тусовщик») и т.п. См. также следующий пример: «*Marina pravi, da ni pevka, ki bi v glavnem koncertirala in snemala albume. Sodim med zabavljače, ljudi, ki znajo ustvariti pravo razpoloženje*» («Марина утверждает, что она не певица, занимающаяся главным образом гастрольями и записью альбомов. “Я отношусь к людям, которые делают шоу, к тем, кто умеет создать нужное настроение”» *Večer, 2000*). Таким образом, поскольку контексты, диагностирующие пейоративное употребление лексемы *zabavljač* нами не были зафиксированы, ее включение в данную подгруппу остается под знаком вопроса.

Прочие словенские лексемы подгруппы 4 «Саркастичность, злословие» (*jezičnež, jezikavec, jezikač, jezikulja, pikrež*) упоминаются в корпусе и Интернете небольшое количество раз и отличаются низкой степенью негативной экспрессивности: «*Jezikavec, a bi me lahko že enkrat nehal zmerjati?*» («Эй ты, языкастый, можешь прекратить меня оскорблять?») *Интернет, 2010*). Пейоратив *lajavec* обозначает более агрессивную форму словесных нападков, но гораздо менее частотен, нежели его сербский эквивалент *лајавац*²,

первый ЛСВ которого уже был упомянут: «Верку може само да служи као “лајавац” да плаши и вређа остале озбиљне политичаре» («Верко может служить только тывкальщиком, чтобы пугать и оскорблять прочих серьезных политиков» *Интернет, 2013*).

Такое качество, как «хвастливость» (подгруппа 5), по-видимому, также не представляет собой популярный объект порицания; тем не менее в материале словенского языка была обнаружена одна редкая единица высокой степени негативной экспрессивности: *baharitnež* – содержащая стилистически сниженное *rit* ‘зад’, а в материале сербского – метафора *kopun* ‘каплун’.

Итак, в рамках рассмотренной ЛСГ центральное место, безусловно, занимает подгруппа 1 «Болтливость», являющаяся одной из наиболее лексически нагруженных пейоративных признаковых подгрупп, в особенности в словенском языке (43 лексемы), но также и в сербском (21 лексема). Гендерная принадлежность носителей данного качества более ярко лексически выражена в сербском языке, в котором присутствует значительное число лексем, служащих для обозначения лиц женского пола (часть из них не имеет родового коррелята). Что касается непосредственно семантических особенностей, то необходимо отметить отдельные словенские лексемы со значением ‘болтун’ (*gobezdalo*, *gofljač* и др.), содержащие периферийную сему «наглость» и не находящие соответствия в сербском.

Далее мы рассмотрим отдельные признаковые подгруппы, включающие в себя номинации по чертам характерам и особенностям поведения, не вписывающиеся в рамки более широких ЛСГ.

3.5 Бесчестность

	Словенский	Сербский
Бесчестность	<i>lorov, lump, rokomavh, rokovnjač</i>	<i>лопов, протува?</i>

Данная подгруппа представлена четырьмя словенскими и двумя сербскими единицами. Отличительной особенностью каждой из них и всей подгруппы в целом является то, что они образованы одинаковым способом: путем метафоризации, или, выражаясь более конкретно, путем семантического перехода идентифицирующего наименования лица, обозначающего вид деятельности, связанный с нарушением закона, в разряд частнооценочных, при котором категориальная сема «род занятий» замещается семой

«свойство личности» и переводит в фокус внимания несоблюдение моральных, а не правовых норм. Компонент значения «бесчестность», безусловно, имплицитно входит в семантическую структуру идентифицирующих пейоративов, поэтому данный переход отличается нечеткостью и становится очевиден лишь при расширении денотативной сферы нейтральных номинаций преступников и использовании по отношению к лицам, не нарушавшим закон, что приводит к приобретению ими эмоциональной коннотации: слов. *lorov, lump/* серб. *лопов* ‘вор’, слов. *rokomavh, rokovnjač* ‘разбойник’ → ‘проходимец, прохвост’. Единственным исключением здесь является серб. *протува*, изначально представляющее собой лексему негативно-окрашенного характера.

Для примера рассмотрим контексты реализации нейтрального и пейоративного вариантов сербской лексики *лопов*: 1) «Оно што мора знати сваки путник је да треба да буде максимално опрезан у свом кретању јер има пуно *лопова*, криминалаца итд» («Каждому туристу необходимо знать, что нужно быть максимально осторожным при перемещении, так как на пути встречается немало воров, преступников и т.п.» *Интернет*); 2) «Какав је *лопов* овај Ђурић из уније!!! Хтео је студентима да узме минимум 600 дин. по човеку!!!» («Что за прохиндей этот Джурич из союза!!! Хотел содрать со студентов минимум по 600 динаров с человека!!!» *Интернет, 2009*). Как видно из приведенных фрагментов, лексемы данной подгруппы семантически близки не только к ЛСГ «Наименования лиц по профессии, роду занятий», но и к общеоценочным пейоративам.

3.6 Вспыльчивость, драчливость

	Словенский	Сербский
Вспыльчивость, драчливость	<i>srboritež, agresivnež?</i> <i>petelin, jeznoritež,</i> <i>srboritnica (ж), togotnež?,</i> <i>srboritnež</i>	<i>кавгаџија, прзница?,</i> <i>nemao</i>

Группа включает в себя 7 словенских и 3 сербских пейоратива, из которых 6 словенских и 2 сербских являются суффиксальными дериватами: в словенском используются форманты **-ež** (для образования 5 лексем, от адъективных основ) и **-ica** (1, от адъективной основы), в сербском — **-џија** (1 — от субстантивной основы) и **-ица** (1 — от глагольной основы). Две лексемы (словенская и сербская) представляют собой аналогичные метафоры: слов. *petelin*, серб. *nemao* ‘петух’ → ‘драчун’.

Степень негативной экспрессивности единиц данной подгруппы можно охарактеризовать как среднюю. Это касается и сербского *kavgација* (которое из всех лексем, на наш взгляд, обозначает наиболее высокий градус проявления признака), и словенских *srboritež/srboritnež* и *jeznoritež*, содержащих в качестве второго корня вульгаризм (*rit* ‘зад’), но обозначенных пометой *ekspr.*

3.7 Высокомерие, тщеславие

	Словенский	Сербский
Высокомерие, тщеславие	<i>nadutež?</i> , <i>arogantnež</i> , <i>prevzetnež?</i> , <i>ošabnež?</i> <i>nečimrnež?</i> , <i>puran</i> , <i>prevzetnica?</i> (ж), <i>ošabnica</i> (ж)	<i>надувенко?</i> , <i>уображенко?</i>

К данной признаковой подгруппе относится 8 словенских и 2 сербские единицы: из них 7 словенских и оба сербских пейоратива образованы с помощью суффиксов: слов. **-ež** (5, деривация от адъективных основ) и **-ica** (2, от адъективных основ), серб. **-ко** (2, также от адъективных основ). Среди словенских единиц содержится одна метафора *puran* ‘индюк’ → ‘индюк, надменный, высокомерный человек’.

В рамках настоящей подгруппы наблюдается определенная дифференциация значений лексем. Для номинации высокомерного человека как такового в словенском языке используются *nadutež*, *prevzetnež*, *ošabnež* и вышеупомянутое *puran* ‘индюк’, например: «Zgodovina pravi, da so [Rimljani] *prevzetneže*, ki so svoje prelahke zmage in uspehe kronali z venci iz vrtnic, celo kaznovali» («История гласит, что задавак, вознаграждавших себя венками из роз за легкие победы и достижения, [римляне] даже наказывали» *Rože & vrt*, 2003). Лексема *arogantnež* подразумевает под собой не только излишнюю самоуверенность и надменное отношение к окружающим: «*nadut arogantnež*, ki gleda zviška na svojo punco» («высокомерный зазнайка, который свысока смотрит на свою девушку» *Интернет*, 2010) — но и наглость: «Takšni *arogantneži* kot je Popovič, ki mislijo, da si lahko privoščijo vse in da za njih ne veljajo zakoni, so pripeljali Slovenijo v položaj, v kakršnem je» («Такие наглецы, как Попович, считающие, что могут позволить себе все и что законы на них не распространяются, довели Словению до того состояния, в котором она находится» *Интернет*, 2013). *Nečimrnež* обозначает в первую очередь тщеславного человека: «Šeprav

nisem kakšen star *nečimrnež*, mi je to, da so mi spet zaupali vodenje tako eminentne oddaje, kot je Tednik, tudi godilo» («Хотя я и не какой-нибудь тщеславный старик, было приятно, что мне вновь доверили вести такую авторитетную передачу, как “Еженедельник”» *Delo*, 2007).

Сербские пейоративы *надувенко* и *уображенко* приблизительно соотносятся со словенским *nadutež*: «Једном је један *надувенко*, онако надмено пришао, стао испред мене, прекинуо ми свирку и питао да ли знам да свирам» («Как-то раз один воображала вот так надменно подошел ко мне, встал передо мной, прервал мое выступление и спросил, умею ли я играть» *Интернет*, 2011).

3.8 Зависимость, пассивность

	Словенский	Сербский
Зависимость, пассивность	<i>hlavec, marioneta, lutka, ovca, orodje, pajac, vazal?, živinče</i>	<i>слуга, марионета, орудје, овца, лутка, прапорац (0)</i>

Подгруппа «Зависимость, пассивность», состоящая из 8 словенских и 6 сербских единиц, представлена исключительно метафорами: слов. *hlavec* ‘холоп, слуга’ (а также *vazal* ‘вассал’)/серб. *слуга* ‘слуга’, *lutka*/лутка ‘кукла’, *marioneta*/марионета ‘марионетка’, *orodje/орудје* ‘орудие, инструмент’, *ovca/овца* ‘овца’ → ‘зависимый, пассивный человек’. Сербские лексикографические источники не выделяют переносных значений лексем, аналогичных словенским *živinče* ‘скотинка’, *pajac* ‘паяц’ → ‘зависимый, пассивный человек’, однако в сербском языке также присутствует метафора серб. *прапорац* ‘колокольчик’ → ‘зависимый, пассивный человек’.

Лексемы данной подгруппы по своему категориальному статусу могут быть отнесены не только к частнооценочным номинациям по чертам характерам и особенностям поведения, но и к наименованиям лиц по функции, не выделенным в особую пейоративную ЛСГ. Данная особенность становится наиболее очевидной на примере лексем *orodje/орудје* ‘орудие, инструмент’, внутренняя форма которых сама по себе указывает на инструментальную функцию. Чаще всего данные пейоративы встречаются в составе устойчивых словосочетаний *orodje v čigavih rokah/ орудје у нечијим рукама* ‘орудие в чьих-либо руках’: «... protestniki so le orodje v rokah politične levice» («... протестующие — лишь орудие в руках “левых”» *Интернет*, 2011). Словенские и сербские номинации со значением ‘слуга’ отличаются наличием смыслового оттенка «раболепие, прислужничество», вытесняющего «пассивность»

на второй план, см. пример из сербского: «... доста смо гледали оног Динића и његове *слуге* који су трчали као луди да му сакупе гласове, а он њима поклањао радна места» («... мы уже насмотрелись на этого Динича и его прислужников, которые носились как сумасшедшие, чтобы собрать ему голоса. А он дарил им рабочие места» *Интернет, 2014*).

Значение лексем слов. *ovca* и серб. *овца* сочетает в себе семы «пассивность» и «глупость», см. пример из словенского: «Škoda, da Slovenci znamo biti take *ovce*. Če gledamo na splošno, smo lušten narod, le razmišljati bi morali več» («Жаль, что мы, словенцы, можем быть такими овцами. В целом-то мы народ неплохой, только надо бы нам побольше думать» *Bukla, 2007*).

3.9 Искусственность поведения, подражательность

	Словенский	Сербский
Искусственность поведения, подражательность	<i>pozer, opical, afna1, glumač, paragaj, oričjak</i>	<i>позер, глумац, папагај, мајмун1</i>

Как и в случае с предыдущим признаком, в составе рассматриваемой подгруппы доминируют лексемы, образованные путем метафоризации: из 6 словенских и 4 сербских пейоративов метафорами являются 5 и 3 соответственно: слов. *opica, oričjak, afna*/серб. *мајмун* ‘обезьяна’; *paragaj/napaгај* ‘попугай’ → ‘обезьяна, попугай — подражатель’; *glumač/глумац* ‘актер, лицедей’ → ‘лицедей, притворщик’. Аналогичные словенская и сербская лексемы *pozer/позер* ‘позер’ представляют собой заимствования из французского.

Искусственность и подражательность, несмотря на объединение в рамках одной подгруппы, безусловно, не являются синонимичными понятиями: так, пейоративы с первичным значением ‘обезьяна’ и ‘попугай’ обозначают подражательность, в то время как *glumač/глумац* и *pozer/позер* служат для номинации искусственного, фальшивого, как правило, неискреннего человека. Следует отметить также тот факт, что как словенские *afna, opica*, так и сербский пейоратив *мајмун* ‘букв. обезьяна’, намного чаще употребляются для выражения иных ЛСВ («глупость», реже «неотесанность, отсутствие культуры»), которые будут рассмотрены далее.

3.10 Легкомыслие, безрассудство

	Словенский	Сербский
Легкомыслие, безрассудство	<i>frifulja</i> (ж), <i>halodri</i> (0), <i>zaletela</i> (ж, 0), <i>zaletelo</i> (0)	<i>аламуња</i> (ж)

Данная подгруппа не является лексически нагруженной (4 лексемы в словенском и одна в сербском) и, как видно из таблицы, в обоих языках не содержит ни одного частотного пейоратива. 3 словенские лексемы образованы путем присоединения суффиксов: **-ulja** (деривация от глагольной основы), **-ela** и **-elo** (последние два образованы от адъективных основ), одна заимствована из немецкого языка (*halodri*). Единственная сербская единица является непроизводной: *аламуња* – скорее всего, турецкого или арабского происхождения. Обратим внимание на то, что большинство составляющих анализируемой подгруппы относится к женскому роду и обозначает исключительно лиц женского пола, что может служить в качестве косвенного доказательства восприятия данной черты характера как типичного женского качества.

3.11 Лицемерие

	Словенский	Сербский
Лицемерие	<i>dvoličnež?</i> , <i>svetohlinec</i> , <i>kameleon</i> , <i>dvoživka?</i> , <i>farizej</i> , <i>prilagodljivec</i> , <i>tercijalec</i> , <i>svetohlinka</i> (ж), <i>dvoživkar</i> , <i>jezuit</i> (0)	<i>камелеон</i> , <i>фарисеј</i> , <i>језуит</i> (0), <i>светоња</i> (0), <i>шеврдуља</i> (ж, 0) <i>амфибија</i> (0)

Данная подгруппа представлена 10 словенскими и 6 сербскими единицами, из которых к суффиксальным дериватам относится 5 словенских пейоративов (суффиксы: **-ec** — две лексемы, образованные от адъективной и глагольной основ, **-ež** — одна, от адъективной основы, **-ar** — одна, от субстантивной основы, **-ka** — одна, от глагольной основы) и два сербских (**-оња** — одна, от адъективной основы, **-уља** — одна, от глагольной основы). Четыре словенские и четыре сербские лексемы представляют собой метафоры-эквиваленты: *kameleon*/камелеон ‘хамелеон’, *jezuit*/језуит ‘иезуит’, *farizej*/фарисеј ‘фарисей’, *dvoživka*/амфибија ‘амфибия’ → ‘лицемер’. Как следует из таблицы, отдельные из данных пейоративов различаются по критерию частотности: слов. *farizej* используется чаще, нежели

соответствующая сербская лексема, а слов. *dvoživka* широко употребительно в отличие от серб. *амфибија*.

Основная семантическая граница в рамках данной подгруппы проходит между двуличностью (слов. *dvoličnež, kameleon, dvoživka, prilagodljivec, dvoživkar* и серб. *камелеон, амфибија*) и ханжеством как частным проявлением лицемерия (слов. *svetohlinec, farizej, tercijsalec, svetohlinka, jezuit* и серб. *фарисеј, језуит, светоња, шеврдуља*). Сравним два примера употребления единиц первого и второго подтипов в словенском языке: 1) «Ne maram biti *dvoživka*. Če sem se boril za neki program, ne morem čez noč postati vodja drugega programa» («Не люблю быть лицемером. Если я боролся за какую-то программу, не могу в мгновение ока превратиться в лидера, выступающего за другую программу» *Mladina, 1998*); 2) «Tartuffe, *svetohlinec*, se pretvarja za pobožno dušo» («Ханжа Тартюф притворяется набожным человеком» *Интернет, 2007*).

3.12 Любопытство

	Словенский	Сербский
Любопытство	<i>zijalo, zijač (0), zijavka (ж, 0)</i>	<i>њуикало, мувало1 (0)</i>

Данная микроподгруппа включает в себя 3 словенские и 2 сербские лексемы и представлена исключительно суффиксальными производными. В словенском используются форманты **-lo**, **-ač** (образование в обоих случаях от глагольных основ), **-ka** (от адъективной основы), в сербском дважды применяется суффикс **-ло** (деривация от глагольных основ).

3.13 Медлительность

	Словенский	Сербский
Медлительность	<i>počasnež?, mečkač, počasne, počasnela (ж), zaspane?, polž, dremež (0), krevsa (ж, 0), krevse (0), mečkalo (0)</i>	<i>мртвуља1 (ж, 0), пипавац (0), тромоња2 (0)</i>

Анализируемая подгруппа представлена главным образом словенскими лексемами (10 единиц по сравнению с тремя в сербском). Среди словенских пейоративов 9 образовано с помощью суффиксов: **-e** (3 единицы, 2 — от адъективных, 1 — от субстантивной основы), **-ež** (2 единицы от адъективных основ), **-ač** (1 — от глагольной основы), **-ela** (1 — от адъективной основы), нулевой формант (1 — ж.р., от субстантивной основы), **-lo** (1 — от глагольной основы). К сербскому материалу группы относятся только суффиксальные дериваты, включающие форманты **-уља**, **-ац**, **-оња** (во всех трех случаях деривация от адъективной основы). Путем метафоризации образована одна словенская лексема *polž* ‘улитка’ → ‘«тормоз», медлительный человек’.

Из таблицы очевидно присутствие в словенском языке частотных пейоративов со значением рассматриваемого признака и отсутствие соответствующих наименований лиц в сербском, примеры употребления которых были бы зафиксированы в Интернете и корпусе сербского языка. Словенские лексемы не отличаются высокой степенью негативной экспрессивности, однако их пейоративность очевидна (для лексемы в целом или для ряда контекстов), например: «...so *mečkači* slabi delavci, povsem neprimerni za skupinsko delo, privatno pa naporni tako za prijatelje kot partnerje, ki se njihovega nedoločnega mečkanja prej ali slej naveličajo» («... “тормоза” — плохие работники, абсолютно непригодные для коллективного труда, а в личной жизни они доставляют неудобства как друзьям, так и супругам, которым рано или поздно надоедает их нерешительность и “заторможенность”» *Gorenjski glas*, 2007). Мы перевели пейоратив *mečkač* с помощью русской лексемы *тормоз*, характеризующейся стилистической маркированностью (сленг), однако соответствующая словенская единица (как и *počasnež*, *počasnela*, *počasne* и другие неупотребительные лексемы), безусловно, принадлежит к литературному языку.

Необходимо также уточнить, что тенденцией употребления данных лексем является не столько обозначение несообразительности, сколько медлительности движения, проявляющейся главным образом у водителей: «Hitri vozniki ne marajo *počasnetov*, počasnim in previdnim so dirkači v nadlogo» («Быстрые водители терпеть не могут “тормозов”, а медленных и осторожных раздражают лихачи» *Nedeljski dnevnik*, 2001).

3.14 Мелочность, придирчивость

	Словенский	Сербский
Мелочность,	<i>dlakoseres</i> , <i>pisajzelj</i> (сл.)	<i>цепидлака?</i> , <i>ситничар?</i> ,

придирчивость	<i>drobnjakar,</i> <i>malenkostnež?, dlakocepka</i> (ж)	<i>пицајзла (сл.)</i>
---------------	---	-----------------------

Рассматриваемая подгруппа включает себя 5 словенских и 3 сербских пейоратива. Четыре словенские единицы образованы путем суффиксации: использовались форманты **-ес**, **-ка** (по одной лексеме, деривация от глагольных основ), **-akar**, **-ež** (по одной лексеме, деривация от адъективных основ). Среди сербских пейоративов суффиксальные производные отсутствуют. Одна сербская лексема образована путем сложения основ: *цепидлака* ‘придира’ ← *цепати* ‘раскалывать, расщеплять’ + *длака* ‘шерсть, волоски’ — одна — путем метафоризации: *ситничар* ‘коробейник’ → ‘придира, крюкотвор’. В двух языках также можно отметить наличие аналогичных метафор: слов. *picajzelj*/серб. *пицајзла* ‘лобковая вошь’ → ‘придира, зануда’.

В семантическом аспекте данной подгруппы обращает на себя внимание диффузность ее границ и тесная взаимосвязь с признаками «мещанство», «ворчливость, склонность к постоянному нытью», «навязчивость, докучливость». Лексемы *picajzelj* и *пицајзла* отличаются несколько более высокой степенью негативной экспрессивности, нежели остальные единицы, и функционируют на разговорном уровне. См. пример употребления в словенском языке: «Zvočnike prodajam za očeta, ki je pravi “picajzelj”, kar se tiče odnosa do tehnike» («Колонки я продаю для папы, настоящего придиры в плане техники» *Интернет, 2014*).

3.15 Мещанство

	Словенский	Сербский
Мещанство	<i>malomeščan</i>	<i>малограђанин, ђифта</i>

Подгруппа «Мещанство», включающая 1 словенскую и 2 сербские единицы, отличается тем, что принцип ее выделения базировался не на одном признаке, а на группе специфических признаков, имеющих, однако, специальное объединяющее наименование. Действительно, мещанство — это не просто черта характера, а ряд типичных черт (мелочность, жадность, узость взглядов и др.). Такого рода «пучок» признаков семантически выражается исключительно путем метафоризации, реализующейся в употреблении наименований лиц по социальному статусу/роду деятельности в качестве характеризующих

пейоративов: слов. *malomeščan*/серб. *малограђанин* ‘провинциал’, серб. *ћифта* ‘коробейник’ → ‘мещанин — мелочный, скупой и т. п. человек’. Для последнего сема «скупость» выступает в качестве ядерной: «Ма ја бих да мијењам стан за већи али ова *ћифта* не да паре» («Да я бы поменял квартиру на побольше, а этот скряга не дает денег» *Интернет, 2010*).

3.16 Неопытность, молодость

	Словенский	Сербский
Неопытность, молодость	<i>smrkavec?</i> , <i>smrklja?</i> (ж), <i>mlečnozobec</i> , <i>ščene2</i> , <i>rumenokljunec</i> , <i>mlečnež</i> , <i>mlekoses</i> , <i>mladikavec</i> (0), <i>slinavec</i> (0), <i>zelenoba</i> (0), <i>zelenokljunec</i> (0)	<i>балавац</i> , <i>балавурдија</i> (соб.), <i>балавандер</i> , <i>жутокљунац</i> , <i>штене</i> , <i>голуждравац</i> , <i>балавадија</i> (соб., 0) <i>голушавац?</i> (0), <i>слинеша1</i> (0), <i>шрмкавац</i> (0)

Подгруппа пейоративов, используемых для обвинения какого-либо лица в недостатке опыта и (или) возраста, насчитывает 11 словенских и 10 сербских единиц. Суффиксальный способ использовался при деривации 8 словенских лексем с помощью формантов: **-ес** (6 единиц, все от адъективных основ), нулевой суффикс (1 единица ж.р., от субстантивной основы), **-ež** (1 единица, от адъективной основы). В сербском языке аналогичным путем образовано 6 лексем с использованием суффиксов: **-ац** (2 единицы, от адъективных основ), **-андер** (1 — от адъективной основы), **-еша** (1 — от субстантивной основы), а также **-адија**, **-урдија** с собирательным значением (от адъективных основ). Несмотря на то что многие пейоративы данной группы представляют собой сложные слова, на этапе деривации номинаций лиц путем сложения (в сочетании с суффиксацией) образована только одна словенская (*mlekoses* ← *mleko* ‘молоко’ + **-о-** + *sesati* ‘сосать’ + **-Ø**) и одна сербская лексема (*жутокљунац* ← *жут* ‘жёлтый’ + **-о-** + *кљун* ‘клюв’ + **-ац**). Семантические параллели между словенским и сербским языками наблюдаются на примере метафоры *ščene/штене* ‘щенок’ → ‘неопытный, незнающий человек’ (в словенском также ‘трус’), однако аналоги другой сербской деривационной модели: *голуждравац* ‘птенчик’, *голушавац* ‘голоштанник’ → ‘молокосос’ — в словенском отсутствуют. Единственный пример метонимии присутствует в

числе словенских лексем: *zelenoba* ‘зелень, молодость’ → ‘сопляк’ (от признака к его носителю).

Лексемы, входящие в данную подгруппу, способны служить выразителями как первого качества («молодость»), так и второго («неопытность»), однако сербскому пейоративу *жутокљунац* свойственно употребление именно в значении ‘неопытный человек, «чайник» (пренебр.)’: «Памтим дане кад сам био *жутокљунац* у послу којим сам се бавио неких двадесетак година» («Помню дни, когда я был “чайником” в деле, которым занимался лет двадцать» *Интернет*, 2014). Как следует из таблицы, в сербском языке данная лексема является общепотребительной, в отличие от ее словенского аналога *zelenokljunec*.

Пейоративность словенской лексики *smrklja* ‘приблиз. соплячка’ зависит от контекста: с одной стороны, ее негативно-оценочное употребление является возможным: «Takoj jo je nadrl: “Kaj počneš tukaj, ti presneta *smrklja*? Kdo ti je dal dovoljenje, da odideš iz svoje sobe?”» («Он сразу наорал на нее: “Что ты здесь делаешь, чертова соплячка! Кто тебе разрешил выйти из комнаты?”» *Gorenjski glas*, 2005»). С другой стороны, о вероятном отсутствии у нее пейоративной коннотации либо ее постепенном «стирании» свидетельствует, в частности, название журнала для девочек-подростков «*Smrklja*» и подобного рода контексты: «Sem 12-letna *smrklja* in ti pišem prvič» («Я 12-летняя соплячка (?) и пишу тебе впервые» *PIL plus*, 2003). Мы предполагаем, что схожая вариативность характера коннотации отличает и коррелят мужского рода *smrkavec*.

3.17 Неотесанность, отсутствие культуры

	Словенский	Сербский
Неотесанность, отсутствие культуры	<i>divjak, barbar, primitives, kmet, provincialec?, prostak?, kmetica (ж), govedo, papak (сл.), robustnež2?, zagovednež, robavs1?, krava3, rovtar, robatež?, Balkanec, zarobljenec, govedina, prostakinja (ж), ozkosrčnež, banavz, janez?(0), ravšelj (0)</i>	<i>селяк, простак, селячина2, дивљак, сировина, папак, стока, дрипац, џибер (сл.), простачина, варварин, марва2, провинцијалац?, неотесанац, сельобер (сл.), простакуша (ж), крава2, љаксе(а) (сл.), дрипчина, селякуша (ж), Балканац, цепаница, геак,</i>

		<i>полусельак</i> , <i>муца1</i> , <i>грмаљ2</i> , <i>гегула2</i> , <i>баканцош (0)</i> , <i>балија2 (0)</i> , <i>ерценураћ (0)</i> , <i>лукождер</i> <i>(0)</i> , <i>сельаковић (0)</i> , <i>полусельакуша (ж, 0)</i> , <i>хорјат (0)</i>
--	--	--

Рассматриваемая подгруппа отличается значительной лексической нагруженностью и включает в себя 23 словенских и 34 сербских пейоратива. Среди них оказалось 12 словенских суффиксальных дериватов, образованных с помощью формантов **-ež** (4 лексемы, от адъективных основ), **-ec** (2, от адъективных основ), **-ak** (одна, от адъективной основы), **-ica** (1, от субстантивной основы), **-avs** (1, от адъективной основы), **-ina** (1, от субстантивной основы), **-inja** (1, от субстантивной основы), **-avz** (1 — производящая основа не определена). Число сербских лексем, образованных путем суффиксации, также составляет 12 единиц: использовались форманты **-ина** (3 пейоратива, деривация во всех случаях от субстантивных основ), **-уша** (3, от субстантивных основ), **-ац** (2, от адъективной и глагольной основ), **-ак** (1, от адъективной основы), **-аль** (1, производящая основа утрачена), **-овић** (1, от субстантивной основы), нулевой формант (1 м.р., от глагольной основы). Одна сербская единица образована префиксальным способом: **полу-** + *сельак* → *полусельак* — и одна — сложно-суффиксальным: *лукождер* ‘деревенщина’ → *лук* ‘лук’ + **-о-** + *ждерати* ‘жрать’ + **-О**. Наряду с этим, сербский язык представлен заимствованиями: *муца1*, *хорјат* (турцизмы), *баканцош* (мадьяризм). Уникальным для рассматриваемого материала является способ образования лексемы *љаксе/љакса*, обязанной своим происхождением ранее упомянутому виду сербского жаргона (*шатровачки*), в основе которого лежит перестановка слогов: *љаксе* ← *сельак* ‘сельский житель’. Жаргонной по происхождению является также лексема *сельобер*.

Среди словенских и сербских пейоративов, обозначающих неотесанных, бескультурных людей, присутствует немало метафор, многие из которых в обоих языках исконно представляют собой наименования провинциалов или сельских жителей: *kmet/сельак*, *geak*, *гегула* ‘крестьянин, сельский житель’ (в словенском присутствует коррелят женского рода *kmetica*), *provincialec/провинцијалац* ‘провинциал’. Кроме общих названий, используются также частные, культурно-маркированные номинации жителей того или иного региона, являющегося актуальным для носителей одного или другого языка: слов. *rovтар* ‘житель отдаленных горных словенских деревушек’; серб. *балија2* ‘крестьянин

мусульманин', *erцепураћ* 'житель области Ужице' — однако такого рода единицы менее частотны, нежели общие наименования. В обоих языках в качестве вторичных номинаций функционируют также: нейтральные *nomina personalia* (*divjak/дивљак* 'дикарь', *balkanec/Балканац*, *barbar/варварин* 'варвар'), названия животных, в первую очередь, скота (*govedo/стока*, *марва* 'скотина', *krava2/крава2* 'корова'). Отдельные источники метафор относятся к иным ЛСП: слов. *ravšelj* 'невод', слов. *janez* 'Янез (имя собственное, наиболее распространенное словенское мужское имя)', серб. *сировина* 'сырье', серб. *цепаница* 'чурбан'. Сербское *напак* 'копыто (у парнокопытных животных)' представляет собой результат метонимизации (*напак* → *свиња*) и метафоризации (*свиња* → *човек*). Общее число словенских метафор составляет 10 единиц, сербских — 14.

Семантическая структура единиц, входящих в состав данной подгруппы, отличается гетерогенностью, поскольку включает в себя ядерные семы «грубое, бескультурное поведение» и «необразованность», а также ряд периферийных семантических компонентов. Из анализа приведенных источников метафор становится очевидным, что значение лексем, обозначающих лица по рассматриваемым признакам, имплицитно содержит характеризующую сему «подобно тому, кто имеет провинциальное происхождение» (слов. *kmet*, *provinciales*, серб. *сељак*, *сељачина*, *сељобер*, *провинцијалац* и т.п.). Несколько выделяются из общего ряда пейоративы *govedo/стока*, *марва*, *krava2/крава2*, серб. *сировина* в семантике которых компонент «грубое, бескультурное поведение» выходит на первый план, вытесняя отсутствие знаний и провинциализм на периферию, см. пример из сербского: «... причао је као прави рокер, пијандура, женскаррош, превише је псовао, права *сировина*» (...он говорил как истинный рокер, пьяница, бабник, слишком много матерился, как настоящая невежа» *Интернет*, 2009). Лексемы *divjak/дивљак*, *barbar/варварин* отличаются наличием семы «брутальность», реализация которой очевидна, например, в следующем контексте: «Bela hiša je pisala protestna in grozilna pisma, češ, kakšni *barbari*, da ubijejo človeka» («Белый дом писал письма с протестами и угрозами, мол, что за варвары, человека убили» *Dnevnik*, 1999).

В свою очередь, сербский пейоратив *мибер*, по-видимому, вошедший в широкое употребление лишь в последнее десятилетие, приобрел статус наименования определенного социального слоя или даже молодежной субкультуры, см., например: «У Медија Центру данас је одржана конференција за јавност новоформираног Покрета за признавање *миберског* језика, који ће се залагати за препознавање и институционализацију овог језика у савременом друштву, као и за очување и неговање аутентичне традиције и културе коју овај језик са собом носи» («В Медиа-центре сегодня прошла пресс-конференция недавно созданного

“Движения за признание языка джиберов”, которое будет выступать за признание и стандартизацию этого языка в современном обществе, как и за сохранение и поддержание аутентичной традиции и культуры, связанной с этим языком» *Интернет, 2011*). В целом же значение упомянутой лексемы соотносится с другими единицами данной подгруппы и включает также сему «грубость», приближаясь таким образом к сербскому *сировина*: «Просечан *џибер* је углавном необразован, руралан тип али и пун себе, често неотесан и склон примени силе услед вербалне неспособности, недостатка интелигенције и образовања» («Среднестатистический “джибер” – это довольно необразованный, провинциальный тип (при этом что-то из себя корчащий), часто неотесанный и стремящийся применить силу вследствие недостатка ума, образования и неумения вербально изъясниться» *Интернет, 2010*).

Наиболее сложной семантической структурой в рамках данной подгруппы характеризуется сербская лексема *папак* ‘букв. копыто’, перешедшая и в словенский язык в сербохорватской огласовке (см. сетевой словарь *Razvezani jezik*), хотя частотность ее употребления в последнем случае является более низкой. Основной ЛСВ рассматриваемого пейоратива, судя по всему, действительно можно определить как ‘простак, деревенщина’: «Прави *папци* укључујући и ове две госпође. Заостали су у неким 80-тим година прошлог столећа....» («Деревня да и только, включая и этих двух дам. Они застряли где-то в 80-х годах прошлого века» *Интернет, 2011*). Учитывая контексты употребления слова в Интернете, из всех качеств, приписываемых объекту номинации, как правило, выбирается «необразованность» или близкая по значению «глупость»: «*Папци* једни, неспособни и корумпирани!» («Что за тупые и коррумпированные дебилы!» *Интернет, 2011*). Однако во многих примерах использования данной лексемы также достаточно явно выявляется ЛСВ ‘трус, тряпка, подкаблучник’, см. пример из сербского языка: «...Јосип Броз Тито је глумио мангуа, а да се уствари плашио своје супруге Јованке Броз. <...> Био је апсолутни *папак*» («Иосип Броз Тито изображал плохого парня, а на самом деле боялся своей супруги Йованки Броз. <...> Он был настоящим подкаблучником» *Интернет, 2013*). Подобные примеры мы находим и в словенском языке: «*Ali bi se mu posmehovali, ker mora biti pa že totalen papak, da je dovolil, da ga je žena prebunkala?*» («Вы бы посмеивались над тем, что он, должно быть, полный лох (тряпка?), позволивший жене себя поколотить?» *Интернет, 2010*). Подведя итог всему вышесказанному, мы пришли к выводу, что данная лексема имеет тенденцию к развитию максимально обобщенного значения.

3.18 Неряшливость, неопрятность

	Словенский	Сербский
Неряшливость, неопрятность	<i>svinja3, prasec1, rasek1, prašič1, nemarnež1, pujs, prasica2 (ж), packon1?, nemarnica3 (ж), zanikrnež2 (ж), zanikrnica3, oguljenec (0), povaljanec1 (0)</i>	<i>свиња1, крмак1, алькавуша (ж), помијара (ж), прасица2 (ж), мурдар, алькуша (ж), лотиња (0), мурдара (ж), трапађоза2 (ж, 0), хајдара (ж, 0)</i>

К подгруппе относится 13 словенских и 11 сербских пейоративов. Суффиксация в словенском языке применялась в 8 случаях с участием формантов: **-ež** (2 единицы, образование от адъективных основ), **-ec** (2, от глагольных основ — страдательных причастий), **-ica** (2, от адъективных основ), **-on** (1, от глагольной основы), **-ek** (1, от глагольной основы); в сербском языке — в 5 случаях: **-уша** (2 лексемы, от адъективных основ), **-ара** (1, от глагольной основы), нулевой суффикс (1, от субстантивной основы), **-оза** (1, от адъективной основы).

Все метафоры, используемые как в том, так и в другом языке аналогичны друг другу и актуализируют образ одного и того же животного: *svinja3, prasec1, prasica2, pujs, prašič1/свиња1, крмак1, прасица2* ‘свинья, поросенок или хряк’ → ‘свинья, грязнуля’. Среди сербских единиц присутствует также один пример метонимии: *лотиња* ‘нерадивость, небрежность’ → ‘неряха’ — и две лексемы, заимствованные из турецкого: *мурдар* и *хајдара*.

Наиболее существенное различие словенского и сербского языков в рамках данной подгруппы проявляется в гендерном аспекте. Рассматриваемый признак «неряшливость, неопрятность» представлен как единицами мужского, так и женского рода в обоих языках, однако словенские наименования лиц, обозначающие исключительно лиц женского пола (*prasica2, nemarnica3, zanikrnica3*), менее частотны и уступают в процентном соотношении своим родовым коррелятам. В сербском сегменте номинации лиц женского пола, в свою очередь, преобладают, причем две из них относятся к числу наиболее употребительных (*алькавуша, помијара*).

Стоит также отметить, что отдельные редкие *nomina personalia*, входящие в данную подгруппу, носят специализированный характер и используются для наименования неопрятно одетых, неухоженных людей (слов. *oguljenec*, серб. *хајдара*). Все остальные лексемы способны служить характеристикой как особенностей внешнего вида, так и

поведения. Словенским и сербским номинациям, в основе которых лежит метафора, предполагающая сопоставление со свиньей, наиболее свойственно как раз последнее, т.е. использование в качестве пейоративной наименования лица, оставляющего после себя беспорядок: «Могу јести полурастопљену чоколаду у кревету као каква *свиња*» («Я могу есть полурасстаявшую шоколадку в постели, как какая-нибудь свинья» Интернет, 2012).

3.19 Отсутствие моральных принципов

	Словенский	Сербский
Отсутствие моральных принципов	<i>malopridnež?, izmeček2, izrodek, šakal, brezvestnež?, nemoralnež, propalica, pankrt3, nizkotnež, zavrženec, izvržek2, malopridnica (ж), ostudnež, ogabnež, malovrednež, izvrženec2, breznačelnež? (0), breznačajnež? (0), izvrženka2 (ж, 0), malovrednica (ж, 0), zavržek2? (0)</i>	<i>копиле2, изрод, нечовек?, одљуд, пропалица, мућак, шакал</i>

Признаковая подгруппа «Отсутствие моральных принципов» включает в себя 7 сербских пейоративов и 21 словенский. 15 словенских единиц образовано суффиксальным способом (из них 9 с помощью форманта **-ež** от адъективных основ, 3 — **-ica**, из которых 2 от адъективных и 1 — от глагольной (причастие на **-l**), 2 — **-ec** (от глагольной основы — страдательное причастие), 1 — **-ka** (от глагольной основы — страдательное причастие)). Аналогичным путем произведены 2 сербские лексемы: от нулевого суффикса (м.р., от глагольной основы), **-ица** (также от адъективной основы). Иные аффиксальные способы деривации использовались при образовании двух сербских лексем: *нечовек* ← **не-** + *човек* (префиксация), *одљуд* ← **од-** + *-људ-* + **-О** (префиксально-суффиксальный способ). Применялась также метафоризация, в частности, имеются в виду аналогичные переносы по сходству в словенском и сербском языках: слов. *pankrt3*, серб. *копиле* ‘бастард, ублюдок’ →

‘ублюдок, подонок’, слов. *šakal*, серб. *šakal* ‘шакал’ → ‘подлый, лишенный моральных принципов человек’ — а также три уже упоминавшиеся словенские модели: *izmeček*, *izvržek*, *zavržek* ‘отброс, кал’ → ‘подонок’ — использованные также при образовании пейоративных номинаций со значением ‘изгой’. Наряду с этим, в сербском языке присутствует не находящая соответствия в словенском метафора *muhak* ‘тухлое яйцо’ → ‘подонок, мерзавец’. По всей видимости, метафорический способ образования также лежал в основе возникновения слов. *izrodek* ‘растение, животное с отклонениями в развитии’ → ‘выродок (о человеке в биологическом смысле)’ → ‘выродок (о человеке в моральном смысле), подонок’ (суффикс *-ek*, не использующийся для деривации *nomina personalia* (кроме деминутивного значения), служит дополнительным доказательством семантического переноса).

Констатация отсутствия моральных принципов фактически приравнивается к отрицательной характеристике того или иного лица в целом, поэтому грань между рассматриваемой признаковой подгруппой и категорией общеоценочных пейоративов весьма тонка. Различие заключается в преобладании рациональной оценки над эмоциональной у первых и обратная ситуация (доминирование эмоционального компонента и размытость дескриптивной составляющей) у вторых. Иными словами, общая оценка обладает широким функциональным потенциалом, в то время как употребление пейоративов подгруппы «Отсутствие моральных принципов» должно быть подкреплено определенной (и достаточно веской) мотивацией. Данный факт подтверждается практически безграничной сферой употребления таких лексем, как *svinja*, *gad* и т. п., в качестве бранных слов, и гораздо более узкой областью применения пейоративов *izmeček2*, *izrod* и т. п.

Пейоративы, коррелирующие с объективным или субъективным (приписываемым) социальным статусом, обозначают лиц, выделяющихся отрицательными качествами **в какой-либо среде**: слов. *pankrt3*, серб. *konile* ‘бастард, ублюдок’; слов. *izmeček*, *izvržek*, *zavržek* ‘отброс, изгой’. Данная особенность отличает также слов. *izrodek*, серб. *izrod* ‘выродок’ (изначально член семьи, а затем и представитель любого сообщества, характеризующийся аморальностью), см. пример из сербского: «То су *izrodi* српскога рода, шугаве овце, Бранковићи» («Это выродки рода сербского, паршивые овцы, Вуки Бранковичи¹» *Интернет*, 2003).

Необходимо отметить также слов. *šakal*, серб. *šakal* ‘шакал’, в семантической структуре которых присутствует компонент «подлость», например: «...Največkrat se okoristijo *šakali*, ki pokažejo vrata delavcem in delavkam, za katere so dobili finančno pomoč za odpiranje delovnih mest» («Больше всего на этом наживаются шакалы, выставяющие за дверь

¹Вук Бранковић — см. раздел «Способы выражения пейоративности»

сотрудников, за счет которых они получили финансовую помощь на открытие новых рабочих мест» *Интернет, 2011*). В значении данного пейоратива и в словенском, и в сербском языках присутствует также сема «низость», что объединяет его со словенским *nizkotnež*, для которого этот компонент является ядерным. Как и прочие словенские лексемы на *-ež*, относящиеся к данной подгруппе (*malopridnež*, *brezvestnež* и др.), *nizkotnež* отличается низкой степенью пейоративности, хотя в целом градус негативной экспрессивности лексем данной подгруппы достаточно высок.

Малоупотребительные словенские *ostudnež* и *ogabnež* содержат сему «неприятное, вызывающее отвращение поведение и, возможно, внешний вид», которая реализуется, например, в следующем контексте: «Mene je osvajal in zalezoval en poročen *ogabnež*. Zopr n do kraja» («За мной ухаживал и следил один противный женатый мужик. Неприятный до ужаса» *Интернет, 2014*). Лексемы, обозначающие лиц женского пола, в частности, слов. *malopridnica* граничат с подгруппой «Похотливость, развратное поведение (свойственное женщине)»: «V mladosti je bila *malopridnica*, očitna grešnica» («В молодости она была развратницей, несомненной грешницей» *Ivan Zorec, Izgnani menihi*).

В словенском сегменте также выделяется лексема *zavrženec*, обозначающая не просто бессовестного человека, а маргинала, сознательно отвергающего общепринятые нормы: «Tudi pri nas poznamo pojave, ko mladina dirka po cestah in se pri tem celo snema ter posnetke objavlja na svetovnem spletu. <...> potencialne tovrstne *zavržence* je treba prepoznati prej in se z njimi strokovno ukvarjati» («Нам тоже знакомы ситуации, когда молодые люди гоняют по дорогам и при этом даже снимают себя на видео и выкладывают записи в Интернет. <...> потенциальных маргиналов подобного рода необходимо распознавать заранее и профессионально ими заниматься» *Dnevnik, 2008*).

3.20 Плаксивость

	Словенский	Сербский
Плаксивость	<i>stera</i> , <i>steravec</i> , <i>kremža</i> , <i>sterikavec</i> (0), <i>sterika</i> (0), <i>jokavt</i> (0)	<i>плачливко?</i> , <i>цмиздра</i> (ж), <i>слинеша2</i> (0)

Подгруппа «Плаксивость» включает в себя исключительно суффиксальные дериваты (6 словенских и 3 сербских), образованные в словенском языке с помощью формантов: *-Ø* (3 лексемы ж.р. от адъективных основ), *-ec* (2, от адъективных основ), *-avt* (1, от глагольной

основы) — в сербском — суффиксов **-ко** (1, от адъективной основы), **-Ø** (1 ж.р., от глагольной основы), **-еша** (1, от субстантивной основы).

Единицы данной подгруппы в целом относятся к низкой степени негативной экспрессивности. Среди них следует особо отметить сербскую лексему *плачљивко*, которая служит в качестве уничижительного наименования лица главным образом при употреблении по отношению к мужчине: «Авеиро је открила како су Кристијана [Роналдо] у младости звали “плачљивко”, јер се стално љутио када му не би додали лопту» («Авеиро призналась, что Криштиану [Роналду] в юности называли плаксо́й, так как он постоянно злился, когда ему не передавали мяч» *Интернет, 2013*).

3.21 Подлость, коварство

	Словенский	Сербский
Подлость, коварство	<i>podlež, zahrbtnjež, kača</i>	<i>подмуклица?, подмуклаћ, гуја</i>

Подгруппа «Подлость, коварство» представлена суффиксальными дериватами (по 3 в обоих языках), образованными от адъективных основ с помощью формантов **-ež** в словенском и **-ица, -аћ**, и аналогичными метафорами слов. *kača*, серб. *гуја* ‘змея’ → ‘змея; подлый, коварный человек’. Фактически данный признак был выделен из периферийной зоны подгруппы «Отсутствие моральных принципов» в первую очередь в силу эксплицитности соответствующего мотивирующего прилагательного в обоих языках (*podel, подмукао*) и наличия вышеупомянутых метафор.

3.22 Похотливость, развратное поведение

	Словенский	Сербский
Похотливость, развратное поведение, свойственное: 1) женщине:	<i>kurba2 (ж), cipa2 (ж), vlačuga2 (ж), prostitutka (ж), rocestnica2 (ж), lajdra2 (ж), lovača2 (ж), candra2 (ж), radodajka (ж), drajna2 (ж), nemarnica2 (ж), роџерка2</i>	<i>курва2 (ж), дроља2 (ж), дроца2 (ж), профукњача2 (ж), радодајка (ж), фукса2 (ж), курветина2 (ж), проститутка (ж), дромфуља2 (ж),</i>

	(ж), <i>zanikrnica2</i> (ж), <i>capajdra2</i> (ж, 0), <i>cafuta2</i> (ж, 0), <i>cundra2</i> (ж, 0), <i>flajdra2</i> (ж, 0), <i>flandra2</i> (ж, 0), <i>nastava</i> (ж, 0) <i>tica2?</i> (ж, 0), <i>vlačugarica2</i> (ж, 0).	фанфуља (ж), фукара2 (ж), фаћкалица (ж), <i>флундра2</i> (ж), <i>фуфа</i> (ж), <i>куја2</i> (ж), <i>тротоарка2</i> (ж), <i>проституткиња2</i> (ж), <i>намицалька2</i> (ж, 0), <i>ајгируша</i> (ж, 0), <i>орицуља2</i> (ж, 0), <i>скотница</i> (ж, 0), <i>хајкара</i> (ж, 0), <i>фландра2</i> (ж, 0), <i>флићка2</i> (ж, 0)
2) мужчине:	<i>kurbir, razvratnež?, (stari) kozel2, babjak, vlačugar,</i> (pohotni) <i>prasec3, jarec, merjasec, lovač?</i> (0)	курвар, женскарпош?, (стари) јарац, ајгур (0), <i>пезевенк2</i> (0)

Данную подгруппу мы сочли необходимым разделить по гендерному признаку на два подтипа в связи с очевидной релевантностью пола объекта номинации и связанной с этим спецификой выражения признака. Пейоративы, обозначающие лиц женского пола, не только более многочисленны и близки к общей оценке (в особенности вульгаризмы *kurba/курва*), но также используются в качестве презрительного наименования предателя или бесчестного человека, постоянно меняющего свои приоритеты и взгляды, что особенно характерно для лексем *kurba/курва* и *prostitutka/проститутка*: «...Virant je navadna *prostitutka*, ki za denar naredi vse» («Вирант – обыкновенная проститутка, готовая на все ради денег» *Интернет, 2013*).

Общее число единиц, входящих в подгруппу «Похотливость, развратное поведение», составляет 30 лексем в словенском и 29 в сербском языке. Большая часть единиц, относящихся к подтипу 1, уже была рассмотрена с точки зрения мотивации в главе, посвященной идентифицирующим пейоративам, поскольку лексемы, обозначающие представительниц древнейшей профессии, легко переходят в категорию частнооценочных. Среди словенских и сербских номинаций лиц данного подтипа лишь семь единиц не имеют коррелята среди идентифицирующих пейоративов: *radodajka/радодајка* (серб. *радодајка* ‘давалка’ ← *радо* ‘с удовольствием’ + *давати* ‘давать, также перен.’ + **-ка**; словенский язык, по-видимому, заимствовал данную лексему из хорватского), эквиваленты

prostitutka/ппроститутка ‘проститутка, публичная женщина’ → ‘шлюха, развратница’, а также полученные в результате метафоризации слов. *nastava* ‘западня’ → ‘шлюха; та, кто вешается на мужчин’, серб. *скотница* ‘беременное животное’ → ‘потаскуха’ и сербский суффиксальный дериват *фаћкалица* (формант **-лица**, образование от глагольной основы).

Подтип 2, в свою очередь, не обнаруживает такого рода прямого соотношения с иными категориями и группами и включает в себя 9 словенских и 5 сербских единиц. Словенский материал представлен пятью суффиксальными производными (форманты **-ir**, **-ak**, **-ar** — деривация от субстантивных основ, **-ež** — от адъективной основы, **-ač** — от глагольной основы), сербский — двумя (суффиксы **-ар** и **-ош**, образование в обоих случаях от субстантивных основ). В обоих языках присутствуют метафоры: как аналогичные друг другу: *(stari) kozel/(стари) жапац* ‘(старый) козел’ → ‘(старый) козел, бабник, развратник’ — так и специфические для отдельного языка: слов. *(pohotni) prasec* ‘(похотливая) свинья’, *merjasec* ‘кабан’ → ‘(похотливая) свинья (о мужчине); серб. *ajgur* ‘жеребец’ → ‘похотливый мужчина’ (отсюда же коррелят женского рода *ajгуриша*). В сербском сегменте подтипа 2 также присутствует уже упоминавшийся турцизм *пезевенк*².

Рассматриваемая подгруппа включает достаточное число единиц высокой степени негативной экспрессивности: слов. *kurba*, *nastava* (1), *kurbir* (2), серб. *дроца*, *курва*, *фанфуља*, *флићка*, *фукса*, *цуца* (1), *курвар* (2). Если подтип 1 в целом достаточно гомогенен в плане семантики, что связано с общим источником метафорического переноса, то подтип 2 отличается большее смысловое разнообразие входящих в него единиц. Наименьшей степенью негативной экспрессивности и конкретизации признака характеризуются лексемы *babjak* (слов.) и *женскарош* (серб.), противопоставленные идентичным по значению, но значительно более высоким по градусу экспрессивности *kurbir* и *курвар*. Словенская лексема *vlačugar* на шкале пейоративности находится приблизительно между вышеупомянутыми номинациями, в данном случае представляющими собой своего рода полюса.

Словенское *razvratnež* (как, возможно, и редкие слов. *lovač* и серб. *пезевенк*) отличается низкой степенью экспрессивности и более широкой сферой денотации, обозначая общую развращенность, в рамках которой признак «развратное поведение», однако, занимает центральную позицию: «Charles II. je bil namreč neverjeten *razvratnež*, imel je veliko nezakonskih otrok, zato so mu posmehljivo pravili, da je oče svojega ljudstva» («Карл II в самом деле был невероятным развратником, у него было много незаконнорожденных детей, в связи с чем его в шутку называли “отцом своего народа”» *Dnevnik*, 2000). Слов. *(pohotni) prasec*, а также слов. *(stari) kozel*, серб. *(стари) жапац* служат в первую очередь для

номинации признака «похотливость», а не «развратное поведение», причем структура значения лексем *(stari) kozel/(stari) jaraц* содержит факультативную сему «пожилой возраст», что нередко эксплицитно выражается в форме присоединения соответствующего прилагательного: «...стари *jaraц* који се швалера код онако младе и лијепе жене» («... старый козел, закрутивший роман с такой молодой и красивой женщиной» *Интернет, 2003*). Неупотребительное сербское *ajgir*, напротив, отличает наличие семы «молодой возраст», базирующейся на источнике метафоры («жеребец»).

3.23 Разгульный образ жизни, хулиганство

	Словенский	Сербский
Разгульный образ жизни, хулиганство	<i>ropošnjakar</i> (0)	<i>мангунI</i> , <i>угурсузI</i> , <i>обешеньак?</i> , <i>хунцут</i> , <i>лолчина</i> (0), <i>неваљалчина</i> (0), <i>окаченьак?</i> (0), <i>обешеньаковић</i> (0), <i>парипче</i> (0)

Как следует из таблицы, в данной подгруппе наблюдается количественный дисбаланс: 9 сербских и 1 словенская единица. Единственная словенская лексема произведена от субстантивной основы с помощью суффикса **-ar**; среди сербских единиц также присутствуют суффиксальные дериваты (4 единицы), образованные с использованием формантов: **-(ч)ина** (2 лексемы, от субстантивных основ), **-ак** (1, от глагольной основы), **-овић** (1, от субстантивной основы). Три сербских пейоратива являются заимствованиями: *мангун* и *угурсуз* из турецкого языка, *хунцут* — из немецкого — одна лексема представляет собой метафору: *парипче* «жеребенок» → «гуляка, повеса». Мотивация сербской единицы *обешеньак*, омонимичной стандартному деривату *обешеньак* «висельник» от *обесити се* «повеситься», не вполне ясна.

Наличие пейоративных наименований лиц, семантическая структура которых включает в себя ЛСВ «гуляка, повеса», можно считать особенностью сербского языка. Словарные дефиниции лексем *мангун*, *угурсуз*, *обешеньак*, *хунцут*, *окаченьак*, *обешеньаковић*, *неваљалчина* (в последнем случае имеется в виду толкование производящей лексемы *неваљалац*) отражают как частнооценочные ЛСВ: хулиган, повеса, гуляка, оболтус (*мангун*, *угурсуз*, *обешеньак*, *окаченьак*, *обешеньаковић*), проказник (*обешеньак*, *окаченьак*,

обешеньяковић), – так и общеоценочные: негодник, негодяй и т.п. Приведем соответствующие примеры со словом *мангун*: 1) «И ја сам као играч био *мангун*, и знао заружити и попити» («Будучи игроком, я вел себя как повеса, умел и выругаться, и выпить» *Интернет*, 2010); 2) «-Замисли, мама, мој муж ме вара са мојом пријатељицом! - *Мангун* један!» (« - Мама, представляешь, муж изменяет мне с моей подругой! – Вот негодяй!» *Интернет*, 2010).

Рассмотренные единицы, строго говоря, не находят аналогов в словенском языке (приведенная лексема *ropošnjakar*, не обнаруженная в корпусе и Интернете, имеет «узкоспециализированный» характер и не отличается столь широким спектром значений). Наиболее близкими к ним по семантике и степени экспрессивности являются пейоративы *malopridnež* и *malopridnica*, однако ЛСВ ‘проказник’, ‘повеса’ у данных лексем, по-видимому, либо отсутствуют, либо полностью «уходят в тень» по сравнению с признаком «отсутствие моральных принципов», как уже было отмечено выше, максимально приближенным к общей оценке.

3.24 Склонность к депрессиям, негативное мировосприятие

	Словенский	Сербский
Склонность к депрессиям, негативное мировосприятие	<i>čemernež?, mračnež?</i>	<i>депресивац, мргода</i>

Данная подгруппа не отличается лексической нагруженностью и состоит всего лишь из двух пейоративов как в словенском, так и в сербском языках. Все они являются суффиксальными производными: в словенском дважды используется формант *-ež* (для деривации от адъективных основ), в сербском — нулевой суффикс (для образования существительного ж.р., от глагольной основы) и *-ац* (деривация от адъективной основы).

3.25 Склонность, конфликтность

	Словенский	Сербский
Склонность, конфликтность	<i>pravdač</i>	<i>правдач (0), правдаџија (0)</i>

Рассматриваемая подгруппа, как и предыдущая, относится к числу микроподгрупп, содержащих небольшое число единиц (1 словенская и 2 сербские), в данном случае, как

видно из таблицы, отличающихся также малоупотребительностью. Лексемы образованы с помощью суффиксов **-аџ** (в словенском, от глагольной основы) и **-ач, -џија** (в сербском, в обоих случаях от глагольных основ).

3.26 Стервозность

	Словенский	Сербский
Стервозность	<i>zmaј, sorpnica (ж), veščа (ж), ksantipa (ж), hudičela (ж, 0) čarovnica (ж), sova (ж, 0)</i>	<i>opaјdара (ж), вештица (ж), аждаја (ж), ксанטיפа (ж, 0), ордуља (ж, 0), opaјгора (ж, 0), јејина (ж, 0) совуљага (ж, 0)</i>

Подгруппа «Стервозность» включает в себя 7 словенских и 8 сербских пейоративов. По характеру деривации значительная часть единиц (6 в словенском и 5 в сербском) представляет собой метафоры: слов. *zmaј*, серб. *аждаја* ‘дракон, змей’ → ‘стерва’; слов. *sorpnica, veščа, čarovnica*, серб. *вештица* ‘ведьма, колдунья’ → ‘стерва’; слов. *sova*, серб. *јејина, совуљага* ‘сова’ → ‘противная старая женщина, стерва’. Перенос по сходству также лежит в основе образования номинации лица, по сути, представляющего собой прецедентное имя, перешедшее в разряд нарицательных: слов. *ksantipa*/серб. *ксанטיפа* ‘Ксанטיפа, жена Сократа’ → ‘стерва’. Лишь одна из словенских лексем образована суффиксальным способом (с помощью форманта **-ela** от субстантивной основы). Пейоративы *opaјdара, ордуља, opaјгора* в современном сербском являются немотивированными, и источник их заимствования точно не установлен.

Анализируемая подгруппа является примером гендерной маркированности, поскольку подавляющее большинство входящих в нее единиц служит для номинации исключительно лиц женского пола. Само по себе качество, обозначенное нами как «стервозность», относится к числу не адъективных, а субстантивных производных, будучи образованным от существительного «стерва», представляющего собой обобщенное наименование определенного негативно оцениваемого типа женщины. Как нам кажется, пейоративы, источником метафорического переноса для которых являются лексемы со значением ‘ведьма’ и ‘сова’ (см. выше), наиболее близки к единицам общей оценки, а также выделяются наличием семантических компонентов ‘пожилой возраст’ и

‘непривлекательный внешний вид’ (в случае с ‘ведьмой’ данные семы носят факультативный, в случае с ‘совой’ — периферийный характер), см. пример: «Saj ni čudno, da je v Sloveniji toliko gejev. Lej kakšne *coprnice* imamo. Tako zunanost kot notranost» («Ведь неудивительно, что в Словении столько геев. Посмотри, что у нас за ведьмы! Как внешне, так и внутренне» *Интернет*, 2010).

Довольно интересный случай дифференциации характера коннотаций представляют собой слов. *zmaj* и серб. *zmaj* ‘букв. дракон, змей’. В словенском языке лексема *zmaj* отличается негативной эмоциональной окраской: «Včasih se prijetno dekle spremeni v *zmaja*» («Иногда милая девушка превращается в стерву» *Интернет*, 2014). Реже данная единица функционирует и в качестве номинации мужчины: «”Nisem tak *zmaj*, kot bi me novinarji radi prikazali. <...>“ – je dejal triinštiridesetletni nogometni genij» («”Я не такое чудовище, каким меня хотят показать журналисты <...>“ – сказал сорокатрехлетний гений футбола» *Собрание журналов Gidafida*, 2004).

В сербском сегменте подгруппы присутствует турцизм *аждаја*, соотносящийся со слов. *zmaj* по своей семантике, но являющийся менее употребительным. Однако аналогичная словенской лексема *zmaj* (как правило, в сочетании *жена zmaj*), в свою очередь, приобретает положительную или нейтральную с точки зрения оценки коннотацию, что реализуется в таких ЛСВ, как ‘сильная женщина’, ‘бизнес-леди’ и т.п., например: « – Да ли ti je teško da uskladiš majčinstvo, trudnoću и све пословне обавезе? – Као што видите, ја сам *жена zmaj*! Прави пример сам да жена, када је мајка и трудница, не мора да запостави каријеру» (« – Тебе сложно совместить материнство, беременность и все профессиональные обязанности? – Как видите, я сильная женщина! Я хороший пример того, что, несмотря на детей и беременность, не следует бросать карьеру» *Интернет*, 2013).

3.27 Трусость, слабохарактерность

	Словенский	Сербский
Трусость, слабохарактерность	<i>reva, usrane, mevža, revček, cucek, copata?, pezde, šleva, rit1, baba, boječka, mehkužnež, strahopetnež?, revše, zajec, boječnež, malodušnež,</i>	<i>nanučar, усранко, паничар, млакоња, шоња, бескичмењак, крпа, зец, сероња, миш, мртвопувало, жена, мама, гњетавац (0), мрљина (0), усра (0),</i>

<i>strahopezdljivec, plašnež,</i> <i>baba, cunja, kilavec2,</i> <i>kapitulant, ščene1, šlapa,</i> <i>drekač1, capa, piškavec2,</i> <i>beba (0), mevže (0), osrane</i> <i>(0), osranec (0), plahun</i> <i>(0), tapica (0), tapka (0),</i> <i>tutka (0), sračka (0)</i>	<i>усранац (0), цуца2 (0)</i>
--	-------------------------------

Два тесно связанных между собой признака «трусость» и «слабохарактерность» были объединены в одну подгруппу, поскольку трусость, безусловно, является частным проявлением слабохарактерности и дифференцировать эти два качества во многих контекстах не представляется возможным. В состав подгруппы входит 37 словенских и 18 сербских единиц. Суффиксальными производными из них является 25 словенских пейоративов, образованных путем присоединения формантов: **-ež** (5 лексем, деривация от адъективных основ), **-e** (5 единиц, от глагольных основ, отдельные из которых представлены в форме страдательных причастий), **-ka** (4 единицы, 3 — от глагольных, 1 — от адъективной основы), **-ec** (4 лексемы, 3 — от адъективных, 1 — от глагольной основы), **-Ø** (2 единицы ж.р., от глагольной и адъективной основ), **-ček** (1, от адъективной основы), **-ač** (1, от субстантивной основы), **-un** (1, от адъективной основы), **-ica** (1, от глагольной основы), **-ant** (1, от глагольной основы). Обратим внимание на использование исконно деминутивных суффиксов (**-e**, **-ček**), крайне редко фигурировавших в рамках анализа иных групп и признаков подгрупп. Аналогичным способом образовано 9 сербских пейоративов: с помощью формантов **-оња** (2 лексемы, от адъективной и глагольной основ), **-ар** (2, от субстантивных основ), **-ац** (2, от адъективной и глагольной основ, вторая в форме страдательного причастия), **-ко** (1, от глагольной основы в форме страдательного причастия), **-ак** (1, от адъективной основы), **-Ø** (1, от глагольной основы). Одна сербская лексема представляет собой композит (сложно-суффиксальный способ): *мртвопувало* ‘размазня’ ← *мртав* ‘мертвый’ + **-о-** + *пувати* ‘дуть, вонять’ + **-ло**.

В словенском и сербском языках присутствует ряд аналогичных метафор, характеризующих слабохарактерного, трусливого человека (как правило, мужчину): *baba/жена* ‘женщина, баба’ → ‘слабак, «баба»»; *cunja, capa/шоња, крпа* ‘тряпка’ → ‘тряпка – бесхарактерный, безвольный человек»; *zajec/зец* ‘заяц’ → ‘заяц, трус’. Словенское *copata* ‘тапочка’ (а также редкое *šlapa*) аналогично по образной структуре сербскому

суффиксальному деривату *panučar* ← *panuča* ‘тапочка’ + **-ар**. Отдельные переносы по сходству встречаются в рамках лексического материала лишь одного из языков: слов. *cucek* ‘шавка’ → ‘трус, бояка’, слов. *rit* ‘зад’ → ‘слабак, трус’; серб. *mrљина* ‘падаль’ → ‘слабак, тряпка’, серб. *мама* ‘мама’ → ‘баба, тряпка’. Наиболее существенные различия в словенской и сербской языковых картинах мира выявляются на примере сербского *миш* ‘мышь’ → ‘трус’ (в словенском языке данный ЛСВ у аналогичной лексемы *miš* отсутствует, а деминутив *miška* ‘мышка’ обладает даже положительной коннотацией: «Kakšna *miška*!» («Какая детка!» – о привлекательной женщине).

Словенская лексема *beba* не обладает явным мотивирующим признаком на синхронном уровне, хотя ономотопея и семантическая связь с устаревшим *beba* ‘девушка’ и сербским/хорватским *беба/beba* ‘ребенок’ очевидны. К числу заимствований относятся слов. *šleva* (из немецкого языка) и серб. *муџа2* (из турецкого).

Статистические данные свидетельствуют о количественном преобладании словенских лексем над сербскими в составе данной подгруппы. Обилие пейоративных номинаций трусливого человека уже отмечалось в работах лингвистов в качестве специфической черты словенского языка (см. [Kržišnik 2013: 18]). Вполне вероятно, что данная черта характера не только воспринимается словенцами негативно с точки зрения общечеловеческих ценностей, но и осознается как один из существенных недостатков собственного менталитета, см. пример подобной точки зрения из Интернета: «Ko vidim kaj ljudje delajo za svoje pravice, lahko rečem da smo Slovenci prave *mevže* znižajo jim plače pa že proterstirajo pa razbijajo, pri nas se dogaja podobno, pa mi samo gledamo...» («Когда я вижу, что люди совершают ради своих прав, могу смело сказать, что мы, словенцы – просто слюнтяи... им снижают зарплаты, а они протестуют и громят [здания], у нас происходит то же самое, а мы просто смотрим... » Интернет, 2010).

В то же время необходимо уточнить, что в словенском сегменте подгруппы также присутствует более высокий процент лексем, используемых для номинации частного признака «трусость» как проявления слабохарактерности, нежели в сербском, ср.: слов. *reva*, *usrane*, *revček*, *cucek*, *pezde*, *boječka*, *strahopetnež*, *revše*, *zajec*, *boječnež*, *malodušnež*, *strahopezdljivec*, *plašnež*, *kilavec2*, *kapitulant*, *ščene1*, *drekač1*, *piškavec2* и другие малоупотребительные единицы, серб. *усранко*, *паничар*, *зеџ*, *сероџа*, *миш* и отдельные редкие лексемы. Таким образом, в сербском языке большинство пейоративов, включенных в подгруппу «Трусость, слабохарактерность», относится не к центру, а к периферии и используется в качестве специализированных номинаций для характеристики бесхарактерного, изнеженного мужчины: *млакоџа*, *жена*, *мама*, *шоџа*, *мрџина* и другие

лексемы, преимущественно женского рода, например: «Папа Фрања је умиљат, скроман и комуникативан човек, али то не значи да је *млакоња*» («Папа Франциск — любезный, скромный и общительный человек, но это не значит, что он мямля» *Интернет*, 2013). В целом же, как в том, так и в другом языке отсутствуют единицы, являющиеся гендерно маркированными по женскому полу.

Периферийное положение в данной подгруппе занимают также слов. *copata* и серб. *папучар*, обозначающие подкаблучника — мужчину, зависящего от собственной жены, и таким образом приближающиеся к признаковой подгруппе «Зависимость, пассивность», см. пример из сербского: «Не долази у обзир да ми мушкарац кува! Какав је то мушкарац? Млакоња! *Папучар!*» («Я и представить себе не могу, чтобы мужчина мне готовил! Что это за мужик? Рохля! Подкаблучник!» *Интернет*, 2012). В использованных словарях данные единицы обозначены пометами *iron.* (*ironično*) и *up.* (*uponično*), однако из приведенного контекста очевидно превалирование негативной оценки.

В рамках аксиологической системы носителей обоих языков качества «трусость» и «слабохарактерность» относятся к числу резко осуждаемых, что подтверждается наличием ряда единиц высокой степени негативной экспрессивности: слов. *drekač, osrane, pezde, rit, osranec, strahopezdljivec, usrane, sračka*; серб. *сероња, усранац, усранко, усра*.

3.28 Упрямство

	Словенский	Сербский
Упрямство	<i>trmoglavac?</i> , <i>osel</i> ² , <i>trdovratnež</i>	<i>јогуница</i> , <i>магарац</i> ² , <i>намћор</i> ² , <i>прангија</i> (0)

Подгруппа «Упрямство» насчитывает 3 словенские и 4 сербские лексемы. Среди них присутствуют метафорические дериваты: слов. *osel*/серб. *магарац* ‘осел’ → ‘осел, упрямец’ (в обоих языках происходит совмещение с признаком «глупость») — а также серб. *прангија* ‘маленькая пушка, мортира’ → ‘упрямец, осел’. Две словенские единицы образованы суффиксальным способом (производные от адъективных основ с помощью формантов *-ec*, *-ež*), в сербском к такого рода дериватам относится один пейоратив (образован от адъективной основы, с помощью суффикса *-ица*). Одна из сербских единиц представляет собой немотивированный турцизм (*намћор*², нестандартная корреляция с признаком «ворчливость»).

3.29 Хитрость

	Словенский	Сербский
Хитрость	<i>(stari) lisjak?, maček?, lisica? (ж), spretnjakovič, jegulja, cigan (0), sulec (0)</i>	<i>(стари) лисац?, мачор?, лисица (ж), мачак, спретњаковић, циганин, лисичар (0)</i>

В составе подгруппы «Хитрость» (7 словенских и 7 сербских единиц) преобладают лексемы, образованные путем метафоризации, многие из которых обнаруживают аналоги в обоих языках: *(stari) lisjak/лисица*, *(стари) лисац* ‘лиса, (старый) лис’; *maček/мачор, мачак* ‘кот’; *cigan/циганин* ‘цыган’ → ‘хитрюга, пройдоха’. Компоненты *stari/стари* для пейоративов *lisjak/лисица* носят факультативный характер и, по сути, дублируют периферийную сему «опытность», содержащуюся в значении данных лексем, см., например: «Nasveti marketinškega lisjaka» («Советы (опытного?) хитреца в мире маркетинга» Profit, 2004). Пейоративность коннотации в такого рода контекстах практически полностью стирается. Отдельные малоупотребительные словенские метафоры не находят соответствий в сербском: *sulec* ‘лосось’ → ‘хитрюга, пройдоха’, *jegulja* ‘угорь’ → ‘хитрюга, пройдоха’. Две сербские лексемы относятся к числу суффиксальных производных, образованных с помощью формантов **-овић** и **-ар** (в обоих случаях от субстантивных основ), причем одна из них (*спретњаковић*) была заимствована словенским языком.

3.30 Чудачество, странная манера одеваться

	Словенский	Сербский
Чудачество, странная манера одеваться	<i>prismuknjenec?, maškara, prismuk?, šema2, jazbec, prifrknjenec</i>	<i>загуљенац (0), машкара (0)</i>

В состав данной подгруппы входит 6 словенских и 2 сербских пейоратива. Большая часть из них образована суффиксальным способом: 3 словенских (2 — путем присоединения форманта **-ес** к адъективной основе, один (м.р.) — с помощью нулевого суффикса от усеченной адъективной основы) и 1 сербский (формант **-ац** + адъективная основа). Две

метафоры в двух языках представляют собой аналоги: *maškara*, *šema2/машкара* ‘человек в маске и костюме для масленичного карнавала’ → ‘чучело гороховое, чудаковато одетый человек’ — хотя, как видно из таблицы, частотность упоминания словенской и сербской лексемы существенно различается. Отметим также специфически словенскую метафору *jazbec* ‘барсук’ → ‘чудак’, примеры употребления которой в корпусе и Интернете отсутствуют.

Уже по переводам отдельных лексем можно сделать вывод об условной границе, дифференцирующей наименования чудака (по поведению, складу ума и т.п.) и странно, неуместно одетого человека. Среди словенских пейоративов в число первых входят *prismuknjenec*, *prismuk*, *prifrknjenec* и *jazbec* (значение последнего, судя по словарной дефиниции, также включает сему «отчужденность, одиночество»), в число вторых — *maškara*, *šema2* (см. пример: «Sicer mi ni bil všeč njegov gestapovski plašč, frizura pa še manj, ampak na ulicah vidimo vsak dan še hujše *maškare*, kajnega?» («Мне вообще-то не нравился его гестаповский плащ, а прическа — тем более, но мы ведь каждый день на улицах видим пугала и похуже, не так ли?» *Dnevnik*, 2007)). О сербских единицах данной подгруппы, в силу их неупотребительности, можно рассуждать лишь на основе лексикографических источников, согласно которым в данном языке происходит аналогичное разграничение: *загуљенац* — ‘чудак, фрик’ (высокая степень экспрессивности) и *машкара* ‘чучело гороховое’. Пейоративность единиц первого подтипа имеет контекстуально обусловленный характер, см. пример из словенского языка, где отсутствует негативная оценка: «Pravzaprav bi ga lahko označil za dobrovoljnega *prismuknjenca* ... Resda je nemiren, toda prav nič nevaren in po naravi dobrodušen človek» («Честно говоря, я бы назвал его веселым чудаком... Он действительно буйный, однако совсем безобидный и по своей природе добродушный человек» *Arto Paasilinna, Tuleči mlinar*).

3.31 Шутовство

	Словенский	Сербский
Шутовство	<i>cirkusant?</i>	<i>циркусант?, лакрдијаш?</i>

Данная подгруппа не отличается лексической нагруженностью (1 словенская и 2 сербские единицы) и характеризуется вариативностью оценочного аспекта коннотации. Это касается как метафор: слов. *cirkusant*/серб. *циркусант* ‘цирковой артист’ → ‘клоун, шут гороховый (презр.)’ — так и сербского суффиксального деривата *лакрдијаш* (образован с

помощью форманта **-аш** от субстантивной основы). Тем не менее во многих контекстах употребления отрицательный оттенок коннотации достаточно очевиден, см. пример из сербского: «Марићу ти си обичан *циркусант*. Гост ти прича о озбиљним стварима у полицији а ти глумиш неког шаливицију и лупаш као отворен прозор» («Мариш, ты обыкновенный клоун. Гость тебе говорит о серьезных вещах в полиции, а ты изображаешь какого-то шутника и тарабанишь, как оконная створка» *Интернет*).

Далее рассмотрим признаковые подгруппы, представленные пейоративами только в одном из двух языков:

3.32 Властность, властолюбие

	Словенский	Сербский
Властность, властолюбие	<i>oblastnež?, slavohlepnež?, samopašnežl?, samosilnež? (0)</i>	-

3.33 Вульгарность

	Словенский	Сербский
Вульгарность	<i>nespodobnež, vulgarnež</i>	-

3.34 Завистливость

	Словенский	Сербский
Завистливость	<i>zavistnež, zavidnež</i>	-

3.35 Кокетство

	Словенский	Сербский
Кокетство	-	<i>намигуша (жс), намигљивац (0), намигивало (0)</i>

3.36 Лживость

	Словенский	Сербский
Лживость	-	<i>лажовчина, лажоња, лажура (0)</i>

3.37 Мстительность

	Словенский	Сербский
Мстительность	<i>maščevalnež?</i>	-

3.38 Непостоянство, ненадежность

	Словенский	Сербский
Непостоянство, ненадежность	<i>nestanovitnež?</i>	-

3.39 Нетерпимость, несдержанность

	Словенский	Сербский
Нетерпимость, несдержанность	<i>nestrpnež?</i>	-

3.40 Расчетливость

	Словенский	Сербский
Расчётливость	<i>računar?</i>	-

3.41 Ревнивость

	Словенский	Сербский
Ревнивость	<i>ljubosumnež?</i>	-

3.42 Самовлюбленность

	Словенский	Сербский
Самовлюбленность	<i>samoljubnež?</i>	-

3.43 Скучность

	Словенский	Сербский
Скучность	<i>dolgočasnež?, mona (сл.), dolgoveznež?, suhoparnež?</i>	-

Таким образом, среди подгрупп, объединенных определенными особенностями поведения и чертами характера, присутствует 12 с одним заполненным языковым сегментом (из них 10 представлены в словенском и 2 — в сербском). Общее число единиц, входящих в данные подгруппы, составляет 18 словенских и 6 сербских лексем.

Почти все словенские пейоративы, не находящие какого-либо соответствия в сербском языке, являются суффиксальными дериватами (17 единиц), 16 из которых образовано с помощью форманта *-ež* от адъективных основ и одна — с помощью форманта *-ar* (от глагольной основы). Исключение составляет итальянское заимствование *mona* ‘скучный, неинтересный человек’ (в языке-оригинале ‘женский половой орган’). Мы уже неоднократно подчеркивали, что многообразие словенских пейоративов со значением различных частных признаков напрямую связано со словообразовательной спецификой данного языка, в частности, продуктивностью суффикса *-ež*. Кроме того, говоря о лексической наполненности вышеперечисленных подгрупп в словенском языке, мы, как правило, имеем в виду наличие одной или двух единиц (за исключением подгруппы «Властность»), поэтому с точки зрения языковой картины мира, на наш взгляд, отсутствие соответствующих пейоративов в сербском не играет значительной роли.

Признаковые подгруппы, представленные исключительно сербскими пейоративами, также содержат главным образом суффиксальные дериваты, образованные с помощью формантов *-ло* (1 единица от глагольной основы), *-ац* (1, от адъективной основы), *-уша*, *-чина*, *-ура*, *-оња* (последние четыре — от субстантивных основ) Незаполненность словенского сегмента признака «лживость», скорее всего, не является релевантной, учитывая

высокую частотность нейтральных наименований лиц с данным значением: *lažnivec*, *prevarant*.

Мы полагаем, что больший интерес представляет собой наличие пейоративной коннотации у сербских *nomina personalia* со значением 'кокетка' (отметим, что, наряду с *намигуша* женского рода, в словаре присутствует также однокоренное существительное мужского рода *намигљивац* 'приблиз. ловелас'). Контексты употребления лексемы *намигуша* в Интернете не позволяют выявить однозначный негативный характер ее эмоциональной окраски, см. пример: «Чак је и помало злочест, као што зна бити злочеста млада *намигуша* која завађа кораком, забацивањем косе, кокетним кретњама руку па кад привуче пажњу, нестане иза угла» («Он [вкус вина] даже немного жесток, как умеет быть жестокой молодая кокетка, завлекающая походкой, потряхиванием волос, игривыми движениями рук и исчезающая за углом, стоит ей привлечь внимание» *Интернет*, 2014). Более того, для современного сербского языка являются естественными словосочетания «слатка, шармантна *намигуша*» («милая, очаровательная кокетка»). Можно было бы трактовать пейоративность данной лексемы как устаревшую лексикографическую помету, однако, например, современный сербский лингвист С. Ристич причисляет *намигуша* к единицам повышенной степени негативной экспрессивности (2-й из 3-х по её шкале) [Ристић 2004: 60]. Кроме того, одним из показателей наличия отрицательной оценки является присутствие лексемы в Интернет-словаре оскорбительных слов (*Речник народних погрдних назива*). Таким образом, пейоративность анализируемой единицы может служить отражением различного восприятия данного типа поведения носителями сербского и словенского языка. В свою очередь, в словенском языке ничто не указывает на наличие отрицательной коннотации у наименований лиц с подобным значением (*spogledljivka*, *koketa*).

Таким образом, можно подвести некоторые итоги анализа ЛСГ «Особенности характера и поведения», отличающейся значительной лексической нагруженностью и включающей в себя четыре более мелкие лексико-семантические группы («Отношение к работе, труду, профессии» (3.1), «Отношение к деньгам и прочим материальным благам» (3.2), «Поведение и отношение к третьим лицам» (3.3), «Речевые характеристики» (3.4)), а также 39 признаков подгрупп, не вписывающихся в их рамки.

1. ЛСГ «Особенности характера и поведения» насчитывает 445 словенских и 324 сербских ЛСВ. Как в сербском, так и в словенском языках лидерами по числу пейоративов (15 и более) являются признаковые подгруппы: «Болтливость» (43 единицы в словенском, 21 в сербском), «Трусость, слабохарактерность» (37

словенских и 18 сербских), «Похотливость, развратное поведение (свойственное женщине)¹» (21 единица в словенском и 24 в сербском), «Неотесанность, отсутствие культуры» (23 и 34 соответственно). В первых двух случаях наблюдается уже отмеченное численное преимущество словенского языка, в третьем результаты приблизительно равнозначны, а в четвертом замечен численный перевес пейоративов сербского языка. Несмотря на условность количественного критерия и не меньшую условность его интерпретации, не можем не отметить, что последний факт свидетельствует о высокой прагматической релевантности данного качества для носителей сербского языка. Некоторые различия также проявляются в рамках отдельных подгрупп, превалирующих в том или ином языковом сегменте: «Жадность, скупость, корыстолюбие» (20 единиц в словенском), «Жестокость, злость» (23 в словенском), «Отсутствие моральных принципов» (21 в словенском); «Лень» (16 в сербском), «Подхалимство» (17 в сербском). Однако, с нашей точки зрения, более релевантными для анализа и сопоставления языковых картин мира являются репрезентативные особенности некоторых мелких признаковых подгрупп: «Кокетство», «Разгульный образ жизни», «Медлительность».

2. Границы между признаковыми подгруппами внутри данной ЛСГ являются размытыми, имеют место также пересечения с иными группами. Такого рода диффузность объясняется главным образом, тем, что отдельные качества являются слабо дифференцируемыми или представляют собой частные проявления других («глупость» и «неотесанность, отсутствие культуры», «мелочность» и «мещанство», «ворчливость, склонность к постоянному нытью» и «навязчивость, докучливость» и др.).
3. В словообразовательном аспекте как в словенском, так и в сербском языках доминирует суффиксальный способ (однако статистические данные его использования различаются: более 62% единиц в словенском и более 40% в сербском). Существенную долю пейоративов данной ЛСГ составляют метафоры (27% в словенском языке и 36% в сербском), среди которых 52 случая межъязыковых семантических корреляций (имеется в виду число общих деривационных моделей).
4. Различия в метафорике двух языков в большинстве случаев отражены в наличии «лакун», нередко реализующихся благодаря присутствию в одном из языков архаичных лексем, связанных с реалиями народной жизни (слов. *ravšelj* 'невод', серб. *прапорац* 'колокольчик' и др.). Однако не находят соответствия и отдельные

¹ Данная совокупность классифицируется как подвид, а не подгруппа.

актуальные пейоративы (слов. *driska*, серб. *stipca* и др.), некоторые источники метафор демонстрируют различия в том или ином фрагменте языковой картины мира (слов. *zmaj*/серб. *zmaj*, слов. *miška*/серб. *миш* и др.).

5. Состав каждой из признаков групп характеризуется семантической неоднородностью, примеры проявления которой в смысловом и функциональном аспектах были рассмотрены выше.
6. Типичными женскими негативными качествами как для словенской, так и для сербской языковой картин мира в рамках анализируемой ЛСГ признаются «похотливость, развратное поведение», «стервозность», «легкомыслие, безрассудство», «болтливость» (последнее в большей степени проявляется в сербском, нежели в словенском). В сербском языке существенное число пейоративов, служащих для номинации лиц женского пола, содержит также подгруппа «Неряшливость, неопрятность». Самым ярко выраженным мужским негативным качеством для обеих языковых картин мира можно считать «трусость, слабохарактерность» (данная особенность также более четко просматривается при анализе сербского материала).

§4 Умственные способности, наличие таланта

		Словенский	Сербский
1	Бездарность	<i>nesposobnež?</i> , <i>šalabajzer?</i> , <i>nespretnjež?</i> , <i>nezmožnež</i> (0)	<i>неспособњакoвић</i> , <i>паламуд</i> (сл.), <i>неспретњакoвић</i> ²
2	Глупость	<i>bedak</i> , <i>norec?</i> , <i>idiot</i> , <i>butec</i> , <i>tepec</i> , <i>kreten</i> , <i>trapa</i> (ж), <i>osel</i> , <i>koza</i> (ж), <i>butalec</i> , <i>bebec</i> , <i>debil</i> , <i>sepec</i> , <i>teleban</i> ¹ , <i>butelj</i> , <i>terček?</i> , <i>terka</i> , <i>bizgec?</i> , <i>kura</i> (ж), <i>neumnež?</i> , <i>avša</i> (ж), <i>tele</i> , <i>teslo</i> ² , <i>gumpes</i> , <i>vol</i> , <i>bimbo?</i> , <i>bučman</i> , <i>opica</i> ² , <i>buksej?</i> , <i>prismoda</i> , <i>gos</i> (ж), <i>zarukanec</i> , <i>trdobučnež</i> , <i>trot</i> ¹ , <i>trapes</i> ,	<i>будала</i> , <i>идиот</i> , <i>кретен</i> , <i>мамлаз</i> , <i>глупача?</i> (ж), <i>глупан?</i> , <i>балван</i> , <i>коњ</i> , <i>магарац</i> ¹ , <i>говедо</i> , <i>коза</i> (ж), <i>клипан</i> , <i>гуска</i> (ж), <i>имбецил</i> , <i>блесан</i> , <i>тупација</i> , <i>кобила</i> ² (ж), <i>тутумрак?</i> (сл.), <i>главоња</i> ² , <i>коњина</i> , <i>бленто</i> , <i>мајмун</i> ² , <i>говече</i> , <i>теле</i> , <i>кокошка</i> (ж), <i>шмоклан?</i> , <i>блесавко?</i> , <i>магарчина</i> , <i>брав</i> , <i>тикван</i> ,

		<i>zabitež, topoglavec, nespametnež, šema1, čeh (сл.), nerodnež2, neroda2, trdoglavec, konj2, afna2, kobilа2 (ж), zagamanec?, abotnež, junec, debilnež, prismojenec, prismodež, bedakinja (ж), bik, kozel1, pepe?, trola (ж), lipe?, lola? (ж), lole?, urša? (ж), trap, bulec? (0), drvo (0), durak (0), jur (0), jure (0), kavka (ж, 0), lolak? (0), tnalo (0), trape (0), trapež (0), trapše (0)</i>	<i>букван, мазгов, звекан, зевзек, будак, сивоња, суклата, луцпрда?, веверица? (сл.), безмозговић, безмозгаиш, токмак, тунавко?, трапавац2, зврндов, биволчина, лудов, луда?, парип, трапавко2, трапавица (ж), буква, дрвендека, дандара2, зинзов, празнов, гушичица (ж), безјак (0), безјакуша (ж, 0), будалаковић (0), во (0), дедак (0), дрвендуна (ж, 0), дурак (0), звекановић (0), зврндовчина (0), зевзечина (0), зинзовчина (0), зукван (0), мазганац (0), полуствор (0), празнуља (ж, 0), самсов (0), токмачина (0), трто1 (0), тртов (0), ћулум (0), ћурак (0), шумиглавић (0)</i>
3	Избыток/ недостаток ума	<i> pametnjakovič?, pametnjak?, modrak (0), modrijarh (0)</i>	<i>паметњаковић?, мудросер, мудруља? (ж), спретњаковић?, мудроња?, мудрачина (0)</i>

Анализируемая ЛСГ представлена тремя подгруппами, каждая из которых в сущности выступает как определенная вариация семантического признака «глупость»: отсутствие умственных способностей как таковое, бездарность, или отсутствие таланта (интеллектуальная одаренность занимает в семантическом поле «талант» одно из

центральных мест), и эксплицированный признак «ум», в контексте пейоративности представляющий скорее как собственный антоним.

Словенский сегмент группы представлен 81 единицей, сербский — 88.

В словообразовательном аспекте суффиксальный способ был использован при деривации 42 словенских пейоративов, из которых 11 образовано с помощью суффикса **-ež** (10 — от адъективных основ, 1 — от субстантивной основы), 10 — **-(l)ec** (7 от адъективных основ, 2 — от субстантивной, 1 — от глагольной, три единицы *bizgec*, *butec* и *gumpec* также содержат компонент **-ec**, но не обнаруживают мотивирующего признака в современном словенском языке), 6 — путем прибавления форманта **-(š)e** (3 — от субстантивных основ, *pere*, *lole*, *līpe* — мотивация на синхронном уровне отсутствует), 4 — **-ak** (2 — от адъективных основ, 1 — от субстантивной, *lolak* — производящая основа не ясна), 4 — нулевого форманта (от субстантивной (2 единицы) и адъективной основ, *lola* — мотивация отсутствует), 2 — **-elj** (мотивация в обоих случаях не определена), по одному — суффиксов **-arh**, **-inja**, **-man** (все 3 — от субстантивных основ), **-ček**, **-ka** (от глагольных основ). В сербском суффиксальными дериватами, в свою очередь, являются 43 лексемы: 7 образовано с помощью форманта **-ан** (5 — от субстантивных, 2 — от адъективных основ), 6 — **-овић** (все — от субстантивных основ), 7 — **-(ч)ина** (все — от субстантивных основ), 5 — **-ов** (2 — от адъективных, 2 — от глагольных, 1 — от субстантивной основы), по 3 — **-ко** (все от адъективных основ) и **-Ø** (2 — от адъективных основ — 1 м.р. и 1 ж.р., 1 — от глагольной), по 2 — **-оња** (от субстантивной и адъективной основ), **-уља** (от адъективных основ), **-ица** (от адъективной и субстантивной основ), по 1 — **-ац**, **-ија**, **-ача** (от адъективных основ), **-уша** и **-ак** (от субстантивных основ), **-ара** (от глагольной основы). Три сербские лексемы образованы суффиксально-префиксальным способом: *безмозговић* ← **без-** + *мозг* ‘мозг’ + **-овић**, *безмозгаиш* ← **без-** + *мозг* ‘мозг’ + **-аиш** (подгруппа 2), *паламуд* ‘бездарь, пентюх’ ← *пасти* ‘упасть’ + *муд* ‘мужской орган (вульг.)’ + **-Ø** (подгруппа 1).

Сложение и сложно-суффиксальный способ образования пейоративов в словенском языке не представлены; в сербском языке путем сложения и присоединения форманта образованы 3 пейоратива: *шумиглавић* ‘дурная башка’ ← *шумити* ‘шуметь’ + *глава* ‘голова’ + **-ић**, *дрвендупа* ‘дура, тупица’ ← *дрвен* ‘деревянный’ + *дупе* ‘попа’ + **-Ø**, *мудросер* ‘умник, мудрила’ ← *мудар* ‘мудрый’ + **-о-** + *срати* ‘срать’ + **-Ø**. Предположительно тот же способ применялся и при деривации лексемы *луцпрда* ← *луцкаст* ‘придурковатый, глуповатый’ + *прдети* ‘пердеть’/ *прдачити се* ‘валять дурака’ + **-Ø**. Еще одно сербское наименование лица *тутумрак*, по-видимому, является производным от *туту* (ономатопея) и *мрак* ‘мрак, тьма’.

Как словенские, так и в сербские метафоры содержатся исключительно в подгруппе 2 «Глупость». В обоих языках перенос по сходству, как правило, базируется на наименованиях сумасшедшего человека или зоонимах. К первой категории относятся слов. *norec*, *idiot*, *kreten*, *bebec*, *debil* и серб. *идиот*, *кретен*, *имбецил*, *блесан*, *луда*, причем можно отметить постепенное стирание метафоры, лежащей в основе данных пейоративов, поскольку употребление данных слов в качестве вторичной номинации значительно частотнее их использования в прямом значении (за исключением лексем *norec* (слов.), *луда* и *имбецил* (серб.)).

Вторую категорию составляют названия животных, среди которых в качестве наименования глупца и в словенском, и в сербском языках используются следующие: осел (*osel1/магарац1*, *сивоња* ('серый осел, вол')), коза (*koza/коза*), теленок (*tele/теле*), курица (*kura/кокошка*), лошадь/конь (*konj2/коњ*, *парип*), кобыла (*kobila2/кобила2*), вол (*vol*, *bulec*, *junc/во*), обезьяна (*opica2*, *afna2/мајмун2*), гусыня (*gos/гуска*). В данном аспекте различия могут выявлены лишь на основе фактора частотности: сербское *коњ* более употребительно, нежели соответствующий словенский пейоратив; обратная ситуация возникает при сопоставлении словенского *vol* и сербского *во*.

Теперь рассмотрим названия животных, встречающиеся только в одном из языковых сегментов: в словенском это *bik* 'бык', *kozel* 'козел', *kavka* 'галка', *trot* 'трутень'; в сербском — *говедо*, *говече*, *брав* 'скотина', *мазгов*, *мазганац* 'мул', *биволчина* 'буйвол', *ћурак* 'индюк', *самсов* 'мастиф (порода собаки)'. Если в случае со словенскими пейоративами речь идет о нераспространенных и малочастотных лексемах (за исключением *trot*), то сербские метафоры со значением 'скотина' и 'мул' относятся к числу общеупотребительных, в первую очередь, в разговорной речи, например: «Онај Милан је бре прави *мазгов* када може овој да верује» («Этот Милан — настоящий идиот, если может верить этой бабе» *Интернет*, 2011). Что касается пейоратива(ов) с основным ЛСВ 'скот', то номинация со значением 'тупица', аналогичная сербскому *говедо*, присутствует и в словенском языке (*govedo*), однако в последнем случае, с нашей точки зрения, более ярко выражен семантический оттенок 'грубость, невоспитанность', а также общеоценочность: «Jaz moram trpeti vašo nestrpnost, ko pa jaz udarim nazaj mi pa rečete: “Lejga *kakšno govedo* od kristjana pa tako nestrpen”» («Я должен переносить вашу нетерпимость, а когда я отвечаю на удар, вы говорите мне: “Поглядите-ка, что за скотина этот христианин, как он нетерпим к нам”» *Интернет*, 2010). В сербском языке общая оценка, впрочем, также является возможной: «*Какво говедо* мораш бити да би разлупао ауто човеку!» («Каким скотом надо быть, чтобы разбить человеку машину!» *Интернет*).

Среди сербских лексем присутствует также пейоратив низкой степени негативной экспрессивности *веверица* ‘букв. белка’, обозначающий глупого, наивного человека: «Стварно си *веверица* ако мислиш да ће САД дозволити тако лако да им се ЕУ извуче из челичног загрљаја!» («Ты и вправду идиот, если считаешь, что США так легко позволят ЕС вырваться из стальных объятий!» *Интернет, 2013*). На наш взгляд, данная единица представляет собой не метафору, а каламбур, слияние существительного *веверица* и глагола *веровати* ‘верить’.

И в том, и в другом языке также встречаются метафоры, источник которых принадлежит к иным лексико-семантическим полям и группам: орудия труда (слов. *teslo* ‘тесло’, *серес* ‘цеп’), деревья и предметы из дерева (слов. *drvo* ‘полено’, *tnalo* ‘плаха’, серб. *буква* ‘бук’, *балван* ‘брус’), другие предметы и понятия (слов. *jur* ‘тысяча динаров (устар., разг.)’); названия национальностей (слов. *čeh* ‘чех’), иные номинации лиц или живых существ (слов. *žemal* ‘участник масленичного карнавала’, серб. *полуствор* ‘недоразвитое существо’). Как в словенском, так и в сербском языках присутствуют пейоративы с идентичной внутренней формой *биџпан* и *тикван*, в основе которых лежит метафора *биџа/тиква* ‘тыква’ → ‘башка’. Таким образом, общее число пейоративов, образованных путем метафоризации, в словенском составляет 28 единиц, в сербском языках – 28.

В обоих языках представлены немотивированные, в том числе заимствованные лексемы: 7 в словенском и 9 в сербском. В словенском языке к данному типу относятся *avša* и *urša* (точное происхождение доподлинно неизвестно), *trap* и *trola* (из немецкого языка), *durak* (из русского), *pametnjakovič* (из сербского или хорватского языка), а также *šalabajzer* (подгруппа 1 «Бездарность, отсутствие таланта»). Последняя лексема, по данным SNB [SNB: 350], заимствована из сербского, в котором употребляется в значении ‘лоботряс, шалопай’, не имеющем пейоративной коннотации. Среди сербских пейоративов традиционно выделяются турцизмы (*будала*, *зевзек*, *будак*, *токмак*, *ћулум*); из иных языков были обнаружены два заимствования: *мамлаз* (из венгерского) и *дурак* (из русского). Наряду с этим, отметим устаревший пейоратив *безјак*, по происхождению являющийся этнофолизмом, обозначающим носителей кайкавского диалекта, и лексему *суклата*, мотивация которой внутри сербского языка или иноязычное происхождение не были установлены.

Семантическая специфика пейоративов анализируемой ЛСГ главным образом базируется на различиях степени их негативной экспрессивности. В целом среди лексем данной группы отсутствуют единицы высокого градуса пейоративности (за исключением сербского *паламуд*): несмотря на функционирование таких наименований лиц, как, например, *bedak* и *будала*, *idiot* и *идиот*, *koza* и *коза* и др. в качестве бранных слов и близость

данных лексем к общей оценке, степень их негативной экспрессивности можно оценить как среднюю. Среди сербских номинаций присутствуют единицы, содержащие лексические элементы вульгарного характера: *мудросер* (*срати*) и *луцпрда* (*прдети*), однако, на наш взгляд, эти наименования лиц, безусловно, являясь стилистически сниженными, не отличаются ярко выраженной отрицательной коннотацией и обладают слегка ироничным оттенком. Спорные с точки зрения пейоративности лексемы, как и в рамках иных ЛСГ, отмечены знаком вопроса.

Рассмотрим некоторые функционально-семантические особенности входящих в данную группу единиц. Необходимо отметить, что отдельные из них сочетают в структуре своего лексического значения признак «глупость» с семой «упрямство»: в словенском языке к ним относятся *bik*, *trdoglavac* и *zagamanec*, в сербском – *главоња*². В отличие от пейоративов *osel*/*магарац*, в большинстве контекстов употребления вышеперечисленных лексем данный оттенок смысла не реализуется в качестве отдельного ЛСВ, см. пример: «У процесу денационализације овај *главоња* је требао да врати објекат првобитним власницима, али он на то није пристао и срушио га је из само њему знаних разлога» («В процессе денационализации этот тупоголовый упрямец должен был вернуть объект его исконным владельцам, но он отказался это сделать и снес его по причинам, известным лишь ему самому» *Интернет*, 2014). Тем не менее отдельные примеры использования данных единиц позволяют диагностировать ЛСВ ‘упрямец’, возможно, лишенное пейоративной коннотации. В первую очередь, это касается словенского *bik*: «Lahko ta komentar tudi zbrišeš, če želiš, ampak mnenje bo ostalo. Tudi v mnogih, ki ti ne komentirajo. Samo jaz sem morda tak *bik*, trmast in vztrajen, da se tudi tega lotim» («Ты можешь удалить этот комментарий, если хочешь, но мнение-то останется. Как и у многих, кто тебя не комментирует. Может быть, я один такой упертый и настойчивый “бык”, что берусь за это дело» *Интернет*, 2010).

Сербская лексема *луцпрда* отличается наличием иного смыслового оттенка, а именно «несерьезность, беспечность»: «Из његовог боемског живота рађала се његова музика. Иначе, био је врло озбиљан човек, није био *луцпрда*» («Его музыка рождалась из его богемной жизни. А вообще он был очень серьезным человеком, не каким-нибудь охламоном» *Интернет*, 2007).

При описании ЛСГ «Физические, внешние характеристики» мы уже касались вопроса сопряженности признаков «неуклюжесть, нерасторопность» и «глупость», «бездарность» как в словенском, так и в сербском языках. Данные таблиц (§1 и §4) свидетельствуют о том, что у словенских пейоративов *teslo* и *teľeban* количество упоминаний в качестве наименования глупца превышает число употреблений для номинации нерасторопного человека, в то время

как в случае с лексемами *nespretњаковић* и *nespretnež* наблюдается обратная ситуация. У отдельных сербских лексем, не включенных в подгруппу «Неуклюжесть» (*мамлаз, клипан, шмокљан, зевзек, паламуд, суклата*) также можно отметить наличие данной семы, однако следствием этого является не формирование нового ЛСВ, а способность упомянутых единиц служить в качестве обобщенной уничижительной номинации для мужчины (‘приблиз. пентюх’), например: «Да му фејсбук служи да би се мувао са неким девојкама мени иза леђа, онда би значило да је *клипан*, а ја полазим од претпоставке да се не забављам са *клипаном*» («Если “Фейсбук” ему нужен, чтобы кадрить девчонок у меня за спиной, значит он придурок, а я исхожу из убеждения, что с придурком я не встречаюсь» *Интернет, 2010*).

Единицы, входящие в подгруппу 3 «Избыток/недостаток ума», являясь пейоративами, по сути, служат для номинации лиц, чьи интеллектуальные способности ставятся под сомнение: «*Toliko o tem, da ne bodo ti komentariji samo neki politični pamfleti raznih pametnjakovičev*» («Это все говорю к тому, чтобы эти комментарии не превращались исключительно в политические памфлеты всяких там умников» *Интернет, 2010*). От единиц, составляющих подгруппу «Глупость», их отличает наличие эксплицированного во внутренней форме признака «ум» (либо «мудрость») и низкая степень негативной экспрессивности (выражение иронии, сарказма). В наибольшей мере сема «излишнее философствование, “умничание”» выражена в значении сербского пейоратива *мудросер*, граничащего с подгруппой «Болтливость»: «Стварно ми је мука више од појединих *мудросера* на овом форуму који лупетају како СРС неће власт» («Меня правда уже достали отдельные мудрилы на этом форуме, которые без умолку болтают о том, как СРС не хочет власти» *Интернет, 2008*).

При анализе специфики употребления пейоративов данной ЛСГ мы обратили внимание на некоторые типичные примеры использования отдельных лексем: так, словенское *vol* часто функционирует в контексте игры слов *vol* ‘вол’ и *voliti* ‘избирать’ (на выборах): «*Jaz teh volov že nisem izvolil*» («Я не избирал этих идиотов» *Kmečki glas, 2000*), «*Res me zanima kdo voli te vole*» («Мне правда интересно, кто избирает этих тупиц» *Интернет, 2011*) и т.п. Наряду с этим, словенский пейоратив *teleban* широко употребляется и в ЛСВ “чайник”, новичок, профан’, не имеющем негативной коннотации, см. названия книг: «*Računalnik za telebane*» («Компьютер для чайников»), «*Depresija za telebane*» («Депрессия для чайников») и т.п. Подобный ЛСВ (ближе к ЛСВ ‘профан’) приобретает и сербский пейоратив *тутумрак*, определяемый в словаре ([РМС]) как ‘мрачный человек’. Для современного сербского языка характерно его использование в совсем ином значении: «*Ја сам потпуни тутумрак за телефоне*» («Я совсем не разбираюсь в телефонах» *Интернет,*

2009), «Я сам, што се тиче електрике, *тутумрак*» («Что касается электричества, то здесь я профан» *Интернет*, 2011). Функционирование в качестве обычного уничижительного ‘болван, тупица’ также является возможным: «*Тутумрак један!*» («Вот тупица!»).

Особенностью рассматриваемой ЛСГ, в частности признаковой подгруппы «Глупость», является широкая репрезентативность наименований лиц женского пола как в словенском, так и в сербском языках. Отдельные из данных пейоративов не имеют соответствий мужского рода: слов. *avša, kura, gos, urša*, серб. *гуска, кокошка, празнуља, дрвендуна*. Помимо вышеперечисленных лексем, к числу непарных единиц, обозначающих лиц женского пола, с нашей точки зрения, относятся и *koza/коза*, поскольку корреляты *kozel/japaц* как в том, так и в другом языке обладают иным набором ЛСВ.

Таким образом, к общим особенностям рассмотренной группы – в первую очередь подгруппы 2 «Глупость», составляющей ее ядро – относятся: наличие значительного числа частотных метафор, широкая употребительность пейоративов в целом и их тенденция к выражению общей оценки, а также гендерная маркированность отдельных единиц. Различия словенского и сербского языков в данном случае проявляются главным образом в области метафор: как их частотности (*konj/конь, vol/во*), так и связанных с ними стереотипных образов (*мазгов, bik, серес* и т.п.).

§5 Взгляды, мировоззрение

		Словенский	Сербский
1	Консерватизм	<i>nazadnjak?, mračnjak, zadrtež, starokopitnež, nazadnjakar, nazadnjakinja? (ж)</i>	<i>назадњак?, мрачњак, натрагођа (0),</i>
2	Набожность	<i>побожњаковић (0)</i>	<i>робоžњakar, robožњak</i>
3	Неверие, богохульство	<i>brežbožnež?, rogan</i>	<i>ђаур, поганац, ђаурин</i>
4	Поддержка германизации	<i>nemčur, nemškutar</i>	-
5	Поддержка италянизации	<i>italijanaš, lahon</i>	-
6	Поддержка мадьяризации	<i>madžaron</i>	-
7	Сербоненавистничество	-	<i>србомрзац</i>

8	Ура-патриотизм	<i>narodnjakar1 (0), rodoljubar (0)</i>	-
---	----------------	---	---

Группа пейоративных номинаций лиц по взглядам и мировоззрению (17 единиц в словенском языке и 8 – в сербском) представлена в основном суффиксальными дериватами. 16 словенских суффиксальных производных образовано с помощью формантов: **-ar** (5 единиц, от субстантивных основ), **-ež** (3 — от адъективных основ), **-ak** (3 — от адъективных основ), **-on** (2 — от субстантивных основ), **-ur** (1 — от глагольной основы), **-aš** (1 — от субстантивной основы), **-inja** (1 — от субстантивной основы). Аналогичным способом образовано 5 сербских единиц: 2 с помощью форманта **-ak** (от адъективных основ), по 1 – **-oђa** (от адverbальной основы), **-ин** (от субстантивной основы), **-овић** (от субстантивной основы). Среди сербских пейоративов присутствует одна лексема, заимствованная из турецкого языка (*ђаур*), а также один композит: *србoмрзац* ← *Срб* ‘серб’ + **-o-** + *мрзити* ‘ненавидеть’ + **-ац**. Необходимо также упомянуть наличие аналогичных метафор в словенском и сербском языках (*pogan/поганац* ‘язычник’ → ‘безбожник’).

Следует отметить, что данная группа несомненно граничит с областью идентифицирующих пейоративов и во многом соотносится с наименованиями лиц по их религиозным, политическим убеждениям и т.п. Тем не менее приписывание какому-либо лицу определенных взглядов (не выражающихся в официальной принадлежности к какой-либо конфессии, партии, организации и т.п.), на наш взгляд, имеет субъективный и в ряде случаев оценочный характер. Данное разграничение является достаточно тонким, но принципиальным для настоящего исследования. В частности, это нечеткое различие может быть рассмотрено на примере словенской лексемы *pogan* ‘язычник’, один из ЛСВ которой представляет собой нейтральное идентифицирующее название лица, обозначающее представителя определенного религиозного течения, а другой – пейоративную номинацию неверующего человека, в первую очередь, с позиции христианина (христианки). Важным с точки зрения природы пейоративности является тот факт, что мотивация присвоения объекту последней номинации базируется на словах, действиях, внешнем виде и т.п. данного объекта, оцениваемых субъектом номинации в соответствии с его системой ценностей, например: «In bog je ustvaril zemljo v sedmih dneh, ter sveto pismo je edina in prava resnica o zgodovini človeštva, vsi, ki drugače mislijo, so debili in *pogani*, a ne?» («И Бог сотворил землю за семь дней, Священное писание – единственная правда об истории человечества, а все те, кто думает иначе – дебилы и безбожники, не так ли?» *Интернет*, 2010).

В сербском сегменте подгруппы 3 необходимо также провести границу между лексемами *ђаур*, *ђаурин*, обозначающими неверующего с точки зрения представителя ислама (т. е. немусульманина), и *поганац*, представляющим собой номинацию более обобщенного характера (как правило, атеиста с позиции христианина). Ни одна из этих единиц, однако, не относится к числу общеупотребительных, а наиболее распространенные обозначения для неверующего (*неверник*, *безбожник*) не имеют эмоциональной коннотации, что, впрочем, не лишает их возможности приобретать ее в речи: «Само нечовек и *безбожник* може да скрнави гробове» («Только недочеловек и безбожник может осквернять могилы» *Интернет*, 2014).

Что касается остальных подгрупп, то наибольшее число пейоративов, как в словенском, так и в сербском языках, содержится в подгруппе 1 «Консерватизм». Лексемы *nazadnjak/назадњаk* в обоих языках употребляются в значении ‘отсталый от моды, несовременный (во внешних проявлениях) человек’: «Vse to vzpostavlja okolje, v katerem že veljaš za *nazadnjaka*, če nimaš (najnovejšega) računalnika» («Все это создается средой, в которой ты считаешься отсталым, если у тебя нет (последней модели) компьютера» *Delo*, 2000). В свою очередь, словенское *zadrtež* в SSKJ определяется как «trdovraten, zagrizen človek» («упрямый, упертый человек») [SSKJ], но примеры употребления данной лексемы свидетельствуют о том, что имеется в виду именно приверженность консервативным взглядам: «Če se ti zdi nekaj preglasno, to pomeni, da si star. Težko je zahtevati, naj glasbo utišajo, ne da bi bil videti *zadrtež*, ki se ne zna zabavati» («Если тебе что-то кажется слишком громким, значит, ты старый. Не так-то просто потребовать, чтобы музыку сделали потише, и не прослыть при этом старпером, не умеющим развлекаться» *Jana*, 2005).

Остальные подгруппы (2, 4, 5, 6, 7) в обоих языках включают в себя лишь единичные номинации представителей определенных взглядов, отличающиеся различным характером частотности.

§6 Привычки, пристрастия

		Словенский	Сербский
1	Наркозависимость	<i>džanki</i> (сл.), <i>drogeraš</i> (сл.), <i>narkič</i> (сл.), <i>drogerašica</i> (сл., ж), <i>fiksar</i> (сл.)	<i>наркос</i> (сл.), <i>наркић</i> (сл.), <i>дрогераш</i> (сл.), <i>наркоманчина</i> , <i>манки</i> (сл.), <i>дрогош</i> (сл.), <i>фиксер</i> (сл.), <i>манкоза</i> (сл.)

2	Обжорство	<i>požeruh, požeruhinja</i> (ж), <i>jedež, pojeděž?</i> (0), <i>pojeduh</i> (0), <i>požerun</i> (0)	<i>гладница, ждероња, цревоња,</i> <i>ждера</i> (0), <i>ждералица</i> (0), <i>трпуљина</i> (0)
3	Пристрастие к чтению	<i>knjigožer?, knjigobrbec?</i>	-
4	Пьянство	<i>pijandura, kravaž, goba</i> (сл.), <i>pijančina, žolna</i> (0)	<i>пијандура, алкос</i> (сл.), <i>испицутура, бекрија?,</i> <i>шљокара</i> (сл.), <i>шљокација</i> (сл.), <i>локадур,</i> (сл.) <i>вуцимешина</i> (0), <i>локало</i> (0), <i>чутура</i> (0), <i>шљемара</i> (0), <i>шљокар</i> (0)

Рассматриваемая группа включает в себя четыре признаковые подгруппы, три из которых связаны с пагубными пристрастиями, одна же представлена исключительно словенскими лексемами, служащими для номинации любителей чтения. Обращает на себя внимание тот факт, что как в том, так и в другом языке отсутствуют общеупотребительные пейоративы для номинации обладателей такой вредной привычки, как курение.

Эмоционально окрашенные наименования лиц, обозначающие пьяниц и наркоманов, характерны для различного рода социолектов, поэтому разграничение жаргонизмов и общераспространенных на разговорном уровне лексем представляло определенную сложность. По нашим данным, анализируемая ЛСГ включает в себя 18 словенских и 26 сербских единиц. Из них суффиксальным способом образовано 9 словенских пейоративов: использовались форманты **-ež** (2 единицы, деривация от глагольных основ), **-uh** (2, от глагольных основ), **-ica** (1, от субстантивной основы), **-inja** (1, от субстантивной основы), **-un** (1, от глагольной основы), **-ar** (1, от глагольной основы), **-ina** (1, от адъективной основы). При деривации 21 сербского пейоратива по 2 раза использовались форманты **-oc** (от субстантивных основ с усечением), **-ица** (от адъективной и глагольной основ), **-ара** (от глагольных основ), и **-оња** (от глагольной и субстантивной основ), по одному – **-ић** (от субстантивной основы с усечением), **-аш**, **-ош**, **-оза** (от субстантивных основ), **-чина**, **-(д)ура** (от адъективных основ), **-(д)ур**, **-ер**, **-ија**, **-ар**, **-ло**, **-Љ** (ж.р.), **-уљина** (от глагольных основ)). Такое численное преимущество сербских суффиксальных производных обусловлено не только преобладанием сербских единиц в данной ЛСГ в целом, но и тем фактом, что отдельные словенские лексемы (*drogeraš*, *narkič* и *pijandura*) были заимствованы из

сербского языка (сведения относительно первых двух единиц содержатся в лексикографическом источнике [SNB: 119, 229]).

Две словенские и две сербские лексемы образованы путем сложения или сочетания сложения с суффиксацией: *knjigožer* ‘книжный червь’ ← *kniga* ‘книга’ + **-o-** + *žrati* ‘жрать’ + **-Ø**, *knigobrbec* ‘книжный червь’ ← *knjiga* ‘книга’ + **-o-** + *brbati* ‘рыться, ковыряться’ + **-ec**; *испичутура* ‘пьянь, алкаш’ ← *испити* ‘выпить’ + *чутура* ‘фляга, баклажка’, *вуцимешина* ‘пьянь, алкаш’ ← *вуцити* ‘тащить’ + *мешина* ‘пузо’. В сербском сегменте единственной метафорой является *чутура* ‘фляга, баклажка’ ← ‘пьянчуга’, в словенском присутствуют три переноса по сходству *krava* ‘корова’, *goba* ‘губка’¹, *žolna* ‘дятел’ ← ‘пьянчуга’. Стоит отметить, что ни одна из приведенных метафор не отличается высокой частотностью, но в то же время сравнительные фразеологические обороты (*piti kot krava/goba/žolna*) в словенском языке сохраняют свою актуальность.

Словенский материал включает в себя 4 заимствования, в том числе ранее перечисленные сербизмы, а также *džanki* (от английского *junkie*). Аналогичная лексема англоязычного происхождения присутствует и в сербском языке (*манки*), наряду с турцизмом *бекрија*.

Стоит также обратить внимание на распределение дериватов различного характера по подгруппам. Подгруппа 3 включает в себя исключительно композиты, подгруппа 2 — только суффиксальные дериваты. В подгруппах 1 и 4 также преобладают суффиксальные производные, однако среди деривационных средств фигурируют специфически жаргонные форманты (серб. **-ос**, **-оза**), в отдельных случаях сочетающиеся с усечением основ.

Семантический аспект рассмотрения данной ЛСГ требует комментария главным образом в отношении степени негативной экспрессивности наименований лиц. Для начала уточним, что лексемы, входящие в подгруппу 2 «Пристрастие к чтению»: *knjigožer*, *knigobrbec* — были включены нами в список пейоративов на основе данных SSKJ, в котором данные единицы маркированы пометой *slabš*. Между тем, с нашей точки зрения, отрицательная оценка в семантике данных лексем характеризуется факультативностью и может реализоваться лишь в отдельных, не диагностированных нами случаях (ЛСВ ‘заучка’). В целом же подобного рода наименования лиц представляют собой экспрессивные, но нейтральные с точки зрения оценки единицы: «Sem pa obupni knjigofil in *knjigožer*, svoje čase sem bil po knjižnicah stalna stranka, sedaj pa imam svojo lastno miniknjižnico» («Я же безнадежный библиофил и книжный червь, в свое время я был постоянным посетителем библиотек, а теперь у меня есть собственная мини-библиотека» *Интернет*, 2006).

¹ Аналог данного пейоратива присутствует в сербском жаргоне (*сунђер* ‘букв. губка’ → ‘алкаш’ [Knežević 2010: 44]).

Во-вторых, все лексемы (как словенские, так и сербские), входящие в подгруппу «Наркозависимость», относятся к сфере новой лексики и функционируют прежде всего на уровне сленга. Данный лексический слой заведомо обладает эмоциональной окраской, однако характер и наличие оценки при этом могут варьироваться в зависимости от контекста и субъекта номинации. В первую очередь, здесь играет свою роль фактор приближенности и отдаленности от социального круга, являющегося объектом номинации (наркоманов). См. пример: «Matthewa Perryja <...> je na losangeleškem turnirju badmintona mularija zmerjala z bajsom in *narkičem*» («На турнире по бадминтону, проходившем в Лос-Анджелесе, мелкота обзывала Мэтью Пэрри жирдяем и наркотой» *Hopla*, 2006). В то же время в следующем контексте данная лексема выступает в качестве самоназвания: «”Z vami, pijanci, je skoraj huje kot z nami *narkiči*”, je vskočil Miha» («”С вами, алкашами, едва ли не хуже, чем с нами, торчками”, – встрял в разговор Миха» *Nedeljski dnevnik*, 2009).

Различия, касающиеся собственно денотативного макрокомпонента лексем, связаны главным образом с дифференциацией сербских лексем *гладница* и *ждероња*, относящихся к подгруппе «Обжорство» (3). Второй из данных пейоративов употребляется только в прямом значении («обжора»), первый же способен выражать также переносное значение («жадина, карьерист»): «Такав зна да води бригу јер је домаћин и радан човек! <...> Није <...> *гладница* која се дохватила положаја зарад личног интереса!» («Такой человек умеет обо всем позаботиться, ведь он настоящий хозяин и трудяга! <...> Не <...> какой-нибудь карьерист, дорвавшийся до должности из-за личных интересов!» *Интернет*, 2010).

Среди сербских единиц подгруппы 4 «Пьянство» выделяется лексема *бекрија*. Пейоративность этой номинации неоднозначна, поскольку ее значение близко к понятию «кутила, гуляка». Приведем контекст, в котором отрицательная оценочность выражена достаточно явно: «Жене су чудо природе. Воле грубе и безобразне мушкарце. <...> Увек су их *бекрије* привлачиле, а не фини момци» («Женщины – чудо природы. Они любят грубых и бесстыжих мужчин.<...> Их всегда привлекали повесы (пьяницы?), а не хорошие парни» *Политика*, 2006).

В отношении гендерного критерия следует заметить, что единственными маркированными по женскому полу пейоративами являются словенские лексемы *drogerašica* и *požeruhinja*, однако в обоих языках присутствует достаточное число лексем женского (в словенском) и общего рода (в сербском), способных употребляться в качестве наименования для лиц обоих полов (*pijandura/нијандура*, *krava*, *шљокара*, *шљокација* и др.).

Выводы

Общее число рассмотренных нами ЛСВ, относящихся к категории «Частнооценочные пейоративы», составляет 685 словенских и 532 сербские единицы. В качестве основных способов деривации и выражения пейоративности для данной категории как в словенском, так и в сербском языках выступают суффиксация и метафоризация. В словенском языке присутствует наиболее продуктивный формант, являющийся «лидером» по числу дериватов в большинстве ЛСГ (из 10 групп в 8) – это суффикс со значением общей субъективной оценки **-ež** (общее число дериватов – 156). Данный формант присоединяется главным образом к адъективным (*zadrtež*), реже к субстантивным (*barabež*) и глагольным (*jedež*) основам. Также среди часто используемых для деривации суффиксов следует упомянуть нейтральный суффикс **-ec** (41 лексема, модели образования от адъективных (*kimavec*) и глагольных (*svetohlinec*) основ) и **-ač** (35 единиц, производные от глагольных (*nergač*) и субстантивных (*jezikač*) основ). Вышеупомянутые форманты представляют собой совершенно иные средства по сравнению с суффиксами, примененными для образования идентифицирующих пейоративов (**-ar**, **-uh**, **-(č)e**).

В сербском языке наблюдается иная ситуация: в каждой из групп присутствует свой формант-лидер с узкоспециализированным значением, свойственным той или иной группе (подгруппе). В частности, для ЛСГ «Физические и внешние признаки» наиболее частотным суффиксом является **-оња** (7 единиц), служащий для образования наименований лиц по выдающейся части тела (субстантивная основа – *главоња*) или иному внешнему признаку (адъективная основа – *грдоња*), для группы «Речевые характеристики» – формант **-ло** (15 единиц), присоединяющийся к глагольным основам (*кричало*), для группы «Привычки, пристрастия» – исконно жаргонный суффикс **-ос** (две лексемы, деривация от субстантивных основ с усечением: *алкос*). В рамках анализируемой категории, содержащей разнообразные и разноплановые по семантическим и формальным признакам пейоративы, невозможно выделить формант (или форманты), дериваты которого(ых) отличаются явным численным преимуществом. Чаще всего используется модель образования номинаций лиц от глагольных основ с помощью суффикса **-ло** (20 единиц, например, *блебетало*), чуть реже – модели с участием формантов: **-(ч)ина** (18 пейоративов, от субстантивных основ: *лажовчина*), **-оња** (18 лексем, от субстантивных (*носоња*), глагольных (*ждероња*) и адъективных (*млакоња*) основ), **-ац** (17, как правило, от адъективных основ: *неотесанац*), **-овић** (17, от субстантивных основ: *неспособњаковић*). Таким образом, аугментативные суффиксы (в частности, **-(ч)ина**) присутствуют в рамках категории частнооценочных пейоративов, но не являются доминирующими формантами.

Анализ метафор, используемых в словенском и сербском языках в качестве уничижительных наименований лиц, показал, что в целом для данных языков характерно: а) использование аналогичных образов, приобретающих идентичное значение в двух языковых картинах мира (*svinja/свиња* ‘толстяк, грязнуля’, *opica/мајмун* ‘имитатор, дурак’, *čigan/циганин* ‘плут, пройдоха’, *provincialec/провинцијалац* ‘деревенщина’ и др.); б) функционирование в одном из языков образа, не являющегося актуальным для другого (серб. *караконџула* ‘караконджула’ → ‘уродина’, серб. *ситничар* ‘коробейник’ → ‘мещанин, мелочный человек’, слов. *teslo* ‘тесло’ → ‘тупица’, слов. *bunka* ‘шишка’ → ‘толстуха’ и др.). Если первый подтип включает в себя как высокочастотные, так и малоупотребительные лексемы, то в рамках второго подтипа широко распространенные пейоративы оказываются в меньшинстве. Последнее утверждение верно также в отношении метафор, используемых в словенском и сербском языках для номинации разноплановых качеств (*škorpijon/акрен, puran/ћурак*) и отличающихся характером коннотации (*zmaj/змај*). Наибольшее число дифференцирующих черт двух языков в области метафорики было обнаружено при рассмотрении материала пейоративов подгруппы «Глупость». Приведем несколько примеров метафор данной признаковой подгруппы, функционирующих в одном языке и неактуальных для другого: слов. *sepec* ‘цеп’, *čeh* ‘чех’, *šeta* ‘участник масленичного карнавала’; серб. *мазгов* ‘мул’, *буква* ‘бук’. В словенском языке к подгруппе «Глупость» относится и один из ЛСВ слова *trot* ‘трутень’, отсутствующий в сербском, причем в обоих языках данная лексема также служит для номинации носителя другого признака: «тунеядство, прихлебательство». Помимо этого, релевантные для двух языков различия могут проявляться в частотности тех или иных пейоративных метафор (*konj/коњ*).

Использование иных средств выражения пейоративности (сложение, сложно-суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный способы, метонимизация, каламбур) носит нерегулярный характер. Среди немотивированных лексем в сербском языке следует выделить заимствования из турецкого языка (*баксуз, циција, мангун* и др.).

С точки зрения количественного критерия, наиболее богатыми пейоративными наименованиями лиц оказались признаковые подгруппы «Глупость», «Болтливость», «Похотливость, развратное поведение» (свойственное женщине), «Неотесанность, отсутствие культуры». В словенском языке, в отличие от сербского, к числу такого рода лексически нагруженных подгрупп следует отнести также «Трусость, слабохарактерность» и «Жестокость, злость». С учетом гендерного критерия (в первую очередь, наличия маркированных по женскому полу лексем) наиболее отрицательными «женскими» чертами и качествами в сербском и в словенском языках признаются «похотливость, развратное

поведение», «глупость», «болтливость» (в сербском выражено более ярко, нежели в словенском), «уродство, внешняя непривлекательность», «полнота» (особенно в словенском), «легкомыслие, безрассудство». В сербском языке среди качеств, представленных преимущественно номинациями лиц женского пола, присутствуют также «неряшливость, неопрятность» и «кокетство». С нашей точки зрения, приведенные различия характеризуются определенной культурной маркированностью, которая может быть связана как с современными стереотипами (и автостереотипами), так и с традиционным мировоззрением.

ГЛАВА V. ОБЩЕОЦЕНОЧНЫЕ ПЕЙОРАТИВЫ

Отличительной чертой общеоценочных пейоративов, в отличие от идентифицирующих и частнооценочных единиц, является отсутствие связи с каким-либо конкретным признаком, нивелирование мотивации негативной оценки. Можно утверждать, что в основе значения рассматриваемой категории пейоративов лежит выражение отрицательной эмоции, негативного отношения, однако при этом, в отличие от междометий и обценной лексики в ее классическом понимании, общеоценочные пейоративы содержат сему лица. Характерной функцией для единиц, составляющих данную категорию, является использование в качестве бранных слов, что демонстрирует корреляцию семантики и прагматики.

При общем анализе номинаций, включенных в число общеоценочных пейоративов, основное разграничение было произведено на базе дифференциальных сем 'лицо' и 'группа лиц'. Таким образом, в особую группу 2 «Плохие, никчемные люди» были выделены собирательные *nomina personalia* (соб.). Группа 1, денотатом которой является единичный объект номинации, в свою очередь, была подразделена на две подгруппы на базе семантики: «Плохой человек» (подгруппа 1a) и «Никчемный человек» (1б). Представители первой подгруппы, как правило, отличаются более высокой степенью негативной экспрессивности (способность эксплицировать гнев, ненависть и иные сильные эмоции), пейоративность лексем из второй подгруппы выражена менее ярко (пренебрежение как основной мотив для выражения эмоции). Два описанных типа пейоративов могут быть взаимосвязаны и получать реализацию в рамках одной единицы, что оговорено нами отдельно.

		Словенский	Сербский
«Лицо»			
1a	Плохой человек	<i>baraba, svinja2, drek, gnoj, smet, falot?, govno, rit2, gnida, smrad, prasec4, prasica3 (ж), barabin, mrha (ж), ničvrednež, krota, zмене, prase, kuzla (ж), pizdun, fakin, zoprnež, svinjar, nesnaga,</i>	<i>гад, смрад, гњида, скот, нсето, говно, ђубре, кучка (ж), свиња3, олош2, нитков, шупак, фукара, цукела, ништарија, гадура (ж), куја (ж), говнар, смрдљивац2, битанга, бараба, вуцибатина2,</i>

		<i>pokveka2, capin?, drekač2, zajebanec, smrdljivec2, smrduh2, barabon, pasek2, škodljivec, podgana, pes, psica (ж), barabež, uš, kanalja, grdoba2, grdavž2, grdavš2, negodnež, grdež, grdun, grduh2, govnač, drekobrbec, garjavec, odvratnež, podganar, nagnusnež, nečednež, negodnik, nevrednež, priskutnež, zanikrnež3, grdobež, nevšečnež, negode, capinka? (ж, 0), gnusnica (ж, 0), gnusnik (0), gosenica (0), grdunka (ж, 0), guncvet (0), hudobijan (0), huncvet (0), klinec (0), mrhač (0), mrhež (0), nagnusnik (0), negoda (0), neslanež (0), prepeljuh (0), priskuta (0), smrde (0), snet (0), stonoga (0)</i>	<i>фуњара, мангун2, прасац2, хуља, крмак2, злоћа, наказа2, муфљуз, уштва (ушта), сплачина, стрвина2, паише, џукац, несрећа, шуга, кујетина (ж), угурсуз2, шугавац, гмизавац, копилан2, кер, брука, вашка, кучак, измет, пас, мрцина2, фурда, рђа, шуфт, погануља (ж), буба, погаништина, тарафунда, шуша, смрдибуба, нитковица (ж), шугавица (ж), асичина (0), багаж (0), гадина (0), крмалија (0), нитковић (0), оваквик (0), оваковац (0), оваковић (0), онаковац (0), палаворда (0), тишљивац (0), тишљивка (ж, 0), поганов (0), погановић (0), рђаковић (0), смрдель2 (0), смрдиврана (0), сплачинуша (ж, 0), угаса (0), улеп (0), уш (0), шебек (0), штрангов (0)</i>
16	Никчемный человек	<i>nihče, ničla, ničē, polčlovek, podčlovek, prdec, перотембнеž?, figa</i>	<i>нико, нула, прдоња, никоговић, ништа, којекаковић (0), никаковић (0), свакојаковић (0)</i>
«Группа лиц»			
2	Плохие, никчемные люди	<i>golazen (соб.), drhal (соб.), zalega (соб.), sodrga (соб.),</i>	<i>олош1 (соб.), марва1 (соб.), ђубрад (соб.), багра</i>

		<i>svojat</i> (соб.), <i>mrčes</i> (соб.), <i>živina</i> ² (соб.), <i>smetje</i> (соб.), <i>meso</i> (соб.), <i>fakinaža</i> (соб., 0)	(соб.), <i>шлям</i> (соб.), <i>светина</i> (соб.), <i>гамад</i> (соб.), <i>месо</i> (соб.)
--	--	--	--

Рассматриваемый материал насчитывает 97 словенских общеоценочных пейоративов и 98 сербских (одна из лексем упоминается дважды). Среди словенских наименований лиц суффиксальными дериватами являются 43 единицы: в рамках подгруппы 1а пятнадцать из них образовано с помощью форманта **-ež** (13 – от адъективной основы, 2 – от субстантивной), по 3 – с помощью **-ač** (все 3 от субстантивных основ), **-ec** (2 — от адъективной основы, 1 — от глагольной (страдательное причастие)), и **-ik** (все 3 от адъективной основы), по 2 – с использованием суффиксов **-ar** (оба от субстантивной основы), **-in** (оба от субстантивной основы), **-ka** (оба от субстантивной основы), **-un** (от адъективной и субстантивной основ), **-Ø** (оба от адъективных основ) и **-e** (от глагольной и адъективной основ). Единичные пейоративы содержат форманты **-on** (образование от субстантивной основы), **-uh** (от глагольной основы), **-ica** (от адъективной основы) и **-ek** (от глагольной основы). В подгруппе 1б суффикс (**-ež**) был использован при деривации только одного пейоратива (от адъективной основы). Группа 2 включает в себя две лексемы, образованные с помощью формантов **-je** и **-aža** от субстантивных основ.

Общее число сербских уничижительных наименований лиц, образованных суффиксальным способом, составляет 36 единиц: в подгруппе 1а 5 пейоративов образовано с помощью форманта – **-ac** (3 – от адъективной основы и 2 – от местоименной), четыре содержат суффикс **-овић** (2 из них образованы от местоименной основы и 2 от адъективной); по 3 – **-ов** (1 – от местоименной, 1 – от субстантивной и 1 – от адъективной основы) и – **-Ø** (два ж.р. и один м.р., все три от глагольных основ); по 2 – **-ица** (от субстантивной и адъективной основ) и **-(ч)ина** (оба от субстантивных основ) и по одному – форманты **-ура** (от субстантивной основы), **-арија** (от местоименной основы), **-ик** (от местоименной основы), **-ка** (от адъективной основы), **-ель** (от глагольной основы), **-оња** (от глагольной основы), **-уља** (от адъективной основы), **-уша**, **-етина**, **-че**, **-ар** (последние четыре – от субстантивных основ). В подгруппе 1б 4 единицы образованы с помощью форманта **-овић** (все от местоименных основ), в группе 2 две пейоративные единицы содержат суффиксы **-ина** и **-ад** (обе от субстантивных основ).

Префиксация была использована при деривации одной словенской лексемы: *podčlovek* ‘недочеловек’ ← **pod-** + *človek* (подгруппа 1б). Такой словообразовательный способ, как

сложение, не является характерным для общеоценочных пейоративов: к композитам относятся лишь одна словенская единица из подгруппы 1б *polčlovek* ‘недочеловек’ ← *pol* ‘половина’+ *človek* ‘человек’ – и одна сербская лексема из подгруппы 1а: *вуџибатина* ‘негодяй’ ← *вуџити* ‘тащить’ + *батина* ‘палка’.

Метафоризация представляет собой основной способ пейорации для данной категории как в словенском, так и в сербском языках. Специфика выбираемых образов напрямую связана с группой/подгруппой, в которую включена та или иная единица. Наибольшим разнообразием метафор, источники которых относятся к различным лексико-семантическим полям, безусловно, отличается подгруппа «Плохой человек» (1а). Нижеперечисленные источники переноса по сходству встречаются в обоих языках: а) названия неодушевленных объектов: испражнения (слов. *drek, gnoj, govno*, серб. *говно, измет*), мусор (слов. *smet, nesnaga*, серб. *ћубре*); б) наименования живых существ: свинья (слов. *svinja, prasec, prasica, prase*; серб. *свиња, прасац, крмак*), гнида (слов. *gnjida*, серб. *гњида*), собака (слов. *kuzla, pes, psica*; серб. *псето, кучка, џукела, куја, паише, џукац, пас, кер, кучак, вашка*), вошь (слов. *uš*, серб. *уш*); в) абстрактные существительные: неприятный запах (слов. *smrad*, серб. *смрад*); г) номинации лиц: обладатель неприятного запаха (слов. *smrdljivec, smrduh*, серб. *смрдљивац*), уродливый, некрасивый человек (слов. *pokveka, grdoba, grdavž, grdavš, grduh*; серб. *наказа*). Очевидные различия двух языков в данном аспекте выявляются при сопоставлении пейоративов с исходным значением ‘собака’: обращает на себя внимание не только значительная лексическая нагруженность сербского сегмента по сравнению со словенским, но и более высокая частотность этих единиц. В сербском языке в качестве пейоративов функционируют номинации со следующими первичными значениями: ‘пес, собака’ (*пас, вашка*), ‘пес’ (*кучак*), ‘сука’ (*кучка, куја*), ‘собака, щенок’ (*псето, паише*), ‘охотничий пес’ (*кер*), ‘дворняга’ (*џукела, џукац*). Словенский язык отличается существенно меньшим разнообразием вариаций значений: ‘пес, собака’ (*pes*), ‘сука’ (*kuzla, psica*). В то же время в области названий другого животного, свиньи, в словенском и сербском языках наблюдается количественный баланс используемых гендерно-возрастных наименований, большинство которых, как следует из таблицы, являются широко употребительными: ‘свинья’ (слов. *svinja, prasica*, серб. *свиња*), ‘свинья, хряк’ (слов. *prasec, prase*, серб. *прасац*), ‘хряк’ (серб. *крмак*). Отдельно следует упомянуть пейоративы *baraba* (слов.) и *бараба* (серб.), в основе которых лежит «стертая» метафора, связанная с прецедентным именем Варрава (евангельский персонаж).

Перейдем к анализу различий метафорики словенских и сербских пейоративов в рамках данной подгруппы (1а). В словенском языке мы обнаруживаем следующие переносы

по сходству, отсутствующие в сербском: названия живых существ (*mrha* ‘слабое животное, клыча’, *krota* ‘жаба’, *podgana* ‘крыса’, *drekobrbec* ‘навозный жук’, *stonoga* ‘многоножка’), болезней (*snet* ‘головня’), неодушевленных объектов (*klinec* ‘клин’), частей тела (*rit2* ‘задница’), действий (*prdec* ‘пук’). Среди сербских пейоративов, не имеющих аналогов в словенском, встречаются названия живых существ (*gad* ‘гад’, *skot* ‘скотина’, *buba* ‘жук’, *шуша* ‘комолый скот’, *смрдибуба* ‘полевой клоп’), частей тела (*шупак* ‘анус’), жидкостей (*сплачина* ‘помой’), неодушевленных объектов (*стрвина2*, *мрцина2* ‘падаль, дохлятина’, *фурда* ‘отбросы, обрезки’, *багаж* ‘багаж’, *смрдиврана* ‘сизоворонка’, *улеп* ‘вклейка’), болезней (*шуга* ‘парша, чесотка’), *nomina personalia* (*копила2* ‘бастард, незаконнорожденный ребенок’, *криалија* ‘разбойник’). Большая часть данных лексем, безусловно, носит архаичный характер (слов. *snet*, серб. *шуша*, *смрдиврана* и др.), однако в их число входят и отдельные высокочастотные единицы (слов. *mrha*, *rit2*, серб. *gad*, *шупак*, *сплачина*).

Подгруппа 1б характеризуется однообразием используемых для пейорации метафор. Как в словенском, так и в сербском языках в данной функции выступают числительное ‘ноль’ (слов. *ničla*, серб. *нула*) и отрицательные местоимения ‘никто’ (слов. *nihče*, серб. *нико*), ‘ничто’ (серб. *ништа*).

В группе 2, содержащей собирательные наименования лиц, в качестве метафор фигурируют следующие номинации: а) аналогичные друг другу: ‘насекомые-паразиты’ (слов. *golazen*, *mrčes*, серб. *гамад*); ‘мясо’ (слов. *meso*, серб. *месо*); ‘скот’ (слов. *živina*, серб. *марва*); б) различающиеся в двух языках: ‘орава’ (слов. *drhal*), ‘чернь, простонародье’ (слов. *svojat*), ‘отродье’ (слов. *zalega*), ‘хлам’ (слов. *sodrga*); ‘грязь’ (серб. *шљам*), ‘шайка’ (серб. *багра*). Характер используемых метафор свидетельствует о различных вариациях общей оценки: в случае выбора в качестве источника существительных со значениями ‘насекомые-паразиты’, ‘грязь’, ‘хлам’, ‘скот’, ‘орава’, ‘отродье’, ‘шайка’ на первый план выходят отрицательные моральные качества определенной группы людей или немотивированное презрительное отношение к ней, что подразумевает семантическую близость данных пейоративов к подгруппе «Плохой человек» (1а): см. пример из сербского языка с использованием лексики *гамад*: «Поред вежбица вожње моноцикла, певања и цртања, мали Севернокорејци се играју рата у којем бајонетима “закуцавају америчку *гамад*”» («Наряду с обучением езде на велосипедах, пению и рисованию, юные севернокорейцы играют в войну, в ходе которой штыками “забивают американскую мразь”» Интернет, 2012). В то же время лексемы с первичным значением ‘мясо’ схожи, но не идентичны в плане семантики с подгруппой 1б, поскольку отражают такие понятия, как «пассивность», «зависимость»,

«отсутствие каких-либо личностных качеств», см. пример из сербского: «Радници су незаштићени... Али то баш и не интересује некога ко би тиме морао да се бави... радници су обично *месо*» («Сотрудники никак не защищены... Но это особенно и не интересует тех, кто должен был бы этим заниматься... Служащие – это обыкновенное мясо» *Интернет, 2011*). Вышеперечисленные семантические компоненты также входят в структуру значения лексем *živina*² и *марва* (букв. 'скот') и могут быть выявлены в контекстах следующего типа (см. пример из словенского): «Elita so tam ljudje, vsi ostali so *živina*. Severna Koreja je človeška farma» («Только элита там считается людьми, все остальные – скот. Северная Корея – человеческая ферма» *Интернет, 2013*).

Таким образом, общее число пейоративных наименований лиц, образованных путем метафоризации, в данной категории составляет 41 единицу в словенском языке и 45 в сербском.

Случаи использования метонимии были выявлены главным образом в рамках подгруппы «Плохой человек» (подгруппа 1а), среди которых один пример относится к словенскому языку: *grdoba*² '(моральный) урод' ← '(моральное) уродство' – и 6 – к сербскому: *наказа*² '(моральный) урод' ← '(моральное) уродство', *несрећа* 'негодяй' ← 'беда', *брука* 'гад' ← 'стыд', *рђа* 'мерзавец' ← 'беда, несчастье', *погаништина* 'гад' ← 'мерзость, гадость', *злоћа* 'подлец, мерзавец' ← 'злость'. Представляется, что словенское наименование лица *figa* (подгруппа 1б) следует квалифицировать как метонимический дериват: *figa* 'никчемный, никудышный человек' ← *figa* 'никчемность, никудышность' (← 'фига, инжир').

Число немотивированных пейоративов, содержащихся исключительно в составе подгруппы 1а, в словенском языке составляет 5 единиц, каждая из которых представляет собой заимствование: *falot*, *huncvet*, *guncvet* (из немецкого языка), *fakin* и *kanalja* (из итальянского). В число десяти сербских лексем, наряду с турцизмами (*фукара*, *фуњара*, *мангуп*, *муфљуз*, *угурсуз*, *тарафунда*, *палаворда*, *шебек*), входит также мадьяризм *битанга*. Еще один сербский пейоратив *уштва* (*ушта*) по своему происхождению, судя по всему, является метафорой (в словаре RJAZU указывается на возможное наличие устаревшего ЛСВ со значением некоего орудия труда [RJAZU: 71]), однако в современном сербском языке данная единица не находит мотивирующей основы.

При собственно семантическом анализе общеоценочных пейоративов, в первую очередь, необходимо рассмотреть уже отмеченную выше размытость границ между подгруппами 1а и 1б. В подгруппу 1б были включены единицы, отражающие ЛСВ «никчемный, ничего не значащий человек», внутренняя форма которых в целом довольно

прозрачна (см. выше). При этом сербская лексема *ништарија* способна употребляться как в значении ‘гад’, так и в значении ‘никто, ноль’, см. примеры: 1) «И још једно питање које лебди без одговора: уколико се докаже да је преварант и лажљивац Џамбо истински помогао да се спаси много људских живота, како ћемо га назвати. Може ли херој истовремено бити и *ништарија*?» («И еще один вопрос остается без ответа: если будет доказано, что мошенник и обманщик Джамбо действительно помог спасти множество человеческих жизней, как мы его назовем? Может ли человек быть героем и негодяем одновременно?» *Интернет, 2014*); 2) «Био сам репрезентативац, таленат високог калибра. Онда је дошла повреда која ми је променила живот. Данас пет година касније сам једна обична *ништарија*, без посла, пара, девојке, и са 115 килограма» («Я был членом сборной, талантом высокого уровня <...> Но затем случилась травма, изменившая мою жизнь. Сегодня, спустя пять лет, я никто, без работы, денег, девушки, и вес у меня – 115 килограммов» *Интернет, 2014*). Данные лексикографических источников свидетельствуют о том, что сербский пейоратив *нечовек* (группа 3.19 «Отсутствие моральных принципов») также может использоваться для номинации никчемного человека, однако такого рода контексты не были нами зафиксированы.

Дифференциальными семами подгруппы 1а и группы 2 являются компоненты «лицо»/«группа лиц», что проявляется в грамматических особенностях и взаимосвязях отдельных пейоративов: сербская лексема *олош* была включена в обе группы, поскольку она может употребляться по отношению к единичному объекту номинации и к ряду объектов, а слов. *smet/smetje* и серб. *ћубре/ћубрад* соотносятся как формы единственного числа и существительные с собирательным значением. Словенская лексема *nesnaga* определяется в SSKJ как номинация лица, а не группы лиц, несмотря на то что источником метафоры является существительное *singularia tantum* (‘мусор’), и примеры использования в таком значении действительно превалируют : «...Na tem blesavem forumu objokujejo morilce, teroriste in podobne zločince. Na žrtve, ki so bile kruto umorjene od teh *nesnag*, pa prav lepo pozabljate» («...На этом дурацком форуме оплакивают убийц, террористов и прочих преступников. А о жертвах, жестоко убитых этими уродами, вы просто забываете» *Интернет, 2010*). В то же время контексты употребления данного пейоратива в качестве субстантива с собирательным значением (*sing. tantum*) также являются возможными: «Hitlerji in podobna *nesnaga* so produkt človekovega nerazumevanja smisla življenja!» («Гитлеры и прочая сволота – это следствие непонимания людьми смысла жизни!» *Интернет, 2010*).

Достаточно тонким является различие употреблений отрицательных местоимений, входящих в группу 2 (слов. *nihče*, серб. *нико, ништа*), в прямом и переносном смысле. Как

следует из таблицы, словенский и сербский материал объединяет наличие пейоратива с первичным значением 'никто', который содержит сему лица и обладает ЛСВ 'ничего не значащий, никчемный человек'. Данный ЛСВ четко противопоставлен нейтральным лексико-семантическим вариантам 'отсутствие людей', 'ни один из людей'. Предикативная функция для пейоративов *nihče*, *niko* является основной, хотя в словенском корпусе встречаются примеры использования *nihče* и в иной синтаксической роли (например, дополнения): «V času, ko se ljudje, ki se na slovenskih univerzah s posebno raziskovalno in predavateljsko pozornostjo posvečajo delu Franceta Prešerna, v dnevnem tisku razglāšajo za “nihčete” <...> se takšnemu stanju pravzaprav ne gre čuditi» («Во времена, когда людей, посвящающих себя творчеству Франце Прешерна и уделяющих ему особое внимание в преподавании и исследовательской деятельности, пресса называет никчемными <...> честно говоря, не стоит удивляться такому состоянию дел» *Delo*, 1999). В то же время лексема *nišita* 'ничто' при реализации аналогичного пейоративного ЛСВ употребляется только в предикативной функции: «Ако си prvi - onda si prvi, ako si drugi - onda si nišita» («Если ты первый – значит ты первый, если ты второй – значит ты ничто» *Интернет*, 2013). В данном случае также очевидна оппозиция прямого и переносного значений ('отсутствие чего-либо', 'ни один из предметов, явлений и т.п.' → 'никчемный, ничего не значащий объект'), но остается нерелевантной сама сема лица: следовательно, существование пейоративной антрополоксемы *nišita*, с нашей точки зрения, является спорным фактом.

Факультативность компонента «лицо» также свойственна семантической структуре пейоративов, источником метафоры для которых являются различные номинации испражнений (слов. *gnoj*, *drek* и *govno*; серб. *говно*), однако их синтаксический потенциал далеко не ограничивается предикативной функцией, см. пример из словенского языка на употребление одной из данных единиц: «Pedofilija je sicer prvovrstna svinjarija, a o tem lahko govorijo castni ljudje, ne pa komunisticna govna!» («Педофилия – это мерзость первого сорта, но об этом могут говорить только порядочные люди, а не всякое коммунистическое дерьмо!» (*прим.* – в оригинальном отрывке используется форма множественного числа) *Интернет*, 2010).

При рассмотрении метафорических переносов, характерных для данной категории, в числе прочих было упомянуто наименование лица как тип источника пейоративной метафоры. В частности, в качестве источников были названы отдельные лексемы со значением 'вонючка' и 'урод', отличающиеся наличием негативной коннотации и включенные в материал настоящего исследования. На наш взгляд, несмотря на то, что семантическая модификация здесь ограничивается рамками одного лексико-семантического

поля (персональности), в данном случае имеет место именно метафора, поскольку перенос происходит между двумя ЛСГ, различающимися по своей природе («внешние признаки» и «общая негативная моральная оценка»).

С другой стороны, два или более ЛСВ одного полисемичного слова со значением лица, могут быть связаны и иным видом взаимоотношений. Речь идет о многозначных лексемах, сочетающих значение ‘плохой человек’ (подгруппа 1a) со следующими ЛСВ: ‘непослушный, озорной ребенок’ (слов. *nerode, neroda*), ‘гуляка, повеса’ (серб. *угурсуз, мангун, штрангов*), ‘хулиган’ (слов. *fakin, falot*). В данном случае изменение значения предполагает не переход лексемы из одного ЛСП (или даже ЛСГ) в другое поле (группу), а лишь небольшой семантический сдвиг. В случае со словенскими лексемами *fakin, falot* такого рода сдвиг является наименее существенным, поскольку во многих контекстах использования данных единиц ЛСВ ‘негодяй’ и ‘хулиган’ с трудом поддаются дифференциации. Приведем примеры употребления словенской лексемы *fakin* в первом и втором значениях, а также недиагностирующий контекст: 1) «V prejšnjih filmih je reševal svet pred pravimi *fakini*, ki so hoteli uničiti svet» («В предыдущих фильмах он спасал мир от настоящих негодяев, которые хотели уничтожить мир» *Интернет*, 2010); 2) «Družila se je z vašimi *fakini* in skupaj z njimi nagajala deklicam» («Она общалась с деревенскими хулиганами и вместе с ними дразнила девчонок» *Hopla*, 2006); 3) «20-letni *fakin* je okoli 10. ure vlomil v vitrino in ukradel navigacijsko napravo, digitalno kamero ter bluetooth slušalko» («20-летний негодяй (хулиган?) около 10-ти часов утра разбил витрину и украл навигатор, цифровую камеру и наушник для Bluetooth» *Dnevnik*, 2008).

Природа корреляции ЛСВ ‘бродяга’ и ‘мерзавец’, ‘проходимец’ (слов. *baraba*, серб. *бараба, фукара, битанга, вуцибатина, фурда*) остается до конца не ясной: по всей видимости, в данном случае имеет место актуализация имплицитных семантических компонентов первого из них. Наиболее сложной структурой характеризуется значение сербского пейоратива *вуцибатина* (‘бродяга’, ‘негодяй’, ‘проходимец’, ‘лежебока’), однако, судя по контекстам употребления, общая оценка все же превалирует, см. пример: «И зашто само у Србији важи да хуља и *вуцибатина* може да преко ноћи постане богаташ и да то никоме не засмета?» («И почему только в Сербии мерзавец и проходимец может в одночасье обогатиться, и никто этому не помешает?» *Интернет*, 2014). Оба упомянутых в вышеприведенном примере пейоратива (*вуцибатина* и *хуља*) граничат также с признаковой подгруппой «Бесчестность» (ЛСВ ‘проходимец’, ‘прохвост’).

Среди особенностей динамики развития семантики отдельно взятых лексем следует отметить модификацию значения словенского пейоратива *mrha* (подгруппа 1a) по сравнению

с лексикографической дефиницией (SSKJ). В словаре никак не обозначена маркированность данной единицы по полу, в то время как упоминания в корпусе и Интернете свидетельствуют о том, что денотатом для нее являются лица женского пола. *Mrha* употребляется в значении ‘сука’, граничащем с частной оценкой (‘стерва’): «Evo sem spoznal drugače, kot si jo ti. Bolj temeljito. Zato lahko trdim, da je razvajena, nemoralna in sebična *mrha*» («Эву я изучил не так, как ты. Более тщательно. Поэтому могу сказать, что она избалованная, аморальная и эгоистичная сука» *Romana Berni, Ljubezen ni le beseda*). В соответствии с данными SSKJ, лексема также способна приобретать положительную коннотацию, связанную главным образом с характеристикой внешнего вида: «Irena se je obračala pred velikim stenskim ogledalom in z rahlo nečimrnostjo ugotavljala, da je kljub štiridesetim še vedno presenetljivo dobra *mrha*» («Ирена крутилась перед большим настенным зеркалом и с некоторым самодовольством осознала, что, несмотря на свои сорок, она все еще на удивление баба хоть куда» *Hopla, 2006*).

Полисемичная структура сербского слова *мрцина* (подгруппа 1a) включает в себя несколько эмоционально окрашенных ЛСВ, среди которых присутствует и общеоценочный вариант: «...треба оне *мрцине* из власти пребијати на смрт, зато што су ђубрад и олоши најгори» («Нужно этих *тварей* у власти избить до смерти, потому что дряни они, последний сброд» *Интернет, 2013*). В ряде единичных примеров может быть выявлен ЛСВ ‘лежебока, тунеядец’: «Имам ја блиског рођака који је таква *мрцина*: није хтео да учи школу, неће да ради физичке послове, неће да обрађује земљу на селу...» («Один мой близкий родственник такой лоботряс: не хотел ходить в школу, не желает заниматься физическим трудом, работать в поле...» *Интернет, 2012*). Новый ЛСВ, относящийся к области сленга, имеет экспрессивный характер (без негативной коннотации) и обозначает мужчину крупных габаритов, что таким образом создает контраст с первичным ЛСВ ‘падаль, дохлятина’: «Таква *мрцина*, слон, па се боји миша» («Такой здоровяк, слон, и боится мыши» *Интернет, 2012*).

Рассматриваемая категория пейоративов включает в себя отдельные единицы, маркированные по женскому полу: как в словенском, так и в сербском языках они представлены только в рамках подгруппы «Плохой человек» (1a) и среди них доминируют метафоры с первичным значением ‘сука’ (слов. *kuzla, psica* и серб. *кучка, куја, кујетина*). Если данные лексемы, наряду с рассмотренной выше слов. *mrha*, близки к понятию ‘стерва’, то серб. *гадура* может подразумевать под собой и непривлекательный внешний вид женщины: см. оппозицию: «Права лепотица или нека ружна *гадура*?» («Настоящая красавица или какая-нибудь безобразная ведьма?» *Интернет, 2014*). В сербском языке в

отличие от словенского (*prasica*), отсутствует маркированный по женскому полу пейоратив с первичным значением 'свинья', что, тем не менее, компенсируется наличием нейтральной в гендерном аспекте лексемы *свиња*.

Пейоративы, отличающиеся высокой степенью негативной экспрессивности, содержатся исключительно в подгруппе 1а: это слов. *drek, govno, gnoj, rit, gnida, kuzla, drekač2, govnač, drekobrbec, klinec, stonoga*, серб. *говно, шупак*. Обратим внимание на то, что в словенском и сербском языках эквивалентные лексемы (*gnida* и *гњида*) обозначены лексикографическими пометами различного характера эмоциональной окраски (*nizko* и *погрд.* соответственно). То же самое относится к пейоративам *kuzla (nizko)* и *кучка, куја (погрд.)*, в основе которых лежит аналогичная метафора. Число лексем, обозначенных вопросительным знаком, в данной подгруппе незначительно, что, в свою очередь, может свидетельствовать об общем небольшом проценте единиц низкой степени негативной экспрессивности, входящих в ее состав.

Пейоративы подгруппы 1б в обоих языках не отличаются ярко выраженной негативной окраской. Группа 2 включает в себя три словенских лексемы, маркированных словарной пометой *nizko (golazen, mrčes, živina2)*, в сербском же сегменте единицы высокой степени негативной экспрессивности отсутствуют.

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что основной объединяющей чертой общеоценочных пейоративов является зыбкость границ данной категории (так как общая оценка всегда является порождением частной), а также нечеткая дифференцируемость групп и подгрупп, выделяемых внутри нее. Как в словенском, так и в сербском языках общая негативная оценка имплицитно базируется на нарушении этических норм (подгруппа 1а) или отрицании значимости того или иного лица (подгруппа 1б). В рамках группы 2 может реализовываться и тот, и другой аспект.

Со словообразовательной точки зрения данная категория соотносится с частнооценочными пейоративами, о чем свидетельствует доминирование одних и тех же способов образования уничижительных номинаций лиц (метафоризация и суффиксация), а также сходство конкретных используемых средств, в частности следующих формантов: **-ež** в словенском языке (14 единиц, деривация от адъективных (*zoprnež*) и субстантивных (*barabež*) основ) и др.; в сербском: **-овић** (8 лексем, образование от местоименных (*никогович*) и адъективных (*поганович*) основ), **-ац** (3 единицы, от адъективных (*гмизавац*) и местоименных (*оваковац*) основ) и др.

Различия между словенской и сербской языковыми картинами мира, как и в случае с

частнооценочными пейоративами, проявляются главным образом в актуальности тех или иных метафор только для одного из языков: слов. *mrha*, *rit2*, серб. *гад*, *шупак*, *сплачина* и др. (подгруппа 1a), слов. *drhal*, *svojat*, *zalega*, серб. *шљам*, *багра* (группа 2) – а также в процентном соотношении номинаций лиц, связанных с тем или иным образом ('собака'). Кроме того, на примере данной категории становится очевидным несовпадение в двух языках границ высокой степени негативной экспрессивности, о чем свидетельствует использование словарных помет различного характера для эквивалентных и аналогичных единиц (*gnida* и *гњида*, *kuzla* и *кучка*).

ГЛАВА VI. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ЛИЦ, ОТЛИЧАЮЩИЕСЯ ПЕЙОРАТИВНОЙ КОННОТАЦИЕЙ

До настоящего момента объектом нашего анализа являлись исключительно однословные пейоративные наименования лиц (в единичных случаях добавление второй единицы было возможным, но носило факультативный характер и лишь дополняло полнозначную метафору: слов. *(stari) lisjak*, серб. *(matopu) keša*). На наш взгляд, целесообразно посвятить отдельный раздел *nomina personalia*, представляющим собой устойчивые словосочетания (фразеологизмы). В настоящей главе внимание фокусируется на субстантивных фразеологических единицах, функционирующих как полноправные номинации лиц, т.е. выступающих и в роли предиката, и в качестве иных членов предложения. Будучи ограниченными временем, местом и особенностями рассматриваемого материала, мы не будем вдаваться в подробности теоретических аспектов фразеологии; поясним лишь, что под фразеологическими единицами (далее: фразеологизмами, ФЕ) мы понимаем «семантически связанные сочетания слов и предложений, которые <...> не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [ЛЭС 1990: 559].

Принципы отбора единиц, характеризующихся пейоративной коннотацией, приобрели свою специфику в связи с использованием новых лексикографических источников (SSF, ФРСЈ). Часть ФЕ была зафиксирована нами уже при анализе материала неспециализированных толковых словарей (SSKJ, РМС, РСАНУ). В такого рода случаях мы руководствовались общими критериями пейоративности (см. одноименный параграф выше). Что касается вышеупомянутых фразеологических словарей, то лексикографическое маркирование словенских эмоционально окрашенных единиц в SSF полностью соотносится с пометами, примененными в SSKJ [SSF: 11]: к числу пейоративов мы отнесли субстантивные ФЕ, отмеченные сокращениями *vulg.*, *nizko*, *slabš.*, а также отдельные фразеологизмы с пометой *ekspr.*, способные приобретать отрицательную коннотацию в зависимости от контекста. Более сложную задачу представлял собой отбор сербских единиц из ФРСЈ. Маркирование ФЕ, отличающихся отрицательной эмоциональной окраской, в данном словаре присутствует (пометы *погрд.*, *вulg.*), но применяется достаточно редко и нерегулярно. В результате некоторые единицы средней или высокой степени негативной экспрессивности (например, *курвин син*) оказываются не обозначенными какими-либо

маркерами. С учетом того, что оценочные ФЕ являются экспрессивными по своей сути, при отборе материала из ФРСJ за основу была взята лексикографическая дефиниция единиц, позволяющая установить в семантике того или иного фразеологизма наличие негативного оценочного компонента (определение последнего также см. выше в Главе 2 §1 «Критерии пейоративности»).

Классификация фразеологизмов была составлена по тем же принципам, что и в предыдущих главах (применительно к лексемам), причем таблица ФЕ объединила в себе все выделенные нами категории пейоративов, внутри которых происходило распределение по признаковым подгруппам. Очевидно, что далеко не все упомянутые ранее признаки представлены фразеологическими единицами пейоративного характера; в то же время в приведенной ниже таблице нашли свое отражение отдельные признаковые подгруппы («Низкое положение в обществе», «Привередливость», «Слепое следование моде, странная манера одеваться»), включающие в себя исключительно устойчивые словосочетания и не представленные однословными пейоративами. Некоторые подгруппы были расширены и объединили в себе два признака (например, «Трусость» и «Плаксивость»), что связано с особенностями семантики анализируемых ФЕ.

Принципы классификации единиц на базе частотности употребления также полностью соответствуют критериям, примененным в отношении однословных пейоративов. Подчеркнем, что статические маркеры в таблице учитывают упоминания ФЕ только в качестве наименований лиц. Таким образом, отдельные высокочастотные фразеологизмы или их вариации были отмечены как упомянутые менее 50 раз: в частности, сербская ФЕ *празна тиква* чаще всего используется в значении 'голова', а *подгрејан леш* (также серб.) входит в состав сравнительного оборота с союзом *као* (например, *изгледати као подгрејан леш* 'выглядеть как «подогретый», живой труп').

В целом таблица фразеологических названий лиц, отличающихся пейоративной коннотацией, выглядит следующим образом:

		Словенский	Сербский
Идентифицирующие фразеологизмы			
1	Пожилой возраст	<i>stari prdec</i>	<i>стари прдоња</i>
2	Принадлежность к партии национал-социалистов	<i>rjave srajce</i>	-

3	Принадлежность к фашистской партии	<i>črne srajce</i>	-
Частнооценочные фразеологизмы			
4	Безответственность	<i>figa mož</i>	-
5	Бесхарактерность	<i>človek brez hrbtenice</i>	човек без кичме
6	Бесчувственность	-	човек од дрвета (0)
7	Внешняя непривлекательность	<i>grdi raček</i>	ружно паче, подгрејан леш (сл.)
8	Глупость	<i>kronani osel</i>	дупе глава, празна тиква, човек кратке (мале) памети, букова глава (0)
9	Жестокость, злость	<i>črna duša</i>	-
10	Избыток/недостаток ума		дрвени филозоф
11	Лень	-	лења буба
12	Навязчивость, назойливость	<i>podrepna tuha</i>	-
13	Неотесанность, отсутствие культуры	-	стока без репа (соб.)
14	Непрофессионализм	<i>mojster skaza?</i>	мајстор квариш?
15	Неуклюжесть, нерасторопность	-	везана врећа
16	Низкое положение в обществе	<i>majhna riba</i>	ситна риба, ситна зверка
17	Отсутствие моральных принципов	<i>črna ovca?, garjava ovca?</i>	продана (продата) душа, шугава овца?, црна овца?, пропала егзистенција, човек црна образа (0)
18	Подлость, коварство	<i>volk v ovčji koži</i>	вук у овчијој кожи
19	Полнота	<i>kurji britof, kurja smrt</i>	-
20	Похотливость,	<i>bela jetra? (сл., 0)</i>	-

	развратное поведение (свойственное женщине)		
21	Похотливость, развратное поведение (свойственное мужчине)	<i>babji gregor (0)</i>	-
22	Привередливость	-	фина гузица?
23	Пристрастие к чтению	<i>knjižni molj?</i>	књишки мољац?
24	Провинциализм, расточительство	<i>jara gospoda (соб.)</i>	-
25	Слабость (физическая)	-	<i>шака јада?</i>
26	Слепое следование моде, странная манера одеваться	<i>modna lutka? (0)</i>	-
27	Трусливость, плаксивость	<i>mila jera?</i>	задушна баба?, човек жабље крви (0)
28	Упрямство	-	<i>човек дренове главе (0)</i>
29	Хитрость	-	<i>циганска душа</i>
30	Худоба	<i>konjska smrt (0)</i>	<i>сена од човека (0)</i>
Общеоценочные фразеологизмы			
31	Плохой человек	<i>pasji sin, kurbin sin, levi razbojnik?, pasja duša</i>	курвин син, кучкин син, кујин син, ђавољи син, пасја сорта (соб.), говну брат, псећи син, ђаво од тетке (0), крмски син (0), шепаве кобиле син (0)
32	Никчемный человек	<i>bivši človek</i>	последња (задња) руна на свирали, бивши човек, девета руна на свирали (0)

Общее число словенских пейоративных ФЕ составляет 28 единиц (представленных в 23-х подгруппах из 32-х), сербских – 43 единицы (относящиеся к 22-м подгруппам из 32-х). Рассматриваемые фразеологизмы с точки зрения формы являются субстантивными определительными словосочетаниями, причем в большинстве случаев в функции зависимого слова выступает прилагательное (модель Adj + N): 20 ФЕ в словенском языке и 27 в сербском языке. Остальные фразеологизмы созданы по модели N + N или N (Adj + N).

Принципы описания фразеологизмов лишь частично соотносятся с описанием однословных пейоративов, поскольку ФЕ представляет собой комплексную структуру с различным типом внутренних взаимосвязей, в рамках которой внутренняя форма играет ничуть не меньшую роль, нежели денотат. Как пишет В.Н. Телия, «фразеологизмы различаются не столько по дифференциальным признакам значения, сколько – по коннотативным, непосредственно связанным с ассоциативно-образным содержанием внутренней формы фразеологизмов» [Телия 1996: 43].

Сопоставительный анализ словенского и сербского фразеологического материала с точки зрения внутренней формы показал, что среди пейоративных ФЕ присутствует 12 пар фразеологизмов-эквивалентов (т.е. единиц, полностью совпадающих как по значению, так и с точки зрения образной структуры): *stari prdec* и *стари прдоња* ‘старый пердун’, *človek brez hrbtenice* и *човек без кичме* ‘букв. человек без позвоночника, рус. бесхребетный человек’, *grdi raček* и *ружно паче* ‘рус. гадкий утенок’, *mojster skaza* и *мајстор кварии* ‘рус. мастер-ломастер’, *majhna riba* и *ситна риба* ‘букв. маленькая/мелкая рыба, рус. мелкая сошка’, *črna ovca* и *црна овца* ‘букв. черная овца, рус. паршивая овца’, *garjava ovca* и *шугава овца* ‘паршивая овца’, *volk v ovčji koži* и *вук у овчијој кожи* ‘волк в овечьей шкуре’, *knjižni molj* и *књишки молац* ‘букв. книжная моль, рус. книжный червь’, *kurbīn sin* и *курвин син* ‘букв. шлюхин сын, рус. сукин сын’, *pasji sin* и *псећи син* ‘букв. собачий сын’, *bivši človek* и *бивши човек* ‘букв. бывший человек, рус. никто, никчемность’. Отличия эквивалентов проявляются в их частотности: так, слов. *človek brez hrbtenice* более употребительно, нежели серб. *човек без кичме*, в то время как серб. *мајстор кварии* и *бивши човек* упоминаются в Интернете и корпусе чаще, нежели их словенские соответствия (*mojster skaza* и *bivši človek*).

Еще несколько фразеологизмов представляют собой внутриязыковые и межьязыковые аналоги, различающиеся отдельными образами, но не семантикой: серб. *ситна зверка* ‘букв. мелкий зверек’ и серб. *ситна риба* ‘букв. мелкая рыба, рус. мелкая сошка’, а также слов. *majhna riba* ‘букв. мелкая рыба, рус. мелкая сошка’; серб. *кучкин син*, *кујин син* ‘букв. сукин сын’, *ђавољи син* ‘букв. сын дьявола’, *крмски син* ‘букв. сын свиньи’, *шепаве кобиле син* ‘букв. сын хромой кобылы’ и серб. *курвин син*, *псећи син*, а также слов.

kurbin sin, pasji sin; слов. *pasja duša* ‘букв. собачья душа’ и серб. *pasja sorta* ‘букв. собачье отродье’. Различия данных лексических компонентов в целом не приводят к существенной дифференциации значений данных фразеологизмов. Все вышеперечисленные ФЕ принадлежат к числу фразеологических единств по классификации В.В. Виноградова [Виноградов 1977: 140-161], т.е. отличаются возможностью выводимости общей семантики ФЕ из значения их составных элементов.

Среди пейоративных единиц, не finding соответствия в каком-либо из языков также присутствуют фразеологические единства; в словенском языке это следующие ФЕ: *črna duša* ‘букв. черная душа → злой, жестокосердный человек’, *kronani osel* ‘букв. туповатый осел → набитый дурак’, *jara gospoda* ‘букв. новоиспеченные господа → стремительно обогатившиеся провинциалы, подражающие жителям крупных городов’; *podrepna muha* ‘букв. муха под хвостом → надоедливый, назойливый человек, приставала’, *modna lutka* ‘букв. модная кукла → модник; странно, нелепо одевающийся человек’. Среди вышеперечисленных ФЕ следует особо отметить специфически словенское устойчивое словосочетание *jara gospoda*, получившее широкое распространение благодаря одноименному произведению Янко Керсника. Фразеологизм *figa mož* также входит в число единств, поскольку он семантически связан с переносным значением слова *figa* ‘никчемный человек’ и содержит лексический компонент *mož* ‘зд. мужчина’, хотя составляющие данного ФЕ являются максимально связанными (встречаются даже слитные написания).

Теперь перечислим сербские единицы, относящиеся к категории фразеологических единств и не finding соответствия в словенском: *човек од дрвета* ‘букв. деревянный человек → бесчувственный человек’, *дупе глава* ‘букв. попа-голова → тупица’, *празна тиква* ‘букв. пустая башка’, *човек кратке (мале) памети* ‘человек недалекого ума’, *букова глава* ‘букв. буковая голова → дубовая голова’, *лења буба* ‘букв. ленивый жук → лежебока’, *стока без репа* ‘букв. скот, скотина без хвоста’, *везана врећа* ‘букв. связанный мешок → увалень’, *продана (продата) душа* ‘продажная душа’, *пропала егзистенција* ‘букв. пропащее создание’, *човек црна образа* ‘букв. человек с черным лицом, нечистой совестью’, *дрвени филозоф* ‘букв. деревянный, «липовый» философ’, *човек дренове главе* ‘букв. человек с «кизиловой», упрямой, глупой головой’, *циганска душа* ‘букв. цыганская, хитрая душа’, *сена од човека* ‘букв. тень человека; не человек, а тень → тощий человек’, *говну брат* ‘букв. брат говна → сволочь’, *задушна баба* ‘букв. душевный, сердобольный человек → нюня’, *шака јада* ‘букв. горсть бед → хиляк, слабак’ (17 единиц). Обращает на себя внимание существенное количество сербских фразеологизмов, содержащих лексический компонент *човек* ‘человек’ (*човек без кичме, сена од човека* и т.п.), большая часть которых, однако,

носит архаичный характер. Отметим также частотную ФЕ *лења буба* ‘букв. ленивый жук’ с пренебрежительным оттенком («Промена изискује напор, а човек је *лења буба*» («Изменения требуют усилий, но человек по своей сути лоботряс» *Интернет*), в рамках которой реализуются стереотипные представления о данном насекомом, не зафиксированные при анализе словенского материала. Наряду с этим, с нашей точки зрения, к фразеологическим единствам должен быть отнесен сербский пейоратив *подгрејан леш* ‘букв. подогретый труп → некрасивый, худощавый человек’, поскольку в его основе лежит, пусть и не очевидный на первый взгляд, перенос по сходству. Выражения *последња (задња) рупа на свирали/девета рупа на свирали* ‘букв. последняя (девятая) дырка на свирели → никчемный человек, ноль’ также следует классифицировать как фразеологические единства, о чем, в частности, свидетельствует взаимозаменяемость компонентов, входящих в их состав.

Остальные ФЕ в двух языках характеризуются высокой степенью спаянности составных элементов (фразеологические сращения): например, слов. *črne srajce* ‘букв. черные рубашки; фашисты’, *rjave srajce*¹ ‘букв. коричневые рубашки; национал-социалисты’ базируются на метонимическом образе, связанном с историческим прошлым (одеждой, которую носили представители соответствующих политических партий). Семантика следующих словосочетаний на синхронном уровне не выводима из значения их компонентов: *kurji britof* ‘букв. куриный могильник; толстобрюх’, *kurja smrt* ‘букв. куриная смерть; толстобрюх’, *bela jetra* ‘букв. белая печень; шлюха’, *konjska smrt* ‘букв. лошадиная смерть; худощавый человек’, *levi razbojnik* ‘букв. левый разбойник (еванг.); негодяй’ – а фразеологизмы *babji gregor* ‘бабник’ и *mila jera* ‘плакса, нюня’ включают в себя единицы, употребляющиеся только в составе данных выражений (**gregor* и **jera*).

Среди сербских ФЕ к сращениям относятся три единицы: *ђаво од тетке* ‘букв. дьявол, а не задница; мерзавец’, *фина гузица* ‘букв. нежная задница; привереда’, *човек жабље крви* ‘букв. человек с лягушачьей кровью; трус’ (последний фразеологизм демонстрирует интересный фрагмент языковой картины мира, не отраженный в семантике современного *жаба* ‘лягушка’).

Специфические особенности ФЕ заключаются не только во взаимосвязи их компонентов, но и в способах выражения пейоративности, обнаруживающих определенные отличия от однословных номинаций. Из 28 словенских фразеологизмов восемь содержат в качестве (главного или зависимого) лексического компонента ранее описанные пейоративные наименования лиц со следующей семантикой: 1) общеоценочного характера

¹ По данным РМС, фразеологические эквиваленты данных единиц присутствуют и в сербском языке, однако в упомянутом лексикографическом источнике они не обозначены какими-либо пометами эмоциональной окраски.

со значением: а) «плохой человек» (*pes* ‘собака’ (*pasji sin* ‘собачий сын, сукин сын’, *pasja duša* ‘букв. собачья душа; сукин сын’)); б) «никчемный человек» (*prdec* ‘пердун’ (*stari prdec* ‘старый пердун’), *figa* ‘фига’ (*figa mož* ‘ненадежный человек’)); 2) частнооценочного характера, служащих для номинации следующих конкретных признаков: «глупость» (*osel* ‘осел’ (*kronani osel* ‘набитый дурак’)), «жестокость» (*volk* ‘волк’ (*volk v ovčji koži* ‘волк в овечьей шкуре’)), «зависимость, пассивность» (*lutka* ‘кукла’ (*modna lutka* ‘раб моды’)), «похотливость, легкое поведение, свойственное женщине» (*kurba* ‘шлюха’ (*kurbin sin* ‘букв. шлюхин сын, сукин сын’)). Число сербских ФЕ, содержащих в качестве составных компонентов пейоративные номинации лиц, в свою очередь, составляет 13 единиц из 42. Среди них присутствуют те же категории пейоративов и отдельные совпадающие признаки: 1) общеоценочные: а) «плохой человек» (*nas* ‘собака’ (*nasja sorta* ‘собачье отродье’), *nceto* ‘собака, щенок’ (*nseћи син* ‘песий сын’), *кучка* ‘сука’ (*кучкин син* ‘сукин сын’), *куја* ‘сука’ (*кујин син* ‘сукин сын’), *крмак* ‘хряк’ (*крмски син* ‘букв. сын свиньи, сукин сын’)); б) «никчемный человек» (*прдоња* ‘пердун’ (*стари прдоња* ‘старый пердун’)); 2) частнооценочные, представленные признаками: «глупость» (*буква* ‘бук’ (*букова глава* ‘букв. буковая голова, дубовая голова’)), «неотесанность, отсутствие культуры» (*стока* ‘скот’ (*стока без репа* ‘букв. скот, скотина без хвоста’)), «жестокость» (*вук* ‘волк’ (*вук у овчијој кожи* ‘волк в овечьей шкуре’), *ђаво* ‘дьявол’ (*ђавољи син* ‘букв. дьяволов сын, сукин сын’, *ђаво од тетке* ‘букв. дьявол, а не задница, мерзавец’)), «похотливость, развратное поведение, свойственное женщине» (*курва* ‘шлюха’ (*курвин син* ‘сукин сын’)), «хитрость» (*Циганин* ‘цыган’ (*циганска душа* ‘букв. цыганская, хитрая душа’)).

Как нетрудно заметить, часть пейоративов, будучи преобразованными в лексические составляющие ФЕ, перенесла свое исходное значение на семантику всего фразеологизма (38% в словенском и 46% в сербском): это отдельные общеоценочные номинации, включающие компонент ‘собака’, ‘сука’ (слов. *pasji sin*, *pasja duša*, серб. *nasja sorta*, *nseћи син*, *кучкин син*, *кујин син*) и ‘свинья’ (серб. *крмски син*), а также названия лиц, связанные с конкретными признаками: «глупость» (слов. *kronani osel*), «неотесанность, отсутствие культуры» (серб. *стока без репа*) и «хитрость» (серб. *циганска душа*). В остальных же ситуациях семантика лексем в контексте конкретного устойчивого выражения пережила определенную трансформацию: как правило, это путь от частной к общей оценке (*kurbin sin*, *курвин син*, *ђавољи син*) либо модификация частного признака (*modna lutka*). Отметим также, что в случае со слов. *črna ovca*, *garjava ovca* и серб. *црна овца*, *шугава овца* значения ФЕ никак не связаны с семантикой соответствующих пейоративных ЛСВ слов. *ovca* и серб. *овца*

('глупый, зависимый человек') и базируются на совершенно ином образе. Данное утверждение верно и в отношении элемента *konj* в составе словенского ФЕ *konjska smrt*.

Для ряда фразеологизмов в качестве средства выражения пейоративности выступают иные типы негативно-окрашенной лексики, не относящейся к лексико-семантическому полю персональности. В частности, имеются в виду такие составляющие ФЕ, как слов. *britof* 'могильник' (*kurji britof*), серб. говно 'говно' (*говну брам*), *тетка* 'задница' (*ђаво од тетке*), а также стилистически сниженные номинации, близкие к зоне пейоративности (серб. *дупе* (*дупе глава*), *гузица* 'попа' (*фина гузица*)). Отдельно следует упомянуть словенский лексический компонент *skaza* 'испорченный предмет; тот, кто что-то портит/испортил' (фразеологизм *mojster skaza*), отмеченный маркером *ekspr.* в качестве отдельной лексемы.

Что касается остальных ФЕ, то негативная оценка и эмоциональная коннотация в данном случае основываются на их образной структуре, воспринимаемой как единое целое. В состав данных фразеологизмов, тем не менее, безусловно, могут входить лексические элементы, обладающие негативными ассоциациями экстралингвистического характера (слов. *smrt* 'смерть' (*konjska smrt*), серб. *леш* 'труп' (*подгрејан леш*) и т.п.).

Как и при анализе пейоративных лексем, мы коснемся вопроса степени негативной экспрессивности ФЕ. Руководствуясь словенскими словарными пометами *vulg.* и *nizko* как основными критериями, мы включили слов. *stari prdec* и *kurji britof* в число единиц высокой степени негативной экспрессивности. Также к данной группе пейоративов, с нашей точки зрения, следует отнести слов. *kurbin sin* и серб. *курвин син*, *стари прдоња*, а также, возможно, *говну син*, *ђаво од тетке*, поскольку пометами *vulg.*, *nizko*, *вулг.* были обозначены их отдельные составляющие (*kurba*, *курва*, *прдоња*, *говно*, *гузица*). Более высокой степенью экспрессивности, по сравнению с остальными лексемами, входящими в сербский сегмент подгруппы «Глупость», отличается ФЕ *дупе глава*, включающая в себя, как было отмечено выше, лексический элемент сниженного характера (*дупе*).

Ряд ФЕ, семантическая структура которых содержит негативный оценочный компонент, располагаются на границе между нейтральной зоной и зоной отрицательной эмоциональной оценки (в таблице данные единицы традиционно обозначены вопросительным знаком). Среди такого рода фразеологизмов необходимо выделить словенские и сербские ФЕ евангельского происхождения *črna ovca*, *garjava ovca* и *crna ovca*, *шугава овца*. Эти фразеологизмы обнаруживают отдельные семантические различия по сравнению с остальными единицами подгруппы «Отсутствие моральных принципов», поскольку обозначают лицо, выделяющееся отрицательными качествами в какой-либо среде. Данный ЛСВ, бесспорно отличающийся негативной коннотацией, реализуется в следующего

рода контекстах (см. сербский пример): «Недавно партијање у Вегасу није први скандал који ова “црна овца” британске краљевске обитељи има на свом попису. Кад је имао 17 година уловљен је како пуши марихуану и опија се...» («Недавняя пьянка в Вегасе – не первый скандал в послужном списке этой “паршивой овцы” британской королевской обители. В семнадцать лет его [принца Гарри] поймали выпивающим и курящим марихуану» *Интернет*, 2012). Однако в отдельных контекстах отрицательная оценка ослабевает или сводится на нет, вследствие чего данные ФЕ фактически выступают в роли квазисинонима фразеологизма *белая ворона* (серб. *бела врана*, слов. *bela vrana*) см. пример: «Да ли сте због вере породична *црна овца*?» («Чувствуете ли Вы себя паршивой овцой (белой вороной?) в семье из-за своей веры?» *Интернет*, 2012).

Значение сербского фразеологизма *продана (продата) душа* ‘продажная душа’, также относящегося к подгруппе «Отсутствие моральных принципов», в отличие от своих квазисинонимов, обнаруживает сему ‘предатель’, по сравнению с которой компонент ‘аморальный человек’ уходит на периферию, см. пример: «Зато треба сачекати и дати Николићу шансу да покаже ко је и какав је, и најпосле, ради ли у корист Србије или ће бити још једна *продана душа*» («Поэтому необходимо подождать и дать Николичу шанс показать, что он из себя представляет и наконец, действует ли он во благо Сербии или окажется очередной продажной душой» *Интернет*, 2012).

В одной из предшествующих глав уже упоминались словенские лексемы со значением ‘книжный червь’ (*knjigožer*, *knjigobrbec*) в связи со спорностью их пейоративной коннотации; отрицательная оценка является необязательной и для соответствующих фразеологизмов (и в словенском, и в сербском языках). Приведем пример из словенского языка, демонстрирующий ее очевидное отсутствие: «Lepo je videti, da *knjižni molji* še nismo ogrožena vrsta in lepo je biti v družbi takih, ki jim oči zažarijo, ko dobijo v roke kakšno zanimivo knjigo» («Как приятно видеть, что мы, книжные черви, еще не являемся вымирающим видом, и как здорово находиться в компании людей, у которых загораются глаза, когда они берут в руки интересную книгу» *Интернет*, 2009).

Сербская ФЕ *задушна баба* определяется в словарях как «услужливый, безотказный человек», что, таким образом, мотивационно связывает ее значение с ЛСВ прилагательного *задушан* ‘благородный, душевный’. В то же время данный фразеологизм, как правило, употребляется в сербском Интернете по отношению к мужчине в значении ‘нюня, нытик’, имеющем неодобрительный оттенок. Наиболее распространено использование данного выражения в составе сравнительного оборота (например, *кукати као задушна баба*), однако во многих случаях оно функционирует как полноценная номинация лица, например:

«Постали смо *задушне бабе* које непрестано ламентирају о одливу мозгова, о губљењу идентитета, система вредности, о затирању ћирилице...» («Мы превратились в нытиков, без конца жалующихся на утечку мозгов, утрату национальной идентичности и системы ценностей, гонения на кириллицу...» *Интернет, 2013*).

Слов. *grdi raček* и серб. *ружно паче* ‘рус. гадкий утенок’ относятся к числу прецедентных имен, связанных с прецедентным текстом (одноименная сказка Г.Х. Андерсона) и прецедентной ситуацией (превращение гадкого утенка в белого лебедя). Наличие последней обуславливает специфику употребления данной единицы: в семантической структуре данной ФЕ присутствует факультативная сема, связанная с процессом преобразования (произошедшим или гипотетическим), см. слов.: «*Lahko vsak grdi raček postane fataalka*» («Любой гадкий утенок может превратиться в роковую женщину» *Jana, 2008*).

В рамках данной главы мы не ставили перед собой задачу отдельного анализа пейоративов с собирательным значением и номинаций единичных объектов. Тем не менее отметим, что среди сербских фразеологизмов к грамматической категории *singularia tantum* относятся *стока без репа* и *пасја сорта*: «Народ за Ђорђа никад није био “стока без репа”» («Джордж никогда не относился к народу как к быдлу» *Интернет, 2014*). Словенская ФЕ *jara gospoda* также употребляется исключительно в единственном числе: «*V Belgravii tujcev skorajda ni bilo, dokler je pred nekaj leti ni odkrila ruska jara gospoda s polnimi denarnicami*» («В Белгравии почти не было иностранцев, до тех пор пока несколько лет назад ее не открыли для себя “новые русские” с тугими кошельками» *Slovenske novice, 2007*). Следует уточнить, что при переводе вышеприведенного примера был использован фразеологизм «*новые русские*», отражающий совершенно иную реалию, нежели словенский *jara gospoda*, и лишенный семантического компонента «провинциал, выбившийся в люди». Однако в данном случае выражение «*новые русские*» может служить в качестве контекстуального синонима ФЕ *jara gospoda*, поскольку эти две единицы объединяет наличие семы «из грязи в князи» и имплицитных компонентов значения «отсутствие вкуса, чувства меры», «стремление к расточительству», не говоря уже о том, что автор текста имел в виду представителей данной национальности (русские) и, вероятнее всего, данного социального класса («новые русские»).

Выводы

При сопоставлении словенских и сербских фразеологических наименований лиц, обладающих пейоративной коннотацией, выяснилось, что в обоих языках преобладает

модель словосочетания Adj + N. Большинство словенских и сербских ФЕ представляет собой фразеологические единства по классификации В.В. Виноградова (в сербском языке их доля выше, нежели в словенском: $\approx 90\%$ по сравнению с $\approx 67\%$). Однако пейоративные фразеологизмы, репрезентирующие специфические для каждого языка образы, как правило, содержатся среди фразеологических сращений (слов. *bela jetra*, *kurji britof*, серб. *фина гузица*, *човек жабље крви*), хотя есть и исключения, представляющие собой фразеологические единства (слов. *jara gospoda*, серб. *лења буба*). Межъязыковые фразеологические эквиваленты, в свою очередь, составляют меньшинство ($\approx 41\%$ в словенском и $\approx 26\%$ в сербском). Единицы, содержащие пейоративные номинации лиц в качестве составного лексического компонента, также немногочисленны (не более 30-31% и в том, и в другом языке), что свидетельствует о доминировании иных способов выражения эмоциональной оценочности негативного характера (в первую очередь, образной структуры фразеологизма).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексико-семантическая категория персональности может быть представлена в виде поля. Полевой характер данной категории доказывается наличием доминанты (*человек*) и ядра (центра) поля, обнаруживающего различия по отношению к доминанте либо в области отдельных периферийных сем (квазисинонимы: *лицо, персона*), либо в наличии ядерной семы «пол» (базовые наименования по полу: *женщина, мужчина*) или сем «пол» и «возраст» (номинации лиц по полу и возрасту: *ребенок, бабушка*). **Лексико-семантическое поле персональности** отличается также наличием обширной периферийной зоны, в которую входят четыре класса: реляционные наименования лиц, номинации лиц по профессии, роду деятельности и т.п., названия лиц по национальности, конфессии и т.п., характеризующие *nomina personalia*.

Пейоративные названия лиц относятся либо целиком к периферии, либо к пограничной зоне вышеупомянутого поля. Большинство уничижительных наименований входит в класс характеризующих номинаций лиц: согласно нашей дифференциации, это **частнооценочные** (со значением конкретного качественного признака) и **общеоценочные** пейоративы (со значением общей негативной оценки). В качестве названия для остальных пейоративов, представляющих собой номинации по полу и возрасту, национальности, профессии, реляциям и др., используется термин «**идентифицирующие** пейоративы». Представители данной категории располагаются в пограничных зонах между ядром и периферией (*девка*) или между различными классами, например, характеризующими названиями и номинациями лиц по профессии (*училка*).

В работе предлагаются **критерии пейоративности**, использованные при сборе словенского и сербского лексикографического материала. Наряду со словарными пометами, были введены дополнительные критерии, связанные с наличием негативного оценочного компонента и образной составляющей, а также определенных пейоративных формантов. Основное различие словенского и сербского материала в данном аспекте заключается в суффиксе **-ež**, являющемся одним из ключевых показателей эмоциональной составляющей в семантике словенских лексем. **Способы выражения пейоративности** в целом обнаруживают соответствия в словенском и сербском языках. Различия были установлены при анализе конкретных средств выражения негативной эмоциональной оценочности, в первую очередь, пейоративных формантов и нейтральных формантов в пейоративном употреблении (например, уничижительный характер суффикса **-in** в словенском языке, наличие в сербском языке особого форманта **-оња**, отсутствующего в словенском и т.д.).

Анализ **идентифицирующих пейоративов** позволил выявить существенные деривационные различия словенского и сербского материала, заключающиеся в доминировании в сербском языке суффиксов с количественным (главным образом, увеличительным) значением и превалировании форманта иного типа в словенском языке (-**ar** – нейтральный суффикс в пейоративном употреблении). Было установлено, что, как и предполагалось, большинство уничижительных наименований лиц по профессии и роду деятельности как в том, так и в другом языке обозначает женщин легкого поведения; однако в рамках данной ЛСГ было обнаружено также немало словенских и сербских номинаций писателей, характеризующихся, в отличие от вышеупомянутой подгруппы, низкой частотностью. *Nomina personalia*, семантика которых связана с национальностью, этническим происхождением и конфессией, отражают наибольшую внутриязыковую специфику, что в одинаковой степени относится как к пейоративным номинациям представителей иных народов, так и к самоназваниям. Следует особо отметить уничижительные номинации соседних народов (серб. *Baliija1*, слов. *jodlar* и др.) и иммигрантов (слов. *čefur*, *bosanec* и др.). Для сербских пейоративов характерна взаимосвязь ЛСГ «Национальность/место жительства/этническое происхождение/раса» и «Конфессия», разграничение которых представляет определенную трудность.

При рассмотрении **частнооценочных пейоративов** был обнаружен ряд семантических и функциональных нюансов не только в рамках одного языкового сегмента, но и при сопоставлении двух языков. Наиболее подробное и полное контрастивное описание отличает лексически нагруженные группы, содержащие номинации таких признаков, как: «физические и внешние характеристики», «материальное положение и (или) социальный статус», «речевые характеристики», «умственные способности, отсутствие таланта» и др. В результате контрастивного анализа семантики словенских и сербских пейоративов мы пришли к следующим выводам:

- 1) ЛСГ «Материальное положение и (или) социальный статус»: отдельные сербские лексемы, обозначающие богатое и влиятельное лицо (*скоројевић*, *скоростек* и др.), отличаются от словенских наличием смыслового оттенка «недавнее стремительное обогащение»;
- 2) ЛСГ «Отношение к работе, труду, профессии»: среди сербских пейоративов присутствует ряд особых номинаций человека, занимающегося бесполезным, недостойным делом (*згубидан*, *замлата* и др.), не представленных в словенском;
- 3) ЛСГ «Отношение к деньгам и прочим материальным благам»: в словенском языке более ярко выражен концепт «жадность» (*pohlepnež*, *požrešnež* и др.);

- 4) ЛСГ «Поведение и отношение к третьим лицам»: понятие 'хам', подразумевающее в первую очередь характеристику поведения, является более актуальным для словенского (*nesramnjež, nevljudnež* и др.), нежели для сербского языка;
- 5) ЛСГ «Речевые характеристики»: в словенском языке, в отличие от сербского, содержится ряд пейоративов (*gobezdalo, gofljač* и др.), значение которых совмещает такие признаки, как «болтливость» и «дерзость, наглость»;
- 6) подгруппа «Разгульный образ жизни»: исключительно в сербском языке данные пейоративы (*мангун1, угурсуз1* и др.) многочисленны и близки к общеоценочным;
- 7) подгруппа «Трусость, слабохарактерность»: в словенском языке представлено большее число уничижительных номинаций лиц, служащих для обозначения «трусости» как частного проявления «слабохарактерности» (*strahopetnež, usrane* и др.) и т.д.

В отдельных случаях какой-либо из языковых сегментов оказывался незаполненным пейоративами: например, подгруппа «Кокетство», представлена исключительно в сербском языке, что может свидетельствовать о негативном восприятии данного качества представителями данной культуры.

В словообразовательном аспекте для категории «Частнооценочные пейоративы» особое значение приобретает метафорика. Поскольку словенскую и сербскую культуру и лингвокультуру объединяет наличие славянских корней, совпадение значительного числа мотивирующих признаков метафор в сопоставляемых языках является естественным. Тем не менее удалось выявить ряд словенских и сербских пейоративных номинаций, обнаруживающих различия в следующих аспектах: наличие/отсутствие образа (слов. *driska*), обозначаемый признак (слов. *škorpjion* и серб. *акрен*), частотность (слов. *vol* и серб. *во*), оценочный знак коннотации (слов. *zmaj* и серб. *змaj*). Различия были отмечены также в области суффиксации: в словенском языке ведущая роль отводится форманту *-ež*, в сербском – менее частотным и продуктивным средствам с более узким значением. Некоторые признаковые подгруппы («Похотливость, развратное поведение», «Глупость», «Болтливость», «Уродство, внешняя непривлекательность», «Полнота», «Легкомыслие, безрассудство») отличает гендерная маркированность по женскому полу, доказывающая восприятие данных негативных признаков носителями словенского и сербского языков как типично женских. Такого рода особенность свойственна также сербским подгруппам со значением «Неряшливость, неопрятность» и «Кокетство».

Распределение лексем по группам и подгруппам имеет достаточно условный характер, что связано с тенденцией многих пейоративов к формированию общеоценочного значения или ЛСВ, характеризующего определенный тип личности. Например, названия лиц, включенные в такие подгруппы, как «Неотесанность, отсутствие культуры» и «Мещанство», служат для номинации целого ряда негативных качеств, признаки «ворчливость» и «навязчивость, докучливость» тесно взаимосвязаны и слабо дифференцируемы, а единицы подгрупп «Бесчестность» и «Отсутствие моральных принципов» максимально близки к общей оценке. Стремление к развитию общеоценочного значения отличает также пейоративы, обозначающие носителей резко осуждаемых социумом качеств, таких, как «глупость» или «похотливость, развратное поведение (свойственное женщине)». Контексты употребления отдельно взятых лексем (например, слов. *zgaga* ‘зараза, зануда’ или серб. *panak* ‘деревенщина, простофиля’, ‘рохля’) свидетельствуют о широкой вариативности выражаемых ими ЛСВ, что также влечет за собой развитие максимально обобщенного значения.

Общеоценочные пейоративы во многом соотносятся с частнооценочными единицами: в рамках данной категории доминируют аналогичные деривационные способы (метафоризация, суффиксация) и средства образования номинаций лиц, при детальном рассмотрении которых были выявлены различия между двумя языками: доминирование форманта *-ež* в словенском языке, использование *-овић* и других узкоспециализированных суффиксов в сербском. Актуализируемая метафорика зависит от группы и подгруппы, к которой относится пейоратив: так, для подгруппы «Плохой человек» в обоих языках характерны такие источники метафор, как номинации испражнений, собаки, свиньи и т.д., а также ряд переносов по сходству, используемых только в одном из языков: слов. *mrha* ‘слабое животное, кляча’, серб. *сплачина* ‘помои’ и др. При образовании пейоративов подгруппы «Никчемный человек» используются отрицательные местоимения и числительное «ноль», при деривации номинаций лиц группы «Плохие, никчемные люди» – существительные со значением ‘насекомые-паразиты’, ‘скот’, ‘мясо’ (в обоих языках), ‘хлам’ (слов. *sodrga*), ‘грязь’ (серб. *шљам*) и др.

Данная категория в целом отличается семантической однородностью и размытостью дескриптивного компонента. Ряд значений общеоценочных пейоративов обнаруживает различия по сравнению со словарными толкованиями: например, в словаре никак не обозначена гендерная маркированность словенской лексики *mrha*, в то время как упоминания в корпусе и Интернете свидетельствуют о том, что денотатом для нее являются лица женского пола.

Анализ субстантивных **фразеологизмов**, содержащих негативную эмоциональную коннотацию, свидетельствует о том, что сфера применения принятой нами классификации пейоративов не ограничивается однословными единицами. Был сделан вывод, что межъязыковые эквиваленты среди ФЕ составляют количественное меньшинство. Мы также зафиксировали отдельные культурно-маркированные фразеологизмы (слов. *jara gospoda*, серб. *задушина баба* и др.), не находящие в другом языке не только эквивалентов, но и аналогов.

Системно-функциональный подход к исследованию оправдал себя, поскольку в результате тщательного корпусного анализа единиц подтвердилось предположение о том, что значительная часть собранного пейоративного лексикографического материала относится к числу неупотребительных лексем. Кроме того, была проанализирована специфика функционирования каждой из единиц и в отдельных случаях зафиксирована динамика развития их значения (в том числе степени негативной экспрессивности), выявленная при сопоставлении со словарной дефиницией. Наряду с этим, мы выделили пейоративы высокой степени негативной экспрессивности и единицы, находящиеся на периферии зоны отрицательной эмоциональной оценочности, определив таким образом их положение в рамках функционально-семантического поля пейоративности. Исчерпывающая дифференциация степеней негативной экспрессивности при этом не входила в наши задачи.

Таким образом, результаты диссертационного исследования подтверждают обоснованность проведенного разграничения идентифицирующих, частнооценочных и общеоценочных пейоративов, находящего отражение в их распределении в рамках лексико-семантического поля личности. Различия данных категорий проявляются на словообразовательном, семантическом, функциональном уровнях. Однако область уничижительных номинаций лиц, как и лексическая система языка в целом, представляет собой своеобразный континуум, отличающийся отсутствием четких границ. Мы особо отметили лексемы, значение которых не может быть однозначно отнесено к какому-либо из типов, не говоря уже о пейоративных ЛСВ одной и той же лексемы, имеющих различный категориальный статус.

Перспективы дальнейшего изучения и развития темы настоящего исследования представляются нам многоплановыми. Во-первых, в работе была выдвинута гипотеза о том, что границы степеней негативной экспрессивности в словенском и сербском языках не совпадают. Данное утверждение требует дополнительных доказательств, базирующихся на обширном материале и использовании иных научных методов. Степень негативной экспрессивности, ее взаимосвязь со стилистическими и социолингвистическими

характеристиками лексемы, видится нам интересным объектом любого сравнительного исследования.

Во-вторых, семантика словенских дериватов, образованных с помощью форманта *-ež*, и ее варьирование должны быть исследованы комплексно, с учетом разнообразных факторов, в том числе особенностей словоупотребления.

В-третьих, в данной работе удалось охватить лишь ограниченный лексический материал, который может и должен быть дополнен словенскими и сербскими диалектизмами, жаргонизмами и иными единицами ФСП пейоративности. Само по себе пейоративное поле, структура которого в настоящем исследовании была лишь намечена, должно быть рассмотрено более подробно и систематизировано.

В-четвертых, внутри- и межъязыковые семантические различия, установленные нами в рамках тех или иных ЛСГ и признаков подгрупп, могут послужить основой для дальнейшего типологического изучения славянских языков.

В-пятых, пейоративные номинации лиц представляют собой лишь отдельно взятый вид негативно-оценочных лексем и лишь часть эмоционально окрашенных языковых единиц. Словенский язык, как уже было отмечено выше, мало изучен в данном аспекте, и любое исследование в рассматриваемой сфере (иные типы пейоративов, мелиоративы и т.д.) будет иметь определенную научную ценность. Сербский язык, с нашей точки зрения, также требует дальнейшего изучения в области экспрессивной лексики, в особенности с функционально-семантической стороны вопроса. Мы надеемся, что критерии и методы, используемые в настоящей диссертации, послужат базой для последующих работ, а материал исследования найдет применение в лингводидактической и лексикографической областях знания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Русскоязычные источники

- 1) Адмони В.Г. Основы теории грамматики. Л.: Наука, 1964. – 106 с.
- 2) Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
- 3) Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). Учеб. Пос. для студентов фак. Ин. яз. Л.: Просвещение, 1973. – 303 с.
- 4) Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. – 341 с.
- 5) Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
- 6) Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
- 7) Бабенко Л.Г. Русская эмотивная лексика как функциональная система: автореф. дис. д-ра филол. наук. Свердловск, 1990. – 32 с.
- 8) Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка: пер. с фр. М.: Издательство “Иностранной литературы”, 1955. – 298 с.
- 9) Барнет Вл. К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М.: Изд-во МГУ, 1983. – С. 9-29.
- 10) БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 1 / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А.С. Герд. М., СПб.: Наука, 2004. – 662 с.
- 11) Белоусова А.С. Русские имена существительные со значением лица. (Лексический состав и вопросы его словарного описания) // Вопросы языкознания, 1981, №3. – С. 71-84.
- 12) Бельская В.А. Общее и специфическое в лексике славянских языков (на примере общих названий лиц в современном словенском и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1985. – 22 с.
- 13) Бережан С.Г. Теория семантических полей и синонимия // Проблемы языкознания. М.: Наука, 1967. – С. 165-169.
- 14) Березович Е.Л., Гулик Д.П. Homo ethnicus в зеркале языка: к методике описания

- // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury, № 14. Lublin: UMCS, 2002. – S. 47–67.
- 15) Бондарко А.В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: Фил. фак., 2004. – 208 с.
- 16) БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.
- 17) Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания, №5. М.: Наука, 1971. – С. 105-113.
- 18) Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
- 19) Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. – С. 140-161.
- 20) Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: УРСС, 1985. – 280 с.
- 21) Гак В.Г. Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 20-31.
- 22) Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. // Сборник статей по языкознанию 60-летию В.В. Виноградова. Под ред. А.И. Ефимова. М.: Изд-во МГУ, 1958. – С.103-124.
- 23) Грищенко А.И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Материалы международной конференции 8-9 июня 2007 г. памяти Л.В. Николенко и Ю.П. Солодуба (МПГУ). М.-Ярославль: Ремдер, 2007. – С. 40-52.
- 24) Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. – 257 с.
- 25) Дуличенко Л.В. Антрополоксемы с негативным значением и их лексикографическое описание: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. – 16 с.
- 26) Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи: Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия: Учебное пособие. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1990. – 81 с.

- 27) Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
- 28) Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
- 29) Кабанова Н.П. Об одном аспекте синхронного сопоставления славянской лексики / Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М.: Наука, 1979. – С. 46-60.
- 30) Карасик В.И. Язык социального статуса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/texts/karasik/status00.htm> (дата обращения: 12.08.2013).
- 31) Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. – 354 с.
- 32) Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2008. – 350 с.
- 33) Ковалевская А.В. Пейоративные наименования лица в немецкой фразеологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008 – 22 с.
- 34) Ковалевская А.В. Структура и лексическое наполнение микрополя «Пейоративные наименования лица» // Вестник Тамбовского университета, вып. 2 (58). Тамбов: ТГУ, 2008. – С. 219-223.
- 35) Коваленко Е.В. Языковая актуализация пейоративной оценки (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. – 189 с.
- 36) Коростова С.В. Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, № 103. СПб: РГПУ, 2009. – С. 85-93.
- 37) Кошель Г.Г. Оценочные предикатные номинации в современном английском языке (на материале дерогативных наименований лица): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. – 27 с.
- 38) Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
- 39) Красовец А. Понаехали тут, или Чефуры вон! Словенские реалии мультикультурного сожительства // Вестник Европы XXXVII. Специальный номер «Словения». Москва: Вестник Европы; Открытая политика, 2013. – С. 230-238.
- 40) Кремих И.И. Пейоративы-переосмысления в лексике современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. – 16 с.

- 41) Крупенченко В.Н. К вопросу о пейоративах и механизмах их образования в немецком языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. Вып.2. М.: Изд-во МГУ, 2013. – С. 158-167.
- 42) Крупенченко В.Н. Языковые особенности экспрессивных отрицательно-оценочных лексем с австрийской маркированностью: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. – 23 с.
- 43) Крылова О.Н. Пейоративные номинации лица в гендерном аспекте: на материале немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009 – 19 с.
- 44) Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. – 200 с.
- 45) Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.
- 46) Левин Ю.И. Об обценных выражениях русского языка // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 809-819.
- 47) Лескина С.В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления: на материале фразеологических единиц: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2010. – 41 с.
- 48) Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Сборник научных трудов. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1976. – С. 3-21.
- 49) ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
- 50) Марчиняк Р. Наименования производителей действия и атрибутивные имена // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой, вып. 38. М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 173-182.
- 51) Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл-Текст». Москва-Вена: Языки русской культуры, 1995. – 682 с.
- 52) Методы изучения лексики / Под ред. А.Е. Супруна. Минск: БГУ, 1975. – 232 с.
- 53) Молчанова С.Ф. Лексико-грамматическая природа характеризующих наименований (на основе именующих лицо) // Вопросы русского языка, вып. 5. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ин-т им. К.Д. Ушинского, 1969. – С. 12-29.

- 54) Нешименко Г.П. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М.: Изд-во МГУ, 1983. – С. 30-51.
- 55) Нешименко Г.П. Явление асимметрии у существительных со значением лица в чешском языке // Советское славяноведение, вып.2. М.: Наука, 1966. – С. 31-41.
- 56) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. Москва, Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004 г. – 1488 с.
- 57) НСиЗ – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. Том 1 / Отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 814 с.
- 58) Орлова Н.О. Сленг vs жаргон: проблема дефиниции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/novye_Issledovaniy/24_6/ (дата обращения: 17.08.2013).
- 59) Пазыч Н.В. Средства языковой номинации отрицательной оценки в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев: КГУ имени Т.Г. Шевченко, 1986. – 23 с.
- 60) Пиотровская, Л.А. Эмотивность как языковая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Вып. 2. СПб.: СПбГУ, 1993. – С. 41-47.
- 61) Плотникова О.С. Словенский язык. М.: Изд-во МГУ, 1990. – 200 с.
- 62) Присяжнюк Т.А., Захарова М.П. Языковая категория экспрессивности и сопряжённые с ней лингвистические явления // Иностранные языки: лингвистический и методический аспекты: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: ООО «Техно-Декор», 2009. – С. 104-111.
- 63) Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А.Шубик. СПб.: Наука, 2005. – 480 с.
- 64) Рахилина Е.В., Прокофьева И.А. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания, № 1. М.: Наука, 2004. – С. 60-78.
- 65) РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т.1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос) / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. – 807 с.

- 66) Савинкина Н.Б. Пейоративное словообразование в современном немецком языке (на материале имени существительного): автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1987. – 16 с.
- 67) Сафонова Л.В. О лингвистической сущности пейоративности в лексике // Теория и методы лексикологических исследований: Межвузовский сборник научных трудов. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 52-57.
- 68) Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / Отв. ред. Г.П. Нещименко. М: Наука, 1987. – 271 с.
- 69) СРЯ – С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. – 750 с.
- 70) Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Leksicheskoe_znachenie_v_rechi_1985.pdf (дата обращения: 14.03.2014).
- 71) Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. — 122 с.
- 72) Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. – 143 с.
- 73) Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- 74) Теория поля в современном языкознании. Тезисы докладов научно-практического семинара. Ноябрь 1993 г. Часть III / Редкол.: Т.А. Кильдибекова (отв. ред.) и др. Уфа: Башкир. ун-т, 1994. – 124 с.
- 75) Толстой И.И. Сербско-хорватско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. – 1168 с.
- 76) Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: автореф. дис. . . . канд. филол. наук. СПб., 1999. – 37 с.
- 77) Турецкова И.В. Языковые средства манифестации пейоратива в словаре и тексте: автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Самара, 2011. – 19 с.
- 78) ТФГ – Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991. – 370 с.
- 79) Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
- 80) Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. – 240 с.

- 81) Уфимцева А.А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М.: Академия наук, 1961. – С. 230-241.
- 82) Чэнь Сяохуэй. Русские наименования лица по свойству и их употребление в газетных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011 – 24 с.
- 83) Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: УРСС, 2009. – 208 с.
- 84) Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
- 85) Шибаета Н.П. К вопросу о функционально-семантическом поле пейоративности // Лингвистические структуры текста: Сборник научных трудов. М., Кострома: АН СССР, Ин-т языкознания; Костром. гос. пед. ин-т им. Н. А. Некрасова, 1988. – С. 151-155.
- 86) Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. – 280 с.
- 87) Шмелев А.Д. Определенность - неопределенность в названиях лиц в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1984 – 220 с.
- 88) Щепин А.Г. Лексико-грамматическое поле лица в современном русском языке // Вопросы стилистики русского языка. Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1973. – С. 123-140.
- 89) Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. – 254 с.
- 90) Якушкина Е.И. Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. – 175 с.

Иноязычные источники (латиница)

- 91) Aleksić J. Kdo je čefur? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mladina.si/46643/kdo-je-cefur/> (дата обращения: 14.03.2013).
- 92) Ananiewa N. Rzeczownikowe nomina personalia w polszczyźnie kresów północno-wschodnich // Studia Kresowe t.1, Język-Literatura-Historia. Zielona Góra, Warszawa: UZg, 2010. — S. 25–37.
- 93) Babić S. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku: nacrt za gramatiku. Zagreb: Jugoslovenska akademija znanosti i umjetnosti: Globus, 1986. – 551 str.
- 94) Bajec A. Besedotvorje slovenskega jezika. 1: Izpeljava samostalnikov. Ljubljana: SAZU, 1950. – 135 str.

- 95) Będkowska-Kopczyk A. Jezikovna podoba negativnih čustev v slovenskem jeziku: kognitivni pristop. Ljubljana: Študentska založba, 2004. – 277 str.
- 96) Bogdanović D. Knjiga o Kosovu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kosovo.net/sk/rastko-kosovo/istorija/knjiga_o_kosovu/index.html (дата обращения: 6.03.2013).
- 97) Gorjanc V. Neposredno in posredno žaljiv govor v jezikovnih priročnikih: diskurz slovarjev slovenskega jezika // Družboslovne razprave, 21/48. Ljubljana: Slovensko sociološko društvo, Fakulteta za družbene vede Univerze v Ljubljani, 2005. – Str. 197–209.
- 98) Harkins J., Wierzbicka A. (Eds.). Emotions in crosslinguistic perspective. Berlin: de Gruyter, 2001. – 421 p.
- 99) Kalčič Š. «To je tko, kt en Johan, recimo en Johan, ampak je musliman»: bošnjaški diskurzi o islamu v Sloveniji // Razprave in gradivo, št. 47. Ljubljana: Inštitut za narodnostna vprašanja, 2005. – Str. 190-222.
- 100) Knežević Z. Čovek u žargonu. Beograd: Alma, 2010. – 256 str.
- 101) Kržišnik E. Določanje jezikovno- in/ali besedilnozvrstne zaznamovanosti v frazeologiji // Obdobja 22: Členitev jezikovne resničnosti. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/ tuji jezik, 2003. – Str. 103-120.
- 102) Kržišnik E. Negativna vrednotenjska zaznamovanost leksemov v slovenščini // Etika v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi. 49. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1. – 12.7.2013. Zbornik predavanj. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/ tuji jezik, 2013. – Str. 11-20.
- 103) Kržišnik E. Viri za kulturološko interpretacijo frazeoloških enot // Jezik in slovstvo, letnik 53, št. 1. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2008. – Str. 33-47.
- 104) Logar Berginc N. Kvalifikator ekspr. v Slovarju slovenskega knjižnega jezika na ravni frazeologije // Jezik in slovstvo, letnik 46, št. 4. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2001.
- 105) Müller A.F. Die Pejoration von Personenbezeichnungen durch Suffixe im Neuhochdeutschen. Burch: Altdorf, 1953. – 261 s.
- 106) Nežmah B. Kletvice in psovke. Ljubljana: Nova revija, 1997. – 182 str.
- 107) Prodanović Stankić D. Metafore sa nazivima životinja u srpskom i engleskom jeziku // Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku, XLVII/1-2. Novi Sad: Matica srpska, 2004. – Str. 131-145.

- 108) RJAŽU – Rečnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Dio 20, sv. 1-4: (Ustarane-visokorođe). Zagreb: JAZU, 1972. – 960 str.
- 109) Slovenski pravopis. Ljubljana: ZRC SAZU, 2001. – 1805 str.
- 110) SNB – Slovar novejšega besedja slovenskega jezika. Ljubljana: ZRC SAZU, 2012. – 407 str.
- 111) Snoj J. Metafora v leksikalnem sistemu. Ljubljana: ZRC SAZU, 2010 – 213 str.
- 112) SSF – Keber J. Slovar slovenskih frazemov. Ljubljana: ZRC SAZU, 2011. – 1158 str.
- 113) SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Elektronska izdaja [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html> (дата обращения: 02.01.2015).
- 114) SSKJ 1970 – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Zvezek 1: A-H. Ljubljana: ZRC SAZU, 1970. – 844 str.
- 115) Stramljič Breznik I. Izglagolske izpeljanke s pomenom vršilca dejanja // Slavistična revija, 40, št. 4. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 1992. – Str. 411-427.
- 116) Stramljič Breznik I. Samostalniška leksika z ekspresivnimi kvalifikatorji v Slovarju novejšega besedja // Obdobja 32: Družbena funkcijskost jezika (vidiki, merila, opredelitve). Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik, 2013. – Str. 409-416.
- 117) Stramljič Breznik I. Specializiranost obrazil za izpeljanke s pomenom vršilca dejanja, nosilca lastnosti ali stanja in opravkarja // Jezik in slovstvo, letnik 40, številka 8. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 1995. – Str. 285-291.
- 118) Šabec K. Kdo je čefur za kranjskega Janeza: stereotipi in kulturne razlike v sodobnem evropskem kontekstu // Stereotipi v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi. 43. seminar slovenskega jezika, literature in culture, Ljubljana, 26.6 – 13.7.2007. Zbornik predavanj. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/ tuji jezik, 2007. – Str. 102-117.
- 119) Tokarski R. Struktura pola znaczeniowego. Studium językoznawcze. Warszawa: PWN, 1984. – 159 s.
- 120) Toporišič, J. K izrazju in tipologiji slovenske frazeologije // Jezik in slovstvo, letnik 19, št. 8. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 1974. – Str. 273-279.
- 121) Toporišič J. Slovenska slovnica. 2., pregledana in razširjena izd. Maribor: Obzorja, 1984. – 739 str.

- 122) Valh Lopert A. Prevzeto besedje v jeziku komercialne radijske postaje (Radio City v Mariboru) // Jezikoslovni zapiski, letnik 14, št. 1. Ljubljana: ZRC SAZU, 2008. – Str. 123-137.
- 123) Vidovič Muha A. Slovensko skladiščno besedotvorje. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2011. – 448 str.
- 124) Vidovič Muha A. Slovensko skladiščno besedotvorje ob primerih zložen. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, Partizanska knjiga, 1988. – 223 str.
- 125) Zorko Z. Dialektizmi v Prežihovi zbirki *Samorastniki* // Jezik in slovstvo, letnik 39, št. 2/3. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 1993. – Str. 55-64.
- 126) Žagar F. Čustvena obarvanost besedila // Jezik in slovstvo, letnik 28, št. 2. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 1982. – Str. 50-53.
- 127) Žele A. Ekspresivne oz. čustvenostne oznake v slovarstvu // Slavistična revija, št. 41. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 1993. – Str. 529-534.

Иноязычные источники (кириллица)

- 128) Ајџановић М. Функционално оптерећење суфикса за обележавање особа. Нови Сад: Филозофски факултет, 2008. – 157 стр.
- 129) Вељковић Станковић Д. Речи субјективне оцене у настави српског језика и књижевности. Београд: Филолошки факултет, 2012. – 495 стр.
- 130) Драгићевић Р. Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2010. – 248 стр.
- 131) Драгићевић Р. Придеви са значењем људских особина у савременом српском језику. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2000. – 279 стр.
- 132) Жугић Р.В. Пејоративи за мушка лица у јабланичком говору од нископродуктивних суфикса и њихов семантичко-творбени однос према пејоративима са продуктивним суфиксима -ко, -ља, -оња, -ча // Зборник Матице српске за славистику, бр. 78. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2010. – Стр. 219-237.
- 133) Јовановић В. Деминутивне и аугментативне именице у српском језику. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2010. – 173 стр.
- 134) Ивић М. О “денотативном” и “номинативном” карактеризовању // Јужнословенски филолог, XLVIII. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1992. – Стр. 1-11.
- 135) Клајн И. Творба речи у савременом српском језику. Део 1: Слагање и

- префиксација. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2002. – 372 стр.
- 136) Клајн И. Творба речи у савременом српском језику. Део 2: Суфиксација и конверзија. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2003. – 514 стр.
- 137) Марјановић М. Етноними са негативном експресивном конотацијом // Шездесет година Института за српски језик САНУ. Зборник радова. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007. – Стр. 109-118.
- 138) Матијашевић Ј. Из проблематике лексичко-семантичке спојивости у руском и српском језику (на примеру речи субјективне оцене) // Славистика VI. Београд: Славистичко друштво Србије, 2002. – Стр. 30-38.
- 139) Николић М. Обратни речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2000. – 1394 стр.
- 140) Пижурица М. Из дијалекатске творбе пејоратива // Лексикографија и лексикологија. Београд, Нови Сад: Матица српска, Институт за српскохрватски језик САНУ, 1984. – Стр. 120-134.
- 141) Радмиловић А. Ко су Србијанци, где живе, и шта су они на крају крајева [Електронни ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nspm.rs/kuda-ide-srbija/ko-su-srbijanci-gde-zive-i-sta-su-oni-na-kraju-krajeva.html> (дата обращения: 10.02.2014).
- 142) Радовић-Тешић М. Пејоративни називи за женску особу у једном народном говору // Јужнословенски филолог, 56/3-4. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2000. – Стр. 907-913.
- 143) Радуловић Ј. Аугментативно-пејоративно значење неких именица // Наш језик, VIII/3-4. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1956. – Стр. 106-113.
- 144) Ристић С. Експресивна лексика у најновијем омладинском жаргону и у савременом српском језику // Наш језик XXXIII/3-5. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2000. – Стр. 73-88.
- 145) Ристић С. Експресивна и стилска употреба збирних именица са суфиксом -ија. // Наш језик XXXI. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1996. – Стр. 85-95.
- 146) Ристић С. Експресивна лексика у српском језику (теоријске основе и нормативно-културолошки аспекти). Београд: Институт за српски језик САНУ, 2004. – 318 стр.
- 147) РМС – Речник српскохрватскога књижевног језика. Друго фототипско издање. 6 књ. Нови Сад-Загреб: Матица Српска, 1967-76 (1990). – 871 стр., 867 стр., 914 стр., 1043 стр., 1038 стр.

- 148) РСАНУ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. 19 књ. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1959-2014. – 694 стр., 800 стр., 794 стр., 798 стр., 798 стр., 798 стр., 798 стр., 798 стр., 800 стр., 800 стр., 800 стр., 800 стр., 800 стр., 800 стр., 781 стр., 800 стр., 800 стр., 799 стр., 800 стр.
- 149) РСЈ – Речник српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2007. – 1561 стр.
- 150) Семантичко-деривациони речник. Свеска 1: Човек – делови тела. / Ред.: Д. Гортан-Премк и др. Нови Сад : Филозофски факултет. Одсек за српски језик и лингвистику, 2003. – 372 стр.
- 151) Ћирјаковић З. Зашто је увредљива реч *Србијанац*? [Електронни ресурс]. – Режим доступа: <http://www.standard.rs/zoran-cirjakovic-zasto-je-uvredljiva-rec-srbijanac.html> (дата обращения: 10.02.2014).
- 152) Ћорић Б. Творба именица у српском језику. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2008. – 256 стр.
- 153) ФРСЈ – Оташевић Ђ. Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад: Прометеј, 2012. – 1045 стр.
- 154) Штасни Г. Атрибутивне именице (*nomina attributiva*) у српском језику // Српски језик, 12/1-2. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007. – Стр. 469-483.
- 155) Штасни Г. Речи о човеку. Нови Сад: Филозофски факултет, 2013. – 207 стр.

Корпусы и Интернет-словари

- 156) Gigafida. Korpus slovenskega jezika (Projekt *Sporazumevanje v slovenskem jeziku*). – Режим доступа: <http://www.gigafida.net> (дата обращения: 02.01.2015).
- 157) Razvezani jezik. Prosti slovar žive slovenščine. – Режим доступа: <http://razvezanijezik.org> (дата обращения: 02.01.2015).
- 158) Rečnik narodnih pogrdnih naziva. – Режим доступа: <http://ndragan.com/langsr/pogrde.html> (дата обращения: 02.01.2015).
- 159) Vukajlija. Rečnik slenga. – Режим доступа: <http://vukajlija.com> (дата обращения: 02.01.2015).
- 160) Корпус савременог српског језика на Математичком факултету Универзитета у Београду. – Режим доступа: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs> (дата обращения: 24.08.2014).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Словенские пейоративы

- ***aberveznik?*** (сл.)
- *abotnež*
- *afna1*
- *afna2*
- ***agresivnež?***
- ***arogantnež***
- ***avša*** (жс)
- ***baba***
- *baba*
- ***baba1?*** (жс)
- ***baba2*** (жс)
- *babela* (жс)
- *babetina* (жс)
- *babišče* (жс, 0)
- ***babjak***
- *bable1* (жс, 0)
- *bable2* (жс, 0)
- ***babnica*** (жс)
- *babovje* (жс, соб.)
- *babše1* (жс)
- *babše2* (жс)
- ***babura1*** (жс)
- ***babura2*** (жс)
- *baharitnež* (0)
- *bahavs* (0)
- ***bajs*** (сл.)
- ***bajsa*** (сл., жс)
- ***bajsi*** (сл.)
- *Balkanec*
- *banavz*
- ***baraba***
- *barabež*
- ***barabin***
- ***barabon***
- ***barbar***
- *beba* (0)
- ***bebec***
- ***bedak***
- *bedakinja* (жс)
- *beračon* (0)
- *bik*
- ***bimbo?***
- ***bizgec?***

- *blebetulja* (жс)
- **boječka**
- *boječnež*
- **bosanec**
- *brblja*
- *brbljač*
- *brbljavec*
- *brbljavka* (жс)
- *brbljež* (0)
- *brbra* (0)
- *brbrač* (0)
- *brenta* (жс)
- **brezbožnež?**
- *brezčutnež?*
- **brezdelnež?**
- *brezdušnež*
- *breznačelnež?* (0)
- **brezobzirnež?**
- **brezsrčnež**
- **brezvestnež?**
- **brezveznik?**
- *brezznačajnež?* (0)
- *brus* (0)
- **bučman**
- **bukseľ?**
- *bulec?* (0)
- **bunka** (жс)
- *burkla* (жс, 0)
- *burklež* (0)
- **butalec**
- *butara1* (жс)
- **butec**
- **butelj**
- **buzarant (buzerant)**
- **buzi** (сл.)
- *cafuta1* (жс, 0)
- *cafuta2* (жс, 0)
- **candra1** (жс)
- **candra2** (жс)
- *capa*
- *capajdra1* (жс, 0)
- *capajdra2* (жс, 0)
- **capin?**
- *capinka?* (жс, 0)
- **cepec**
- *cigan* (0)
- **Cigan?**
- *ciganče* (0)

- *ciganija* (сoб.)
- ***Ciganka?*** (ж),
- ***cipa1*** (ж)
- ***cipa2*** (ж)
- ***cirkusant?***
- ***cmera***
- *cmeravec*
- *cmerika* (0)
- *cmerikavec* (0)
- ***copata?***
- ***coprnica*** (ж)
- *crka* (0)
- ***cucek***
- *cundra1* (ж, 0)
- *cundra2* (ж, 0)
- *cunja*
- ***čaprec*** (сл.),
- *čarovnica* (ж)
- *časopisar*
- ***čefur***
- *čeh* (сл.)
- *čeljistač*
- ***čemernež?***
- *čenčura*
- *četnik*
- *čifut*
- *čifut2* (0)
- *čifutarija* (сoб., 0)
- *človeče*
- *čok* (0)
- *črkar*
- *črnavs*
- *črnklja* (ж, 0)
- *črnosuknjar* (0)
- *črnosuknjež* (0)
- ***črnuh***
- *čuš*
- *čveka*
- ***čvekač***
- *debelin*
- *debeloglavec*
- *debeloritnica* (ж)
- ***debeluh***
- *debeluha* (ж)
- *debeluhica* (ж)
- *debeluša* (ж)
- *debelušnež*
- *debelušnik* (0)

- **debil**
- *debilnež*
- *dečad* (соб.)
- *deklača* (ж, 0)
- **deklinā** (ж)
- *devetkač* (0)
- *devetkela* (ж)
- **divjak**
- **dlakosepec**
- *dlakoseпка* (ж)
- **dobičkar**
- *dobičkolovec*
- *dolgan?* (0)
- **dolgin?**
- **dolgočasnež?**
- *dolgoveznež?*
- *donda* (ж)
- *drajna1* (ж)
- *drajna2* (ж)
- **drek**
- *drekač1*
- **drekač2**
- *drekobrbec*
- *dremež* (0)
- *drenovec* (0)
- *dretar*
- **drhal** (соб.)
- **driska**
- *driskač*
- *drobne* (0)
- *drobnjakar*
- **drogeraš** (сл.)
- **drogerašica** (сл., ж)
- *drvar*
- *drvo* (0)
- *drznež?*
- *durak* (0)
- **dvoličnež?**
- *dvonožec*
- **dvoživka?**
- *dvoživkar*
- **džanki** (сл.)
- **fakin**
- *fakinaža* (соб., 0)
- **falot?**
- *fante?*
- **far**
- **farizej**

- *figa*
- *fiksar* (сл.)
- *flajdra1* (ж, 0)
- *flajdra2* (ж, 0)
- *flandra1* (ж, 0)
- *flandra2* (ж, 0)
- ***foteljaš***
- *frazer*
- *frfulja* (ж)
- *fric*
- *garjavec*
- *glavač*
- *glavan* (0)
- *glista*
- *glumač*
- ***gnida***
- ***gnjavator***
- ***gnoj***
- *gnusnica* (ж, 0)
- *gnusnik* (0)
- *goba* (сл.)
- ***gobezdač***
- ***gobezdalo***
- *gobezdavec* (0)
- *gobezdulja* (ж, 0)
- *godrnjalo*
- *godrnjavs*
- *goflja*
- *gofljač*
- ***golazen*** (собр.)
- *gorjačar*
- ***gos*** (ж)
- *gosenica* (0)
- ***govedar***
- *govedina*
- ***govedo***
- *govnač*
- ***govno***
- *govorač* (0)
- *govorun*
- *grbež* (0)
- *grdavs*
- *grdavš1*
- *grdavš2,*
- ***grdavša*** (ж)
- *grdavž1*
- *grdavž2*
- *grdež*

- **grdoba1**
- *grdoba2*
- *grdobec*
- *grdobež*
- *grduh1*
- *grduh2*
- *grdun*
- *grdunka* (ж, 0)
- **grebator**
- *grinta*
- **grozovitež?**
- *gulež*
- **gumpec**
- *guncvet* (0)
- *hacalo* (0)
- *hajduk*
- *halodri* (0)
- *harambaša*
- **hlapec**
- *hlastač* (0)
- *hlod1*
- *hlod2*
- **homič**
- *hrček* (сл.)
- **hudič**
- *hudičela* (ж, 0)
- *hudobijan* (0)
- *huncvet* (0)
- **idiot**
- *impotentnež*
- *italijanaš*
- *izlizanec* (0)
- **izmeček1**
- **izmeček2**
- *izmikač* (0)
- *izostankar*
- *izpodlezovalec* (0)
- **izrodek**
- **izvržek1**
- *izvržek2*
- *izvrženec1*
- *izvrženec2*
- *izvrženka1* (ж, 0)
- *izvrženka2* (ж, 0)
- *janez?* (0)
- *jarec*
- *jazbec*
- *jedež*

- *jegulja*
- *jetika (0)*
- *jezičnež*
- *jezikač*
- *jezikavec*
- *jezikulja (ж)*
- ***jeznoritež***
- *jezuit (0)*
- ***jodlar?***
- *jokavt (0)*
- *judek*
- ***jugovič?***
- *juhar*
- *junec*
- *jur (0)*
- *jure (0)*
- ***južnjak***
- *kača*
- ***kameleon***
- *kanalja*
- *kapitulant*
- *katoliban (сл.)*
- *kavka (ж, 0)*
- ***kešpička (ж, сл.)***
- ***kifeljc (сл.)***
- *kilavec1*
- *kilavec2*
- ***kimavec***
- *klada*
- *klafač (0)*
- ***klanovec***
- ***klečeplazec***
- *klepetáč*
- *klepetalo (0)*
- ***klepetulja (ж)***
- *klepetun (0)*
- *klikar*
- *klinec (0)*
- *kljuka (ж)*
- *klobasač*
- *klopotalo (0)*
- *klopotec (0)*
- ***kmet***
- ***kmetavz***
- ***kmetavzar,***
- ***kmetica (ж)***
- *knjigobrbec?*
- ***knjigožer?***

- **kobila1** (ж)
- *kobila2* (ж)
- *kokodajska* (ж)
- **kolovodja**
- **komolčar**
- *konj1*
- *konj2*
- **konjederec**
- **kopitar**
- **koristolovec**
- *koritar*
- *kostišče* (0)
- *koščenjak*
- **koza** (ж)
- *kozel1*
- **(stari) kozel2**
- *kramar*
- *kramp*
- **krava1** (ж),
- *krava2*
- *krava3*
- *kremža*
- **kreten**
- *krevlja*
- *krevsa* (ж, 0)
- *kevse* (0)
- **kričać**
- *kritikaster1*
- *kritikaster2*
- **krota**
- *krpač*
- *krpar*
- **kruhoborec**
- *krutež*
- **krvoločnež**
- **krvoses**
- *ksantipa* (ж)
- **kura** (ж)
- **kurba1** (ж)
- **kurba2** (ж)
- **kurbir**
- *kutar*
- **kuzla** (ж)
- *kvasač*
- **kvazistrokovnjak?**
- *lahon*
- *lahon*
- *lajavec*

- *lajdra1* (ж)
- *lajdra2* (ж)
- *lajnar* (0)
- *lakomnež?*
- *larfa* (ж, 0)
- *lenobnež*
- *lenuh*
- *lenuhar*
- *lenuhinja* (ж)
- *ležba* (ж)
- *liberaluh*
- *lipe?*
- *lisica?* (ж)
- *(stari) lisjak?*
- *lizun*
- *ljubosumnež?*
- *lola?* (ж)
- *lolak?* (0)
- *lole?*
- *lopov*
- *lovač?* (0)
- *lovača1* (ж)
- *lovača2* (ж)
- *lump*
- *lutka*
- *luzer* (сл.)
- *maček?*
- *madžaron*
- *makaronar?*
- *malenkostnež?*
- *malodušnež*
- *malomarnež?*
- *malomeščan*
- *malopridnež?*
- *malopridnica* (ж)
- *malovrednež*
- *malovrednica* (ж, 0)
- *maltar*
- *mandeljč?*
- *marioneta*
- *maščevalnež?*
- *maškara*
- *mazač1*
- *mazač2*
- *mazačka* (ж)
- *mečkač*
- *mečkaló* (0)
- *medved*

- **mehkužnež**
- *meketač*
- *merjasec*
- *meso* (sob.)
- **mešetar**
- **mevža**
- *mevže* (0)
- *mladikavec* (0)
- *mlečnež*
- **mlečnozobec**
- *mlekoses*
- **močvirnik** (сл.),
- *modrak* (0)
- *modrijarh* (0)
- *mogočnjak*,
- **mona** (сл.)
- **mora**
- *morilec* (0)
- *motovilež* (0)
- *motovilo* (0)
- *može*
- **možicelj?**
- *mračnež?*
- **mračnjak**
- *mrčes* (sob.)
- **mrha** (ж)
- *mrhač* (0)
- *mrhež* (0)
- **mrhovinar**
- *mrlič*
- *mrtvak*
- *mrtvilo* (0)
- *mrzlokrvnež*
- *načičkanec* (0)
- **nadležnež?**
- **nadutež?**
- *nagnusnež*
- *nagnusnik* (0)
- **nakaza**
- **nakladač** (сл.)
- **narkič** (сл.)
- *narodnjakar1* (0)
- *narodnjakar2*
- *nastava* (ж, 0)
- **nazadnjak?**
- *nazadnjakar*
- *nazadnjakinja?* (ж)
- *nečednež*

- **nečimrnež?**
- negoda (0)
- negode
- negodnež
- negodnik
- **nehvaležnež?**
- **nemarnež1**
- **nemarnež2**
- *nemarnica1* (ж)
- *nemarnica2* (ж),
- *nemarnica3* (ж)
- **nemčur**
- **nemoralnež**
- *nemškutar*
- **neodgovornež?**
- **nepomembnež?**
- *neprijaznež?*
- *nerga* (0)
- **nergač**
- **neroda1**
- *neroda2*
- **nerodnež1?**
- *nerodnež2*
- *neslanež* (0)
- **nesnaga**
- **nespametnež**
- *nespodobnež,*
- **nesposobnež?**
- **nespretnež?1**
- **nespretnež2**
- **nesramnež**
- *nesreča?*
- *nestanovitnež?*
- **nestrpnež?**
- **neumnež?**
- *nevljudnež?*
- *nevrednež*
- *nevšečnež*
- *nezmožnež* (0)
- **niče**
- **ničla**
- **ničvrednež**
- **nihče**
- **nizkotnež**
- **norec?**
- *nosan*
- *nenasitnež* (0)
- *oblastnež?*

- *očitar*
- ***oderuh***
- *odurnež*
- *odvratnež*
- *ogabnež*
- ***ogleduh***
- *oguljenec (0)*
- *okornež*
- ***okrutnež***
- *opical*
- ***opica2***
- *opičjak*
- ***oproda***
- ***orodje***
- ***osel1***
- *osel2*
- *osrane (0)*
- *osranec (0)*
- *ostudnež*
- ***ošabnež?***
- *ošabnica (ж)*
- ***ovca***
- *ozkosrčnež*
- ***pacek1,***
- ***pacek2***
- *packač*
- *packon1?*
- *packon2?*
- *pačuh (0)*
- ***padar***
- ***pajac***
- *pajacelj*
- ***pajdaš***
- *pametnjak?*
- ***pametnjakovič?***
- ***pamž? (сл.)***
- *pandur*
- ***pankrt1***
- ***pankrt2***
- ***pankrt3***
- *paragaj*
- ***papak (сл.)***
- ***parazit***
- ***pasjeglavec***
- ***peder***
- ***pederčina (сл.)***
- *pepe?*
- *peresar*

- *perogriz*
- *peroprask*
- *pes*
- ***pesjan***
- ***petelin***
- ***petičnež?***
- *petolizec*
- ***pezde***
- ***picajzelj* (сл.)**
- *pijančina*
- ***pijandura***
- ***pijavka***
- *pikrež*
- *pisac*
- *pisar*
- *pismar*
- *pismouk*
- ***pisun***
- *piškavec1*
- *piškavec2*
- *pizdolizec*
- ***pizdun***
- *plahun* (0)
- *plašnež*
- *plitvežpobi*
- *pobožnjak*
- ***pobožnjakar***
- ***pocestnica1* (ж)**
- ***pocestnica2* (ж)**
- ***počasne***
- ***počasnela* (ж)**
- ***počasnež?***
- *počepka1* (ж)
- *počepka2* (ж)
- ***podčlovek***
- ***podgana***
- *podganar*
- ***podlež***
- *podplatar* (0)
- ***podrepnik***
- *pogan*
- ***pohlepnež?***
- *pojedež?* (0)
- *pojeduh* (0)
- *pokveka1*
- ***pokveka2***
- ***polčlovek***
- *polentar*

- *poležuh*
- ***politikant***
- *polž*
- *ponočnjakar* (0)
- *popič*
- ***pošast***
- *potepin?*
- *povaljanec1* (0)
- *povaljanec2*
- ***površnež?***
- ***povzpetnica?*** (ж)
- ***povzpetnik?***
- ***pozer***
- ***požeruh***
- ***požeruhinja*** (ж)
- *požerun* (0)
- ***požrešnež***
- ***prase***
- ***prasec1***
- *prasec2*
- *(pohotni) prasec3*
- ***prasec4***
- ***prastica1*** (ж)
- *prastica2* (ж)
- ***prastica3*** (ж)
- *praskač1* (0)
- *praskač2* (0)
- ***prašič1***
- *prašič2* (сл.)
- *pravdač*
- ***prdec***
- ***prekla*** (ж)
- *prepeljuh* (0)
- ***prevzetnež?***
- *prevzetnica?* (ж)
- *prifrknjenec*
- *prihajač*
- *prilagodljivec*
- ***priliznjenec***
- *prilizun* (0)
- ***primitivec***
- *prirepnik*
- *prisklednica* (ж)
- ***prisklednik***
- *priskuta* (0)
- *priskutnež*
- ***prismoda***
- *prismodež*

- *prismojenec*
- ***prismuk?***
- ***prismuknjenec?***
- ***pritepenec***
- ***propalica***
- ***prostak?***
- *prostakinja* (жс)
- ***prostitutka*** (жс)
- ***provincialec?***
- *psica* (жс)
- ***pujs***
- *puran*
- *računar?*
- ***radodajka*** (жс)
- *raglja*
- *ravšelj* (0)
- ***razsipnež?***
- ***razvratnež?***
- *rdečeličnik*
- *rdečkar1*
- ***rdečkar2***
- ***rdečuh***
- *rdečuh* (0)
- *regljač* (0)
- *renčac*
- ***reva***
- ***revček***
- ***revše***
- ***rit1***
- ***rit2***
- *ritodaj* (сл.)
- ***ritolizec***
- *ritoliznica* (жс)
- ***ritoliznik***
- *ritopik* (сл.)
- *robatež?*
- *robavs1?*
- *robavs2?*
- *robustnež1?*
- *robustnež2?*
- *rodoljubar* (0)
- *rogovila*
- *rogovilo*
- *rokomavh*
- *rokovnjač*
- *ropotač* (0)
- *ropotulja*
- *rovtar*

- *rumenokljunec*
- ***samoljubnež?***
- *samopašnež1?*
- *samopašnež2*
- *samosilnež? (0)*
- ***sebičnež?***
- ***sektas***
- *sera*
- *seriga (0)*
- *sirotka*
- *sitež (0)*
- ***sitnež***
- *skoporitec*
- *skoporitnež*
- *skoporitnica (ж)*
- ***skopuh***
- *skopulja (ж)*
- *slavohlepnež?*
- *sleduh*
- ***slepar***
- *slinar*
- *slinavec (0)*
- *slinež*
- *slon*
- ***slovenelj***
- ***Slovenček***
- ***smet***
- *smetje (сoб.)*
- *smolar (0)*
- *smolec (0)*
- ***smrad***
- *smradljivec (0)*
- *smraduh*
- *smrčuh*
- *smrde (0)*
- *smrdljivec1*
- ***smrdljivec2***
- *smrdljivka (ж)*
- ***smrduh1***
- ***smrduh2***
- *smrduha (ж)*
- *smrdulja (ж)*
- ***smrkavec?***
- ***smrklja? (ж)***
- *snet (0)*
- ***sodrga (сoб.)***
- *sova (ж, 0)*
- *splavuša (ж)*

- *spretnjakovič*
- *sračka (0)*
- *sraka (0)*
- ***srboritež***
- *srboritnež*
- *srboritnica (ж)*
- *starče (0)*
- ***starokopitnež***
- *staruh*
- *staruha (ж)*
- *stenica (0)*
- ***stiskač***
- *stiskavt*
- *stisnjenec (0)*
- *stolčkar*
- *stonoga (0)*
- ***strahopetnež?***
- *strahopezdljivec*
- ***stremuh***
- *stremuhinja (ж)*
- *strigalica (0)*
- ***stroj***
- *suha južina*
- *suhač (0)*
- *suhoparnež?*
- *suhota*
- *sulec (0)*
- ***surovež***
- ***svetohlinec***
- *svetohlinka (ж)*
- ***svinja1***
- ***svinja2***
- ***svinja3***
- ***svinjar***
- ***svojat (coб.)***
- ***šakal***
- ***šalabajzer?***
- *šantač*
- *šantavec*
- ***šarlatan***
- ***ščav***
- *ščene1*
- *ščene2*
- *šema1*
- *šema2*
- *šintar (0)*
- *širokoritnež (0)*
- ***širokoustnež?***

- šivač (0)
- šivankar
- šivankarka (ж, 0)
- **škodljivec**
- **škodoželjnež**
- škorpion (0)
- škorpionka (ж, 0)
- škrba (0)
- škrbec (0)
- škrtež
- šlapa
- **šleva**
- **štor**
- štokljač (0)
- štokljež
- **šuštar?**
- **švab**
- švabarija (сoб., 0)
- švedra
- tapica (0)
- tapka (0)
- tatin,
- tatinec (0)
- **tele**
- **teleban1**
- teleban2 (0)
- **tepček?**
- **tepec**
- **tepka**
- tercijsalec
- teslo1 (0)
- **teslo2**
- **težak (cл.)**
- težakinja (cл., ж)
- tica1? (ж, 0)
- tica2? (ж, 0)
- tintar (0)
- tintomaz1 (0)
- tintomaz2 (0)
- **tip?**
- tnalo (0)
- togotnež?
- **toplovodar (cл.)**
- **topoglavec**
- trap
- **trapa (ж)**
- trape (0)
- **trapec**

- *trapež* (0)
- *trapše* (0)
- *trde* (0)
- *trdež* (0)
- ***trdobučnež***
- *trdoglavec*
- *trdosrčnež*
- *trdovratnež*
- *trebušnik*
- ***trmoglavec?***
- *trobezljac*
- *trola* (ж)
- ***trot1***
- *trot2*
- *tutka* (0)
- *učenjakar*
- *učiteljček*
- *umetnjakar*
- *urša?* (ж)
- *uslugar* (0)
- ***usrane***
- *ustaš*
- *ustež?*
- *uš*
- *vampež*
- ***vampir***
- ***vazal?***
- ***veščā*** (ж)
- ***vlačuga1*** (ж)
- ***vlačuga2*** (ж)
- ***vlačugar***
- *vlačugarica1* (ж, 0)
- *vlačugarica2* (ж, 0)
- ***vol***
- *volčica* (ж, 0)
- *volk* (0)
- *vulgarnež*
- *zabavljač?*
- ***zabitež***
- ***zabušant***
- *zadirčnež*
- ***zadrtež***
- *zagamanec?*
- *zagovednež*
- ***zahrbtnjež***
- ***zajebanec***
- *zajec*
- ***zalega***(cob.)

- *zaletela* (ж, 0)
- *zaletelo* (0)
- **zamorec?**
- **zamorka** (ж),
- *zamorklja* (ж)
- *zanikrnež1*
- *zanikrnež2* (ж)
- *zanikrnež3*
- *zanikrnica1* (ж)
- *zanikrnica2* (ж)
- *zanikrnica3* (ж)
- *zarobljenec*
- **zarukanec**
- *zaslužkar*
- *zaspane?*
- *zavaljuh* (0)
- *zavidnež*
- **zavistnež**
- *zavržek1*
- *zavržek2?* (0)
- *zavrženec*
- *zelenoba* (0)
- *zelenokljunec* (0)
- **zgaga**
- *zgagar*
- **zguba**
- *zijač* (0)
- **zijalo**
- *zijavka* (ж, 0)
- **zlodej**
- *zlodejevec* (0)
- *zlodejka* (ж)
- **zmaj**
- **zmene**
- *zobač* (0)
- **zoprnež**
- **zver**
- **zverina**
- **žabar** (сл.)
- *žabarka* (сл., ж)
- *ženščad* (ж, соб.)
- **ženšče** (ж)
- **ženščina** (ж),
- *ženščura* (ж)
- **Žid?**
- **Židinja?** (ж)
- *živina1*
- *živina2* (соб.)

- *živinče*
- *žlobudra (0)*
- *žlobudrač*
- *žolna (0)*
-

Фразеологизмы

- *babji gregor (0)*
- *bela jetra? (сл., 0)*
- *bivši človek*
- ***človek brez hrbtenice***
- *črna duša*
- ***črna ovca?***
- *črne srajce*
- ***figa mož***
- ***garjava ovca?***
- ***grdi raček***
- ***jara gospoda (собр.)***
- ***knjižni molj?***
- *konjska smrt (0)*
- ***kronani osel***
- ***kurbin sin***
- *kurja smrt*
- *kurji britof*
- *levi razbojnik?*
- ***majhna riba***
- ***mila jera?***
- *modna lutka? (0)*
- *mojster skaza?*
- *pasja duša*
- ***pasji sin***
- ***podrepna muha***
- *rjave srajce*
- ***stari prdec***
- ***volk v ovčji koži***

Сербские пейоративы

- *аждаја (ж)*
- *Азијат*
- *ајгир (0)*
- *ајгируша (ж, 0)*
- ***акрен***
- *аламуња (ж)*
- ***алапача (ж)***
- ***алкос (сл.)***
- *алапрда (ж, 0)*
- ***алькавуша (ж)***
- *алькуша (ж)*
- *амфибија (0)*

- *Арнауштија (0)*
- *асичина (0)*
- *бабескара (ж, 0)*
- ***бабетина1 (ж)***
- ***бабетина2 (ж)***
- *бабурда1 (ж)*
- *бабурда2 (ж, 0)*
- ***бабускара1 (ж)***
- ***бабускара2 (ж)***
- *багаж (0)*
- ***багра (соб.)***
- ***бадаваџија***
- *баканџош (0)*
- ***баксуз***
- *балавадија (соб., 0)*
- ***балавандер***
- ***балавац***
- ***балавурдија (соб.)***
- ***балван***
- ***Балија1***
- *балија2 (0)*
- *балинкуша (ж)*
- *балијетина*
- *Балканац*
- ***бараба***
- ***бедевија (ж)***
- *безјак (0)*
- *безјакуша (ж, 0)*
- ***безмозгаши***
- ***безмозговић***
- ***бекрија?***
- ***бескичмењак***
- ***бештија***
- *биволчина*
- ***бизгов***
- *бизговчина*
- ***битанга***
- ***блебетало?***
- *блебетуша (ж)*
- ***бленто***
- ***блесавко?***
- ***блесан***
- ***богатун?***
- ***брав***
- *бријачић (0)*
- ***брука***
- *брундало (0)*
- ***буба***

- **будак**
- **будала**
- будалаковић (0)
- бузерант
- буква
- **букван**
- **була (ж)**
- **буљаи (сл.)**
- вампир
- **варварин**
- вашка
- **веверица? (сл.)**
- **вехабија (сл.)**
- **вештица (ж)**
- **Влах?**
- Влашина (0)
- во (0)
- волоња (0)
- вук
- вуцибатина1
- **вуцибатина2**
- вуциметла (0)
- вуцимешина (0)
- габор
- **гад**
- гадина (0)
- **гадура (ж)**
- **газдурина**
- гакуша (ж, 0)
- **гамад (соб.)**
- гамзовић (0)
- геак
- гегавац
- гегула1
- гегула2
- генералина
- геџа
- **главешина?**
- **главоња**
- главоња1
- **главоња2**
- **гладница**
- глувак
- глумац
- **глумчина**
- **глупан?**
- **глупача? (ж)**
- **гмизавац**

- *гњаважа*
- **гњаватор**
- *гњетавац (0)*
- **гњида**
- **говедо**
- **говече**
- **говнар**
- **говно**
- *голуждравац*
- *голушавац? (0)*
- **готован**
- *грбоња*
- *гребонца (0)*
- *грдоба (ж)*
- *грдов (0)*
- *грдоња*
- **гребатор**
- **грмаљ1?**
- *грмаљ2*
- **гузичар (сл.)**
- *гузолизац*
- **гузоња (сл.)**
- *гуја*
- **гуликожа**
- *гусарина (0)*
- **гуска (ж)**
- *гушчица (ж)*
- **давеж (сл.)**
- *дандара2*
- **даскара (ж)**
- **дебелогуза/дебелгуза (ж)**
- *дебеляковић (0)*
- **дебелько?**
- *дебельковић (0)*
- *девојчетина (ж, 0)*
- *девојчина (ж)*
- **девојчура (ж)**
- *девојчурина (ж, 0)*
- *дедак (0)*
- **дембел**
- *дембелан*
- **депресивац**
- **дерикожа**
- **дериште**
- **дерпе (сл.)**
- **дечурлија? (соб.)**
- **дивљак**
- **докторчина**

- допуз
- драмосер (0)
- дрвендека
- дрвендуна (ж, 0)
- **дрипац**
- **дрипчина**
- дрмало
- дрндало (0)
- **дрогераи (сл.)**
- дрогош (сл.)
- **дроља1 (ж)**
- **дроља2 (ж)**
- дромбуља
- **дромфуља1 (ж)**
- **дромфуља2 (ж)**
- **дроца1 (ж)**
- **дроца2 (ж)**
- дрче (0)
- дунда (ж, 0)
- дундача (ж, 0)
- дупедавац (сл.)
- дупејебац (сл.)
- **дупелизац**
- дурак (0)
- ђавлина (0)
- **ђаво1**
- ђаур
- ђаурин
- **ђубрад (соб.)**
- **ђубре**
- емигрантишина (соб., 0)
- ерцепураћ (0)
- Ерцов
- **жабар**
- жацман
- жгеба (0)
- ждера (0)
- ждералица (0)
- **ждероња**
- жсена
- **женетина (ж)**
- **женскарош?**
- жентура (ж, 0)
- **жентурача (ж)**
- **жентурина (ж)**
- Жидов?
- **жутокљунац**
- **забушант**

- *загуљенац (0)*
- **закерало?**
- *замерало (0)*
- **замлата**
- *запрдица (0)*
- *зафркач (0)*
- **звекан**
- *звекановић (0)*
- *звер*
- *зверина*
- *зврндало*
- **зврндов**
- *зврндовчина (0)*
- **згубидан**
- *згубидановић (0)*
- *зделолиз (0)*
- *зделоноша (0)*
- *здепало (0)*
- *здепњаковић (0)*
- **зевзек**
- *зевзечина (0)*
- **зеленаш**
- *зец*
- *зинзов*
- *зинзовчина (0)*
- *зличина (0)*
- **злоћа**
- *зубан (0)*
- *зукван (0)*
- **идиот**
- *измет*
- *измузавалац (0)*
- **изрод**
- **имбецил**
- **испичутура**
- **(стари) јарац**
- *језичина (0)*
- *језуит (0)*
- *јејина (ж, 0)*
- **јогуница**
- **кавгаџија**
- **калаштура (ж)**
- **камелеон**
- *каменица (0)*
- *капетанчина*
- **караконџула (ж)**
- **кер**
- *(матори) кеша*

- *клада*
- *клепало (0)*
- *клепетуша (ж)*
- ***клипан***
- *клуподер*
- *кљунаш (0)*
- *кнежић*
- ***кобила1 (ж)***
- ***кобила2 (ж)***
- ***коза (ж)***
- *којекаковић (0)*
- ***кокошка (ж)***
- ***комедијаш***
- ***комуњара***
- *копиан1*
- ***копиан2***
- ***копиле1***
- ***копиле2***
- *копун (0)*
- *кофераш*
- ***крава1 (ж)***
- ***крава2***
- ***крампача (ж)***
- *Крањац*
- *крвождер*
- ***крвопија***
- *креатура*
- ***кретен***
- *кричало (0)*
- ***крмак1***
- ***крмак2***
- ***крпа***
- *крџалија (0)*
- *ксантипа (ж, 0)*
- ***куја (ж)***
- *куја1 (ж)*
- *куја2 (ж)*
- ***кујетина (ж)***
- *куљеша,*
- ***куплер (куплер-мајстор)***
- ***курва1 (ж)***
- ***курва2 (ж)***
- ***курвар***
- ***курветина1 (ж)***
- ***курветина2 (ж)***
- *курјак (0)*
- *кучак*
- ***кучка (ж)***

- **коњ**
- **коњина**
- **лажовчина**
- **лажсоња**
- **лажура (0)**
- **лајавац1**
- **лајавац2**
- **лакрдијаи?**
- **лактарои**
- **лактои**
- **лапарало (0)**
- **лезба (ж)**
- **ленчурина (0),**
- **леништина**
- **либелист(а) (0)**
- **лижилонац (0)**
- **лижисахан**
- **липсаћ (0)**
- **липсотина**
- **(стари) лисац?**
- **лисица (ж)**
- **лисичар (0)**
- **литератић (0)**
- **локадур, (сл.)**
- **локало (0)**
- **локмаи**
- **лолчина (0)**
- **лопов**
- **лоповина**
- **лоповчина**
- **лопужара**
- **лопужарина**
- **лопужина (0)**
- **лотиња (0)**
- **луда?**
- **лудов,**
- **лузер (сл.)**
- **лукождер (0)**
- **лутка**
- **луцпрда?**
- **љаксе(а) (сл.)**
- **људомора**
- **магарац1**
- **магарац2**
- **магарчина**
- **мажиздјела (0)**
- **мажлизац (0)**
- **мазало1 (0)**

- *мазало*²
- *мазганац* (0)
- **мазгов**
- *мајмун*¹
- **мајмун**²
- *макаронаш* (0)
- *макаронџија*
- **малограђанин**
- *мама*
- **мамлаз**
- **мангун**¹
- **мангун**²
- **марва**¹ (соб.)
- **марва**²
- **марионета**
- *мастиловић* (0)
- *матеретина* (ж)
- *матерешина* (ж)
- *мачак*
- **мачор?**
- **машина**
- *машкара* (0)
- *медвед* (0)
- *месар*
- *месо* (соб.)
- *мешина* (0)
- *миш*
- **млакоња**
- *момчетина*
- **момчуљак**
- *момчурак*
- *момчурина* (0)
- **монструм**
- *мотка* (ж)
- **мрачњак**
- *мргода*
- *мрљина* (0)
- *мртвопувало*
- *мртвуља*¹ (ж, 0)
- *мртвуља*² (ж)
- *мрцина*²
- *мрчикњнга* (0)
- *мрчило* (0)
- *мувало*¹ (0)
- *мувало*² (0)
- *мудрачина* (0)
- *мудроња?*
- **мудросер**

- *мудруља? (ж)*
- *муктождер (0)*
- *муљало (0)*
- *мурдар*
- *мурдара (ж, 0)*
- ***муркан (сл.)***
- ***мућак***
- ***муфљуз***
- ***набигузица***
- *нагваждало*
- *надрикритичар (0)*
- ***надрилекар?***
- ***надувенко?***
- ***назадњак?***
- ***наказа1***
- ***наказа2***
- *наклапало*
- *намигивало (0)*
- *намигљивац (0)*
- ***намигуша (ж)***
- *намицаљка1 (ж, 0)*
- *намицаљка2 (ж, 0)*
- ***намћор1***
- *намћор2*
- ***наркић (сл.)***
- ***наркоманчина***
- ***наркос (сл.)***
- *натрагођа (0)*
- *неваљалчина (0)*
- *Немчина*
- ***неотесанац***
- ***неспособњаковић***
- ***неспретњаковић1?***
- *неспретњаковић2*
- ***несрећа***
- ***нечовек?***
- *никаковић (0)*
- ***нико***
- ***никогович***
- ***нитков***
- *нитковић (0)*
- *нитковица (ж)*
- *ништа*
- ***ништарича***
- ***новинарчић***
- *нокташ (0)*
- ***носоња***
- ***нула***

- **невоља?**
- Њемчина (0)
- њушкало
- **обешењак?**
- обешењаковић (0)
- оваквик (0)
- оваковац (0)
- оваковић (0)
- **овца**
- **одљуд**
- **окачењак?** (0)
- **олош1 (соб.)**
- **олош2**
- онаковац (0)
- опајгора (ж, 0)
- **опајдара (ж)**
- ордуља (ж, 0)
- **ортак?**
- **оруђе**
- орцуља1 (ж, 0)
- орцуља2 (ж, 0)
- палаворда (0)
- **паламуд (сл.)**
- **паметњаковић?**
- пангалоз
- **пандур**
- **паничар**
- папагај
- **папак**
- **папучар**
- **паразит**
- парип
- парипче (0)
- пас
- пасјак (0)
- **пацер**
- пацкало (0)
- **паише**
- **пајкан (сл.)**
- **педер**
- **педерчина**
- **педерчић**
- пезевенк1
- пезевенк2 (0)
- Пемац
- песниковић (0)
- петао
- печурка (сл.)

- **пешкир** (сл.)
- пешован (сл.)
- пијавица
- **пијандура**
- пипавац (0)
- писарица (0)
- писарчић (0)
- **пискарало**
- писличар (0)
- **пицајзла** (сл.)
- пишљивац (0)
- пишљивка (ж, 0)
- **плачљивко?**
- побожњаковић (0)
- поганац
- поганов (0)
- погановић (0)
- погануља (ж)
- погаништина
- погузијаши (0)
- подмуклаћ
- **подмуклица?**
- подрепац
- **подрепаши**
- подрепина
- **позер**
- полиграф (0)
- полицијот
- полусељак
- полусељакуша (ж, 0)
- полуствор (0)
- празнуља (ж, 0)
- **помијара (ж)**
- попекања
- попенда
- попесина (0)
- попескара
- попина (0)
- попоња
- правдач (0)
- правдација (0)
- празнов
- пракљача (ж)
- прангија (0)
- прапорац (0)
- **прасац1**
- **прасац2**
- прасица1 (ж)

- *прасица*² (ж)
- **прдоња**
- **прзница?**
- *приговарало* (0)
- *прирепак*
- **провинцијалац?**
- **пропалица**
- **простак**
- **простакуша** (ж)
- **простачина**
- **проститутка** (ж)
- *проституткиња*¹ (ж)
- *проституткиња*² (ж)
- **протува?**
- **професорчић**
- **профукњача**¹ (ж)
- **профукњача**² (ж)
- **псето**
- *пузавац*
- **радодајка** (ж)
- **распикућа?**
- *рђа*
- *рђаковић* (0)
- **рекламер**
- *рита* (0)
- *ритаковић* (0)
- *ритинар* (0)
- **ругоба**
- *самсов* (0)
- *свакојаковић* (0)
- **сваштар**
- **светина** (соб.)
- *светоња* (0)
- **свиња**¹
- **свиња**²
- **свиња**³
- *сврдларош* (0)
- **скот**
- **сељак**
- *сељаковић* (0)
- *сељакуша* (ж)
- **сељачина**¹
- **сељачина**²
- **сељобер** (сл.)
- **сератор** (сл.)
- *сероња*
- *сестретина* (ж)
- **сивоња**

- **сировина**
- *сисара (ж)*
- **ситничар?**
- *скелет*
- **скоројевих**
- *скоростек*
- *скоротечник (0)*
- *скорохлебових (0)*
- *скотница (ж, 0)*
- *скрибент (0)*
- *сликарчић*
- *слинеша1 (0)*
- *слинеша2 (0)*
- *слон*
- **слуга**
- *слуган (0)*
- *слугач (0)*
- *слугераша (0)*
- *слугица (0)*
- *слушкињичетина (0)*
- **смрад**
- *смрдель1 (0)*
- *смрдель2 (0)*
- *смрдибуба*
- *смрдиврана (0)*
- *смрдљивац1*
- **смрдљивац2**
- *смуцара (ж, 0)*
- *совуљага (ж, 0)*
- *солдачина*
- **сплачина**
- *сплачинуша (ж, 0)*
- **спонзоруша (ж)**
- *спретњаковић*
- *спретњаковић?*
- *Србекања*
- **Србенда?**
- **Србијанац**
- **Србијанка (ж)**
- **србомрзац**
- **старкеља**
- *старчекања*
- *старчуљина*
- *стеница*
- **стипса (сл.)**
- **стока**
- *стрвина1 (0)*
- **стрвина2**

- *студентић*
- **суклата**
- *тандркало*
- *тандркача (ж, 0)*
- *тарафунда*
- *тариздела (0)*
- **теле**
- **тикван**
- **тиранин**
- *товљеник*
- **токмак**
- *токмачина (0)*
- *торокача (ж)*
- **торокуша? (ж)**
- *торпедњача (ж, 0)*
- *травуљар*
- *трапавац1 (0)*
- **трапавац2**
- *трапавица (ж)*
- *трапавко1?*
- *трапавко2*
- *трапавуша (ж, 0)*
- *трапађоза1 (ж)*
- *трапађоза2 (ж)*
- *тромоња1 (0)*
- *тромоња2 (0)*
- *тротоарка1 (ж)*
- *тротоарка2 (ж)*
- *трпуљина (0)*
- *трто1 (0)*
- *трто2 (0)*
- *тртов (0)*
- *трут*
- **тунавко?**
- **тупација**
- **Туре**
- *Туркесина*
- *Туркесиша (0)*
- *Туркешања*
- **Турчин (сл.)**
- *тускоња1 (0)*
- *тускоња1 (0)*
- **тутумрак? (сл.)**
- *ћелоња, ћелупача (0)*
- *ћемер*
- **ћифта**
- *ћојлија (0)*
- *ћореша (0)*

- *ћорча*
- *ћулум (0)*
- *ћурак (0)*
- *угаса (0)*
- **угурсуз1**
- **угурсуз2**
- *узма (0)*
- *уклетва (0)*
- *улеп (0)*
- **улизица**
- **уображенко?**
- *усра (0)*
- *усранац (0)*
- **усранко**
- **усташа**
- **усташица**
- *уш (0)*
- *ушкопљеник (0)*
- **уштва (ушта)**
- **фанфуља (жс)**
- *фараон*
- *фарисеј*
- **фаћкалица (жс)**
- *фиксер (сл.)*
- *фландра1 (жс, 0)*
- *фландра2 (жс, 0)*
- *флићка1 (жс, 0)*
- *флићка2 (жс, 0)*
- *флундра1 (жс)*
- *флундра2 (жс)*
- **фотељаи**
- *фразер*
- *фриц*
- **фукара**
- **фукара1 (жс)**
- **фукара2 (жс)**
- **фукса1 (жс)**
- **фукса2 (жс)**
- **фуњара**
- *фурда*
- *фурунаи (сл.)*
- **фурунција (сл.)**
- *фуфа (жс)*
- *хајдара (жс, 0)*
- *хајкара (жс, 0)*
- *харамбаша*
- **хомић**
- *хорјат (0)*

- **хуља**
- хуниџут
- цања (0)
- цвилидрета (0)
- цепаница
- **цепидлака?**
- **Циганија** (соб.)
- циганин
- **Циганчура**
- Циганчурина
- Цигаништина (0)
- **циркусант?**
- **циција**
- **цмиздра (ж)**
- **црвендаћ**
- црвењак
- цревоња
- црнкуља (ж, 0)
- **црња**
- **чангризало?**
- **чанколиз**
- **Чивут**
- Чивутарија (соб.)
- **Чивутин**
- Чивутка (ж)
- **Чифут**
- Чифутин
- Чифутка (ж)
- Чифуткиња (ж)
- чорболок (0)
- чрчкало (0)
- чункара (ж, 0)
- чутура (0)
- џабахлебовић (0)
- **џанки (сл.)**
- џанкоза (сл.)
- џафтара (ж)
- **џибер (сл.)**
- џимрија
- **џукац**
- **џукела**
- џуџа1
- џуџа2 (0)
- шакал
- **шарлатан**
- **Шваба**
- Швабичетина (0)
- Швабичина

- Швабурија
- шебек (0)
- шеврдуља (ж, 0)
- **Шиптар?**
- **Шиптарка? (ж)**
- шкиљавац
- **шкрабало**
- **шљам (соб.)**
- шљемара (0)
- шљокар (0)
- **шљокара (сл.)**
- шљокација (сл.)
- **шмокљан?**
- шокац?
- **шоња**
- шоц
- шрмкавац (0)
- штедљивчина
- штене
- штрангов (0)
- **шуга**
- **шугавац**
- шугавица (ж)
- шумиглавић (0)
- **шупак**
- шуфт
- шуша

Фразеологизми

- **бивши човек**
- **букова глава (0)**
- **везана врећа**
- **вук у овчијој кожи**
- говну брат
- **девета руна на свирали (0)**
- **дрвени филозоф**
- **дупе глава**
- **ђаво од тетке (0)**
- **ђавољи син**
- **задушна баба?**
- **књишки мољац?**
- **крмски син (0)**
- **кујин син**
- **курвин син**
- **кучкин син**
- **лења буба**

- **мајстор квариш?**
- *пасја сорта (соб.)*
- *подгрејан леш (сл.)*
- **последња (задња) руна на свирали**
- *празна тиква*
- **продана (продата) душа**
- *пропала егзистенција*
- *псећи син*
- **ружно паче**
- *сена од човека (0)*
- *ситна зверка*
- **ситна риба**
- **стари прдоња**
- **стока без репа (соб.)**
- **фина гузица?**
- *циганска душа*
- **црна овца?**
- *човек без кичме*
- *човек дренове главе (0)*
- *човек жабље крви (0)*
- *човек кратке (мале) памети*
- *човек од дрвета (0)*
- *човек црна образа (0)*
- *шака јада?*
- *шепаве кобиле син (0)*
- **шугава овца?**